

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ

ПЕРМЬ КАК СТИЛЬ

Презентации пермской городской идентичности

АВТОР ПРОЕКТА Е. Г. ТРЕГУБОВА

Монография подготовлена в рамках проекта № 034-ф
Программы стратегического развития ПГГПУ
и культурного проекта «АРТ-резиденция»

Пермь
ПГГПУ
2013

УДК 316.334.56
ББК 60.546.21
П 27

П 27 **Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности** / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой, вступ. ст. О. Л. Лейбовича. – Пермь: редакционно-издательский совет ПГГПУ, 2013. – 240 с.

ISBN 978-5-85218-647-8

Городской стиль – понятие относительно новое в гуманитарных науках. Рассматривая стиль как форму презентации городских сообществ, авторы коллективной монографии исследуют проблемы локальной идентичности, стилевых особенностей Перми, культурных, гражданских и экономических практик современных горожан.

Работа написана по материалам социологических и культурно-антропологических исследований, проведенных авторами за последние 2 года («Пермь как стиль», «Барьеры и возможности развития человеческого потенциала г. Перми» и др.).

Издание предназначено всем, кто интересуется вопросами урбанистики, социологии, культурной антропологии, политологии.

УДК 316.334.56
ББК 60.546.21

**Издано при поддержке
Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций
Пермского края в рамках проекта «АРТ-резиденция»**

Экспертный совет проекта:

Лейбович О. Л., д.и.н., профессор; Янковская Г. А., д.и.н., профессор;
Кимерлинг А. С., к.и.н., доцент; Титов К. В., к.и.н., доцент

Автор проекта
Е. Г. Трегубова

Коллектив авторов:

Игнатьева О. В., Лысенко О. В., Янковская Г. А., Шишигин А. В., Ковин В. С.,
Оболонкова М. А., Дюкин С. Г., Кузнецов А. Г., Селезнева С. М., Подюков И. А.

Научные редакторы:

Лысенко Олег Владиславович,
Трегубова Елена Григорьевна

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© Коллектив авторов, текст, 2013
© М. Кимерлинг, фотографии, 2013
© Министерство культуры, молодежной политики и
массовых коммуникаций Пермского края, 2013
© ФГБОУ ВПО «ПГГПУ», 2013

ISBN 978-5-85218-647-8

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие – О. Л. Лейбович	6
Введение, адресованное как широкому кругу читателей, так и узкому кругу специалистов – коллектив авторов.....	9

ЧАСТЬ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

Глава 1. Город как стиль: определение понятия, предпосылки формирования и составные части – О. В. Лысенко.....	13
Глава 2. Немного теории, классической и не очень (глава для теоретиков, которым надо все понять) – О. В. Лысенко, А. В. Шишигин	23

ЧАСТЬ 2. ПЕРМЯКИ КАК ОНИ ЕСТЬ

Глава 3. Пермская городская идентичность в зеркале социологических опросов – О. В. Лысенко, А. В. Шишигин	40
Глава 4. Образ пермяка в представлении пермяка – О. В. Лысенко.....	81
Глава 5. Символические ландшафты городского пространства – О. В. Игнатьева, О. В. Лысенко.....	100

ЧАСТЬ 3. ГОРОДСКИЕ СТИЛИ

Глава 6. Европейские черты пермской идентичности через призму исторической памяти – М. А. Оболонкова	133
Глава 7. Локальный фундаментализм как стиль дебатов о культуре – Г. А. Янковская.....	151
Глава 8. Мрачный и неудобный город (оценка пермских реалий в блогосфере) – С. Г. Дюкин	162
Глава 9. Стилистика гражданской жизни Перми: «Гражданская столица» vs «Политическое болото» = «Гражданская политика» – В. С. Ковин.....	175
Глава 10. Экономическая эффективность или социальная справедливость: стратегия успеха по-пермски – А. Г. Кузнецов, С. М. Селезнева.....	200
Глава 11. Особенности неофициальной топонимики города Перми – И. А. Подюков	224

Вместо заключения. Пермский стиль: ответы и вопросы – О. В. Лысенко, А. В. Шишигин, О. В. Игнатьева	232
--	-----

Эта книга не состоялась бы без доброй воли и заинтересованности ряда людей и организаций. Спасибо нашему педагогическому университету, профинансировавшему социологические исследования и работу научного коллектива. Спасибо Министерству культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, поддержавшему этот проект. Благодаря министерству напечатана эта книга и проведена всероссийская конференция «Пермь как стиль».

Мы благодарны членам Экспертного совета проекта: доктору исторических наук, профессору ПГАИК Олегу Леонидовичу Лейбовичу за предисловие и добрые советы, доктору исторических наук, профессору ПГНИУ Галине Александровне Янковской за понимание и участие в этой монографии, кандидату исторических наук, доценту ПНИПУ Константину Викторовичу Титову и кандидату исторических наук, доценту НИУ ВШЭ Анне Семеновне Кимерлинг за участие и критические замечания, Наталье Феликсовне Сойфер за организационную работу.

Научный руководитель проекта
О. В. Игнатъева

Научный редактор проекта
О. В. Лысенко

Уважаемые читатели!

Монография, которую вы держите в руках, написана пермскими учеными, большинство из которых работает в нашем Университете. Это не просто еще одна книга о Перми, это, если угодно, заявка на новый уровень осмысления нашего города. Иногда всем нам необходимо оторваться от повседневных дел, оглядеться вокруг и постараться понять, кто мы, что с нами происходит, какие перспективы нас ждут. Обо всем этом написано честно, без прикрас и преувеличений. Некоторые факты, изложенные в книге, радуют, некоторые вызывают тревогу. Перед авторами не стояло задачи создать некий миф о Перми, они хотели помочь своему городу стать лучше. Я думаю, у них это получилось.

Уверен, книга будет востребована не только учеными и студентами. Она может помочь всем, кто работает в гуманитарной сфере: руководителям, маркетологам, чиновникам, учителям. Убежден, что знакомство с этой книгой доставит большое удовольствие.

*С уважением,
ректор Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета,
профессор А. К. Колесников*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знающие люди, наблюдающие с разных дистанций за отечественной социологией, поставили ей диагноз: больна, прежде всего, тем, что не в состоянии выработать более или менее удовлетворительные объяснительные модели для понимания современного российского общества. Что модели? Имя обществу дать не может. И на вопрос, в каком мире живем, отвечает: в постсоциалистическом. Звучит по-научному, но сообщает только о том, что вчера у нас был социализм, а сегодня его вроде бы уже и нет. А что есть? А то, что после социализма. Те, кто когда-то учился в советской школе, твердо знали: после социализма приходит полный коммунизм, где от каждого по способностям и ему же по потребностям. Личный и коллективный опыты подсказывают, однако, что живем мы сегодня совсем по другим правилам.

Почему же отечественные социологи, объединенные в два больших общества, не в состоянии предложить хотя бы друг другу несколько рабочих гипотез, устроить дискуссию на тему, какая из них более обоснована и практична, в конце концов, согласовать общие исследовательские методы, то есть создать новую парадигму социологического знания.

Самый простой ответ на вопрос такого рода гласит: от того, что ленивы мы и нелюбопытны, научную дискуссию вести не умеем, все время на взаимные обвинения скатываемся, выясняя, кто агент, а кто – и того похуже. Чужие книжки мы читать не приучены, а если какая в руки попадет, то либо называем ее дурным словом, либо превозносим до небес...

Социологи, вопреки тому, что предполагал Макс Вебер, тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо, в том числе – и подверженность моде. Если их сограждане распознают качественный товар по брендам, то и они готовы в своей профессиональной работе довольствоваться уже готовыми апробированными теориями. Что с того, что их создавали во время оно и в иных ситуациях! Приспособим для собственных нужд. И тогда начинается поиск черного кота в темной комнате: он там обязательно должен быть, поскольку об этом написано во всех учебниках. Лет 15 подряд так искали и, естественно, находили: «средний класс» из учителей, врачей и служащих. Сегодня охотятся на «креаклов» – носителей постиндустриальной культуры. Такие вот игры вместо исследований. Возможны они только в ситуации, когда общество собой не слишком интересуется, или когда общества нет, а вместо него множество одиноких людей, погруженных в свой частный мир. Они не нуждаются в социологии, для восприятия большого мира вполне достаточна телевизионная картинка, а для его понимания – постсердитого или восторженного блогера.

Здесь читатель вправе ожидать комплиментов в адрес авторов открытой им книги за теоретическую дерзость, интеллектуальный прорыв, спо-

способность двигаться против течения, открывать новые мыслительные горизонты и пр.

Но похвал такого рода не будет. Печать времени оттиснута на книге. Исследователи отнюдь не стыдятся своей беззаботности по части теории, даже несколько бравируют ею, на первой странице можно прочесть: «Мы не знали точно, куда придем и что получим». При таком подходе приходят, как правило, к самым популярным, расхожим, известным объяснительным моделям. В данном случае – к концепции урбанизма, полвека назад господствовавшей над умами социологов от штата Мичиган до Свердловской области. Авторы несколько ее отредактировали, заменив, где возможно, слова «культура» и «образ жизни» на термин «стиль». Темы, которые в книге рассматриваются, вполне традиционны для исследований, выполненных в этой парадигме: город, его символические ландшафты, локальная идентичность, гражданская активность. Замечу только, что отбор сюжетов производился строго по правилам: ничего лишнего, но и никаких пустых мест. Авторы превосходно знают исследовательскую парадигму, в которой работают. Не просто знают, но умеют в ней работать, не допуская никакой эклектики, никаких сомнительных добавок из иных теоретических моделей. Строгость методов и верность традиции – надежные индикаторы профессиональной культуры. Книгу вполне можно рекомендовать в качестве учебного пособия студентам-социологам: она дает образец, как нужно следовать выбранному теоретическому принципу в полевых исследованиях.

Основу монографии как раз и составляют добротные исполненные в традиционном стиле социологические исследования. Они предоставили необходимый строительный материал для всякого рода интерпретаций, гипотез, концептуальных построений. Причем авторы монографии обращаются с социологической информацией очень аккуратно, предоставляя читателям возможность для самостоятельных выводов, построения иных гипотез, выдвижения альтернативных версий для объяснения тех или иных фактов.

Впрочем, если бы даже они обращались с ней иначе, книгу все равно бы следовало прочесть. Ее главное достоинство в том, что в ней представлены результаты конкретных социологических исследований, проведенных в г. Перми. То, что два или три десятилетия назад было правилом: полевое исследование – отчет – сборник статей – монография, – сегодня в нашей стране является скорей исключением. Не цепь разомкнулась, а первые звенья пропали. О социальной ситуации в городах пишут журналисты, говорят депутаты, вопиют блогеры, но молчат специалисты: нет заказов – нет исследований. Умозрительные заключения особой ценности не имеют. Люди, сделавшие эту книгу, на самом деле совершили профессиональный прорыв. Они сумели убедить власть имущих заказать им не опрос общественного

мнения, но полноценное социологическое исследование, провести его, интерпретировать результаты, довести их до уровня монографического описания и найти деньги на издание, то есть восстановить нормальный цикл социального исследования. После прочтения этой книги мы все будем знать о Перми больше, чем до нее. Возможно, это первый шаг к тому, чтобы вернуть традицию скрупулезного социологического описания больших городов. И тогда появится шанс для развития теории, а нею – и всей социологической науки.

*Доктор исторических наук, профессор
О. Л. Лейбович*

ВВЕДЕНИЕ,

АДРЕСОВАННОЕ ШИРОКОМУ КРУГУ ЧИТАТЕЛЕЙ И УЗКОМУ КРУГУ СПЕЦИАЛИСТОВ

Скажем честно: начиная это исследование, мы не знали точно, куда придем и что получим. Было только общее понимание давно назревшей необходимости подобной работы. Не то, чтобы до нас этого никто не делал: публикаций по поводу того, что считать «пермским», а что нет, великое множество, да и исторически эта тема не нова. Но, как это часто бывает, авторы либо умно и красиво рефлексировали на эту тему, опираясь более на личные впечатления, чем на полевые исследования, либо брали какой-то узкий аспект пермской тематики, копали глубоко и тонко, но только в одном месте.

В результате сегодня мы находимся в ситуации слепых мудрецов из известной притчи, на ощупь пытающихся определить, каков на самом деле слон. Одни говорят, что Пермь есть история, причем древняя, другие упирают на недавнее советское прошлое, третьи пытаются из Перми сделать бренд, четвертые .., пятые .., шестые... Их работы важны и интересны, но что-то значимое при этом все время ускользает от нашего понимания, порождая то ощущение полной ирреальности, то чувство неизбежного пессимизма, а то все вместе. То мы средоточие вселенского смысла, а то – самая грязная дыра на теле России. Хочется уже какой-то взвешенности, опоры на факты, причем – на многие. Вот эту взвешенность суждений мы и попытались воспроизвести.

Мы исходим из простой и очевидной идеи – Пермь есть город. А город, прежде всего, есть сообщество, помещенное в пространство. А сообщество состоит из людей, которые в своих дискурсивных и повседневных практиках обща выработывают для себя некоторые смыслы, как-то выбирают те или иные формы поведения, поступки, привычки.

При этом под сообществом мы понимаем не столько узкий круг «избранных, счастливых праздных», специализирующихся на написании текстов и производстве дебатов, сколько группу людей, объединенных самыми разнообразными социальными связями, сетями, информацией, проблемами и т.д. и т.п. От их имени часто говорят и политики, и общественные деятели, да только самих людей редко спрашивают, особенно по поводу Перми. Как показало проведенное нами исследование, между узким кругом выступающих и «безмолвствующим большинством» (да простят нам историки такое вольное сравнение) существует немало отличий во мнениях и настроениях. Попытаться перебросить мостик между ними, объяснить каждому заинтересованному, как обстоят дела по другую сторону баррикад,

задача сама по себе интересная и полезная, а уж если после этого кто-то что-то поймет про себя и других – вообще благородная.

Теперь несколько слов для коллег-специалистов. Это междисциплинарное исследование, в котором приняли участие историки, социологи, экономисты, культурологи, урбанисты, проектные менеджеры, гражданские активисты (иногда сразу в нескольких ролях). Такая мешанина потребовала определиться с общим методологическим принципом, который бы позволил сохранить некое единство взгляда на проблему. Таким принципом стал конструктивизм (конструкционизм), согласно которому любое сообщество, любая идентичность, любое понимание себя есть результат договоренности между людьми, социокультурная конструкция, формируемая в процессе совместной деятельности (подробнее о конструктивизме и наших взглядах на него – часть 1, глава 2). Вынесенный в заголовок термин «стиль» – это отнюдь не метафора, а вполне себе научное понятие, разработанное Л. Г. Иониным и переработанное нами для нужд исследования города (см. часть 1, глава 1). Главная цель, которую мы ставили перед собой, формулируется так: понять, как возникает пермская городская идентичность в массовом сознании, какие черты образа «пермяка» признаются жителями Перми как наиболее значимые, и рассмотреть основные доктрины «пермскости» в культурном пространстве города. Иначе говоря, нам хотелось дать ответ на простой вопрос – что значит «быть пермяком».

Источников данного исследования немало. Прежде всего, это работы различных авторов, посвященные Перми в разных аспектах. Все они, так или иначе, вне зависимости от статуса и литературных достоинств, прямо или косвенно, участвуют и по сей день в формировании представлений жителей о себе и о городе.

Далее, важным источником являются данные двух социологических опросов, проведенных творческими научными коллективами Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, в которые входили и авторы данной монографии. Первый опрос носил одноименное название («Пермь как стиль») и был проведен в декабре 2012 года методом стандартизированного интервью. Всего опрошено 960 человек в возрасте 18 лет и старше. Применена квотная репрезентативная выборка по полу, возрасту и месту жительства. В качестве единицы места жительства были выбраны избирательные округа Пермской Городской Думы. Опрос проводился поквартирно, с шагом в 4 квартиры (в многоэтажных домах) и 2 квартиры – в частном секторе. Второе исследование «Барьеры и возможности» было проведено тогда же, в декабре 2012 года, в аналогичной технике. В нем приняло участие 800 человек аналогичным способом. Погрешность данных обоих опросов составляет не более 3,5-4 %.

В ходе написания книги были использованы и другие социологические данные, добытые с помощью количественных и качественных социологических методов различными научными организациями Перми, например, Пермским филиалом ВШЭ, аналитическим центром «Грани», социологическим агентством «Формула успеха» и т.д.

Наконец, немаловажным источником является и личный опыт авторов в тех или иных сферах деятельности. Хотя академический стиль и требует некоторой отстраненности от объекта исследования (что часто проявляется в тексте), нет смысла скрывать, что все мы сами являемся жителями Перми, активно вовлечены в различные процессы, проекты, события. И это, конечно, не могло не отразиться в книге.

Постановка проблемы, использованные источники и выбранный теоретический подход во многом продиктовали структуру монографии. Она разделена на три части, несущих разную смысловую нагрузку. Первая часть – теоретическая. В ней мы рассматриваем основные используемые понятия, определяем и обосновываем свой подход к поиску пермской идентичности и пермского стиля. Возможно, она будет интересна, в основном, представителям академического мира. Но мы надеемся, что нам удалось, во-первых, предложить несколько мыслей, которые будут интересны и широкому кругу читателей, а во-вторых, изложить свои идеи достаточно просто и последовательно, чтобы не заставить никого скучать.

Вторая часть книги посвящена описанию реально сложившегося пермского стиля и включает рассмотрение проблем пермской идентичности, реконструкцию образа «пермяка» в сознании пермского сообщества и восприимчивости пермских символов жителями города. Если угодно, это *диагностическая* часть книги, призванная описать самосознание жителя Перми. Она в наибольшей степени опирается на данные социологических исследований, а потому в ней много таблиц и графиков, но также выводов и интерпретаций. В наибольшей степени она может быть интересна как раз практикам: политикам, экономистам, менеджерам, предпринимателям, всем, заинтересованным в понимании пермского сообщества.

Наконец, третья часть получилась в большей степени культурно-антропологической. Начинается она с рассмотрения историко-географических концепций Перми, а продолжается главами, посвященными описанию пермской специфики в различных сферах жизни: от блогосферы до экономики. Эту часть книги можно назвать обзором доктрин «пермскости» с точки зрения разных сообществ, как прошлых, так и современных, анализом тех «кирпичиков», из которых и складывается современный пермский стиль.

Отдельно стоит сказать несколько слов о манере написания книги. Возможно, строгий читатель найдет в ней немало отступлений от научно-

го стиля. Хотим сразу предупредить – такова была изначальная установка всего авторского коллектива. Несмотря на научный характер монографии, нам не хотелось жертвовать читателем во имя верности канону. Вычурный слог еще не признак ума, обилие непонятных терминов еще не признак науки. Поэтому по возможности мы позволяли себе определенные вольности ради более точной передачи своих мыслей.

Нам было интересно работать над этим проектом. Надеемся, что интересно будет и уважаемому читателю.

ЧАСТЬ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

ГЛАВА 1. ГОРОД КАК СТИЛЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

О. В. Лысенко

Перед началом раскрытия темы, заявленной в названии, хотелось бы сделать два пояснения. Во-первых, данная статья является попыткой выявить некое методологическое основание широкой исследовательской программы, посвященной как самому понятию стиля, так и изучению реального воплощения этой теоретической конструкции на территории конкретного города. Во-вторых, основной методологической рамкой этого текста является конструктивизм, а точнее – теории стиля и инсценировки, предложенные Л. Г. Иониним. Указание на это снимает с нас необходимость пересказывать его тонкие и остроумные рассуждения о стиле, традиции и каноне, моностилистических и полистилистических культурах, процессах освоения стиля и т.д., и позволяет сосредоточиться на построении теории городского стиля.

Итак, начнем с самого сложного – с определения понятия стиля. Л. Г. Ионин справедливо утверждает, что общепринятого научного понятия стиля пока не выработано. «Вообще-то стиль – это нечто трудноуловимое. Его легко увидеть и опознать, но трудно ухватить и точно, по-научному, определить» [11, с. 316]. Действительно, определения, встречающиеся в словарях, в основном интерпретируют стиль как способ или метод выражения мысли, как некую форму действия, как нечто внешнее. Идет ли речь об искусстве или повседневном поведении, слово «стиль» используется для того, чтобы определить внешний аспект явления, а потому оно и не входит в набор «серьезных» научных понятий. Как и множество других универсальных слов (например: игра), стиль и вездесущ, и легковесен. Такие слова принято либо употреблять в рамках аналогий, либо использовать по умолчанию. Известны и случаи употребления этого слова как понятия, но только в узком смысле, например, в литературоведении. Ни тот, ни другой подход нас не устраивает.

Понятием, наиболее близким к понятию стиля, является *Lebensführung* – жизненный стиль. Оно введено М. Вебером [5], а потом подхвачено Г. Зиммелем. Проблема в том, что сам М. Вебер точного опреде-

ления этого понятия тоже не оставил. Л. Г. Ионин трактует его как обозначение способа ведения жизни или способа организации жизни, например, традиционного или капиталистического [11, с. 189].

Попытка определения жизненного стиля встречается и у Г. Зиммеля. Для него жизненный стиль есть «таинственное тождество формы внешних и внутренних проявлений» [9, с. 453], которое возникает из человеческого стремления к обретению идентичности, то есть, стремления «стать законченным целым, образом, имеющим собственный центр, посредством которого все элементы его бытия и деятельности обретали бы единый и объединяющий их смысл» [9, с. 563]. Определение столь же красивое, сколь и неприменимое в эмпирических исследованиях. Однако оно дает повод для собственной интерпретации.

Во-первых, очевидно, что понятие жизненного стиля может быть определено только в рамках такого подхода в гуманитарных науках, который понимает под культурой любые модели поведения людей, вне зависимости от той ценности, которую им приписывает сам исследователь. Если угодно, это социологический и антропологический подход. Никакой сакральности и «возвышенности» он не предполагает. Один из удачных вариантов определения культуры в рамках данного подхода дает Ф. Тенбрук, который подчеркивает, что культура «является общественным фактом постольку, поскольку она является *репрезентативной культурой*, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием» [15, S. 47].

Во-вторых, понятие жизненного стиля предполагает *рассмотрение взаимосвязи между смыслом и способами его презентации, между презентуемыми содержанием и формой*, а точнее, между социальным и культурным. Да, стиль есть способ выражения, способ презентации. Но в этой презентации форма определяется содержанием, а содержание – формой. Культура предопределяет взгляд человека на окружающий мир, а окружающий мир (в первую очередь, общество) вырабатывает культуру. Именно так, на наш взгляд, стоит трактовать определение Г. Зиммеля.

Тут важно обозначить некоторые нюансы. Обычно в социологической (и иной гуманитарной) литературе предполагается подчиненное положение формы по отношению к содержанию. Так, в рамках институционализма если и говорится о символах социальных институтов, то лишь как о способе отражения институциональных ценностей. В рамках марксистской традиции культура вообще (вместе со всеми стилями) относится к второстепенным, с точки зрения социальной онтологии, явлениям, которые всегда

отражают интересы социальной группы, их создавшей, что, в свою очередь, обусловлено положением в социальной структуре.

Можно привести еще немало других подобных примеров. С нашей точки зрения, стиль есть не «отражение», но способ выстраивания презентаций индивида, группы или сообщества в адрес окружающего социального мира. И этот способ сам играет роль самостоятельного фактора социальной и культурной жизни. То есть, понятие стиля имеет смысл только тогда, когда мы, вслед за М. Вебером и представителями интерпретативного (конструктивистского) подхода в социологии (У. Томаса, А. Шюца [11], П. Бергера и Т. Лукмана [3], И. Гофмана [7], Л. Г. Ионина [10], П. Бурдьё [4]), признаем, что социальный мир таков, каким его видят люди, а культура есть инструмент конструирования этого социального мира.

В свете вышеизложенных рассуждений мы можем сделать попытку дать более или менее приемлемое определение искомого понятия с последующими комментариями. Итак, *под стилем мы понимаем специфический способ организации своей жизни индивидом или группой индивидов, вытекающий из их представлений об окружающем мире (включая идентичность) и предполагающий утверждение этого представления в практиках и риториках*. Значит, стиль – это и продукт интерпретации реальности, и инструмент ее переделки. Особо важно здесь подчеркнуть, что процесс изучения того или иного стиля есть одновременно и процесс его конструирования.

Приведем один пример из мира бизнеса, который может помочь прояснить ситуацию со стилем. Крупная корпорация решила внедрить новый стандарт корпоративной культуры. Как положено в таких случаях, сначала пишется миссия предприятия, формулируются ценности, которых следует придерживаться, придумываются слоганы и корпоративные символы – логотип, флаг, гимн и т.п. Кто это все делает? Как правило, руководители предприятия или специальные люди по их заданию. Откуда при этом черпаются идеи? Из опыта и представлений тех индивидов, которые все это делают, о том, что на данный момент в компании правильно, а что нет. Хорошее ложится в основу корпоративной культуры, плохое преследуется. И в новом оформлении компании (в новом стиле!) заложены представления индивидов, работающих в корпорации. И далее происходит следующее: при удачном внедрении корпоративной культуры все большее число сотрудников начинает принимать новые ценности и внедрять их в жизнь, то есть меняется сама реальность.

Нечто подобное может произойти и происходит в рамках иных институтов и сообществ. Даже если в сообществе нет инициативной группы по формированию стиля, он сформируется стихийно с большей или меньшей целостностью.

На основе этого частного примера мы можем выявить набор тех элементов, через которые каждый стиль может быть описан и интерпретирован. Эти элементы делятся на две группы: источники формирования стиля и его составные части. Дадим их описание, как общее, так и применительно к понятию регионального стиля.

Первым источником и предпосылкой формирования стиля выступает **групповая идентичность, иногда негативная**. Речь об идентичности пойдет в следующей главе, поэтому мы не будем сейчас подробно разбирать определения этого понятия. Отметим только, что нам наиболее близок подход к идентичности, сформулированный в рамках традиции символического интеракционизма и феноменологической социологии. Стоит подчеркнуть, что без наличия такой групповой идентичности (пусть даже латентной) не возникает потребности в оформлении стиля. И еще: стиль формируется в соответствии с образом групповой идентичности.

Возьмем в качестве примера Пермь и тот стиль (точнее стили), которые сформировались на этой территории. Их основой будут представления населения города о себе как о пермяках. Они формировались на протяжении достаточно длительного времени, начиная еще с летописных времен. Каждое новое поколение, переселяющееся на эти земли, со временем начинает себя называть пермяками, отличая себя как от соседей, так и от столичных жителей. Наличие таких идентичностей с высокой степенью вероятности можно констатировать априорно. Содержание их необходимо выявлять эмпирически.

Далее, групповая идентичность, так или иначе, должна быть представлена окружающим. Но каждый отдельный индивид, выстраивая собственную презентацию себя как члена группы, ощущает потребность в некотором образце для подражания. Поэтому следующим элементом стиля выступают **культурные образцы поведения**. Это образы, воплощающие в себе идеализированные примеры для подражания. Как правило, каждый стиль имеет целый набор таких образов, что позволяет реальному индивиду выбрать наиболее подходящий образец с учетом индивидуальных особенностей. Так, например, средневековое дворянское сообщество находило такие образцы и в куртуазных романах, и в житиях святых, и в исторических хрониках. Педагогическое сообщество опирается в собственных презентациях на образцы, почерпнутые и из доисторических времен (жрецы, шаманы как носители сакрального знания), и из христианства (Иисус Христос как Учитель), и из времен становления науки (мученики от науки – Галилео Галилей и Джордано Бруно). Плюс к этому каждая предметная отрасль имеет собственный набор своих отраслевых «святых»: литераторы – писателей, физики – физиков, химики – химиков и т.д., что наглядно воплощено в портретах, вывешиваемых в классных комнатах. У политиков есть собственные образцы для

подражания. Так, деятели французской революции активно использовали для этого античные времена, а, например, русские марксисты – своих предшественников-революционеров. Со сменой стиля в профессиональной или иной деятельности меняется и набор таких образцов.

Есть ли нечто подобное в региональном пермском стиле и кто именно выступает здесь в этом качестве? Сразу сказать трудно. Пермский писатель А. Иванов считает, что в качестве основной модели жизни на Урале выступает завод [10, с. 395]. Может, тогда культурный образец поведения пермяка следует искать в заводском поселке? А может быть, таковым образцом является пермский культурный герой Ермак Тимофеевич, присутствующий в региональной культуре в топонимах? А какую роль здесь играет коренное население, национальные меньшинства, религия? Ответы на эти вопросы могут быть даны только в рамках эмпирических исследований.

Наконец, третьим источником и предпосылкой формирования стиля является **институциональное давление**. Не секрет, что социальные институты обладают большой принудительной властью над индивидами. Одновременно, именно институты всегда выступали в качестве катализатора возникновения социальных групп и общностей. Без института образования не возникло бы ни детей-подростков-юношества, ни учеников-студентов [2, с. 245-273]. Не возникло бы, кстати, и педагогов. Без государств не возникли бы и нации [1, с. 157, 234]. В отношении некоторых социальных сообществ бывает трудно определить их институциональный источник. Так, стилиаги или яппи не были сформированы социальными институтами напрямую, но это лишь значит, что они – побочный продукт иных, более сложных институциональных сдвигов.

Зато институциональные корни пермского стиля ясны и прозрачны. Пермская земля – административная единица российского государства, губерния-область-край со своей администрацией, территориальными границами, более или менее специфической политикой. Пермь – реальный город, основанный относительно недавно. Его границы остаются устойчивыми, по крайней мере, в последние десятилетия. Очевидно, что ни о каком пермском стиле, идентичности и прочих подобных феноменах речи бы не шло без самого факта наличия города.

Перейдем теперь к составным элементам стиля, к формам его презентации и конструирования. Несомненной заслугой Л.Г.Ионина является то, что он разобрал этот вопрос весьма подробно и четко, разделив элементы стиля по группам, они же – уровни усвоения. Первоначально любой стиль воспринимается через **набор невербальных элементов**, несущих существенную символическую нагрузку. Если мы говорим о стилях профессиональных или досуговых сообществ, то это будут одежда, аксессуары, осанка и походка, даже интонация и манера произношения.

Применительно к территориальным сообществам дело обстоит сложнее. Очевидно, следует выделить как минимум две подгруппы невербальных элементов регионального стиля по степени восприятия их символической нагрузки. Во-первых, **артикулированные символы, к которым мы отнесем общепризнанные эмблемы и объекты-маркеры**. Например, герб и его элементы (медведь), знаковые здания и природные объекты (колокольня кафедрального собора и Кама), артефакты и учреждения (пермский звериный стиль, деревянные скульптуры Христа и балет), отдельные знаки (номер региона 59, активно ныне используемый в рекламе). Именно со знакомства с этими символами и начинается усвоение пермского стиля мигрантами и гостями. Их главное назначение – придание смысловой и эмоциональной нагрузки презентуемой группе (сравните, например, смысловые нагрузки гербов разных городов).

Между академическими историками с одной стороны и краеведами, политиками, литераторами с другой постоянно возникают споры по поводу «достоверности» того или иного символа или объекта, по поводу прав сообщества или территории на обладание этим символом. Если последние приписывают ему какой-то символический смысл, то первые стремятся придать ему статус научного факта, подлежащего всем необходимым операциям по заведению К. Поппера – прежде всего верификации и фальсификации. Очевидно, что подобные процедуры с неизбежностью должны уничтожать тот самый сакральный смысл символа, который в него был заложен.

В этом постоянном споре сталкиваются две принципиально разные области знания, которые П. Нора называет Историей и Памятью. «История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История – это репрезентация прошлого. Память, в силу своей чувственной и магической природы, уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [13, с. 22.]. Иначе говоря, история стремится к деконструкции Памяти, а Память – к игнорированию Истории. В пермском сообществе мы тоже видим постоянные столкновения между Памятью и Историей: по поводу даты основания Перми¹, пермского звериного

---

¹ Строго говоря, историю города необходимо вести либо от указа Екатерины II об основании города (1780), либо от его фактического открытия (1781). Но официально принято считать датой основания Перми год основания Егошихинского завода (1723). Между сторонниками двух дат периодически вспыхивают споры. Их участники забывают об относительности вообще всякой датировки. По сути, само соревнование по «древности» городов не более чем элемент стратегии приобретения дополнительного символического капитала. При желании можно еще выдумать несколько дат – например, первое упоминание «Перми Великой» в летописях.

стиля² или пермских деревянных богов³. Но символом тот или иной факт (или артефакт) становится только в Памяти, но никак не в Истории. В конце концов, присутствие огромного количества орлов на гербах Европы не умаляет символизм Российского герба, равно как многочисленные медведи на гербах российских городов не дезавуируют герб Перми. Стиль имеет дело именно с Памятью, а если История с ней не согласна – тем хуже для Истории (смотри теорему Томаса).

Во-вторых, это **символы неартикулированные**, воспринимаемые только через противопоставление с аналогичными феноменами других стилей, но почти не замечаемые самими носителями стиля в повседневности. Пример – темп речи и «пермский говор», особенности одежды, жестов, выражения лица, по которым можно с большей или меньшей уверенностью идентифицировать пермяка. Разумеется, выделить и описать такие элементы гораздо труднее, чем общепризнанные символы, но, исходя из определения стиля, они несут не меньшую, а то и большую смысловую нагрузку при конструировании жизненного мира города. Для этого подобные символы должны быть актуализированы, что чаще всего происходит на границах общества.

Пермский говор стал актуальным для пермяков относительно недавно. Сперва он возник в дискурсе узких профессиональных групп – преподавателей сценической речи, дикторов на радио и телевидении, у специалистов по диалектам. Но в массовом сознании представления о говоре возникли, пожалуй, только после появления сериала «Реальные пацаны» (телеканал ТНТ, 2010–2013 гг.), где пермские КВНщики в полной мере проэксплуатировали этот элемент образа. По свидетельству некоторых респондентов, принимавших участие в наших опросах, о пермском говоре им сказали знакомые из других регионов: «А что, правда, в Перми все так говорят?»

---

² Пермский звериный стиль по сложившейся в археологии классификации есть локальный вариант урало-сибирского стиля. Такая формулировка позволяет сделать акцент либо на узкой локальности (пермский!), либо на широкой распространенности (урало-сибирский). С точки зрения строгой классификации пермская бронзовая художественная пластика действительно не столь уж и уникальна, но это не мешает ей стать в Памяти символом Пермской древности.

³ В связи с деревянными скульптурами Христа, ангелов и святых из коллекции Пермской художественной галереи, интересно вспомнить недавнюю историю. Когда их повезли на выставку во Францию, в Перми разразился целый скандал. М. Гельмана, на тот момент идеолога «культурной революции» в Перми, обвиняли, что он имеет тайный умысел передать эти скульптуры то ли в Москву, то ли в Лувр. Для публики ценность этих произведений искусства была несомненна. По словам работников самой галереи, во Франции эксперты восприняли скульптуры достаточно спокойно: с точки зрения католического христианства ничего особенного в них не было. Объемные изображения Христа, нетипичные в целом для православия, для Европы оказались не более чем еще одним региональным вариантом искусства. Опять мы видим нетождественность оценок артефактов в Памяти и Истории (на этот раз – истории искусства).

Особняком стоит особый **символизм мизансцен**, используемых для стилистической презентации, или символизм социального пространства, тема, раскрытая в работах П. Бурдые. Нет нужды говорить о значимости того или иного участка пространства для презентации, скажем, актеров или учителей. Для презентации регионального стиля особую роль играют как центральные площадки (центр города, места публичных праздников), так и отдельные уголки, нагруженные символическими смыслами, – места прогулок, встреч, отдыха.

Следующей группой стилистических элементов являются лингвистические компетенции, проще говоря – сленг и его элементы. То, что сленг присущ субкультурам и профессиональным сообществам, понятно. Но можем ли мы говорить о региональном сленге, особенно – применительно к городскому сообществу? Думается, да. Речь, разумеется, идет не о диалектизмах (это проходит, скорее, по разряду неартикулированных символов), а о специфическом наборе языковых средств, понятных только носителям стиля и используемых в общении со своими. Найти его особого труда не составит. Прежде всего, это местные жаргонизмы, включая топонимы (неформальные названия микрорайонов, публичных мест), прозвища публичных людей, неформальные названия мест и учреждений («огород» – парк Горького, «палуба» – одна из площадей города). Степень освоения лингвистических компетенций находится в прямой зависимости от степени погруженности в семантическое поле группы и самого стиля.

Очевидно, по аналогии со сленгом субкультур, в лингвистических компетенциях можно ожидать обнаружения и иных сленговых слов, играющих более важную роль специфических маркеров социальных и культурных явлений. В отличие от топонимов и прозвищ, они в большей степени ориентированы на конструирование системы отношений, нежели на эмоциональную оценку. К таким сразу можно отнести названия этносов («комики»), территориальных и социальных групп («закамские пацики», «коммерсы»), маргиналов («индейцы» по отношению к эмигрантам из Средней Азии), волнующих событий и знаковых предметов («красные человечки»).

Следующей составной частью стиля (и этапом его усвоения) является **соответствующий морально-эмоциональный настрой**, обусловленный освоением символов и лингвистических компетенций. Здесь применительно к региональному стилю диапазон ожидаемых явлений колеблется в весьма широких пределах. В равной степени мы можем встретить и комплекс провинциализма (и в уничижительном, и в шовинистическом вариантах), и местный патриотизм, и, наоборот, презрение, отношение к Перми только как к случайному месту обитания. Точнее можно сказать только после исследований.

Наконец, важнейшим элементом стиля является его **доктринальное ядро**. Оно может быть либо воплощено в литературно-публицистических текстах, либо в фольклоре, либо (как у некоторых молодежных субкультур) в наборе максим и афоризмов. Любопытно, что в Пермском крае уже проведены значительные работы по собиранию и отбору наиболее репрезентативных текстов, отражающих и формирующих представления образованной части городского сообщества относительно региона (В. Абашев «Пермь как текст» и одноименная серия книг, автор идеи А. Иванов).

Так что планируемое исследование «Пермь как стиль» можно в определенной степени считать и продолжением, и расширением этой темы, хотя и с определенной оговоркой. В книге В. Абашева раскрывается «семиотика Перми как города и поэтика художественных текстов, ей посвященных или с нею связанных, как некое единое пред- или околотекстовое явление» [12]. Объектом исследования здесь является «текст», который «позволил автору рассмотреть множество «знаковых манифестаций» Перми как попытку расшифровать формулу Перми, пермскую идею, тот уникальный след, который Пермь оставила в российской культуре» [8]. Наша задача скромнее и прагматичнее: вернуться в реальную жизнь и попытаться выявить стилистические особенности жизни современных пермяков – простых и грешных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. 288 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем.; под научн. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 456 с.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 315 с.
7. Гофман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. С. С. Степанов, Л. В. Трубицына; под ред. Н. Н. Богомоловой и Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

8. Васильева Н. Новое слово в пермистике. Предисловие / Абашев В. В. Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.perm-txt.ru/editions/?edition=1> (дата обращения: 01.03.2013).
9. Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 1. 619 с.
10. Иванов А. Message: Чусовая. М.: Азбука-классика, 2007.
11. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие для студентов вузов. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 432 с.
12. Меднис Н. Е., Сверхтексты в русской литературе, НГПУ, 2003. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kniga.websib.ru/text.htm?book=35&chap=8> (дата обращения: 01.03.2013).
13. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999.
14. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
15. Tenbruck F. H. Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990. 342 S.

ГЛАВА 2. НЕМНОГО ТЕОРИИ, КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕ ОЧЕНЬ (глава для теоретиков, которым надо все понять)

О. В. Лысенко
А. В. Шишигин

Несколько слов о значениях слова «идентичность»

*«Теории идентичности всегда включены в более общую интерпретацию реальности»
(Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 281)*

Термин «идентичность» сегодня относится к числу самых модных в социальных и гуманитарных науках. И, как это часто бывает, с ростом популярности это понятие постепенно утрачивает главное достоинство научного инструмента – точность. Поэтому, чтобы двигаться далее, следует хотя бы вкратце описать, что именно мы под ним понимаем.

В гуманитарных науках понятие «идентичность» обрело особую популярность в середине 50-х гг. прошлого века, что связано с попытками преодолеть чрезмерно разросшийся и закостеневший аппарат органицизма и функционализма в его парсоновском и мертоновском варианте. Этому в немалой степени способствовало, по мнению Филиппа Глисона [4], эссе Уилла Херберга «Протестант – Католик – Иудей», в котором выделялась этническая идентичность, трансформируемая в дальнейшем в религиозную идентификацию. Поиски идентичности увязывались Хербергом с ответом на вопрос: «Кто я?».

В 60-е годы понятие «идентичность» получает очень широкое распространение во многом благодаря популяризации работ Э. Эриксона, который ввел в научный оборот выражение «кризис идентичности». Сама же идентичность трактовалась им в первую очередь как идентичность индивидуальная, основанная на «ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования... и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [27, с. 59]. В трактовке А. Толстых, эриксоновская идентичность «обозначает твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я» независимо от изменения «я» и ситуации» [25, с. 12].

Социологическое понимание идентичности, увязываемое с теорией ролей и теорией референтных групп, не совпадало с трактовкой данного

понятия Э. Эриксоном. Начало социологической разработке этого понятия положил американский философ, социолог и психолог Дж. Мид, предложивший увидеть в личности человека две составные части – «импульсивное Я» (I), и «рефлексивное Я» (Me) [9, с. 38]. Если первое можно соотносить с досоциальной совокупностью биологических и эмоциональных потребностей, которое одновременно является и источником новизны и творчества, то второе (рефлексивное Я) представляет собой общественный аспект личности, сформированный под влиянием «принятия роли другого», «конкретного» – в раннем детстве, или «обобщенного» – в подростковом возрасте.

В процессе социализации человек воспринимает множество точек зрения на самого себя. Под влиянием этих точек зрения формируются самые разнообразные представления о самом себе, начиная с ролевых (семейные, образовательные, гендерные) и заканчивая узкосоциализированными – профессиональными, личностными, ситуативными. Различные аспекты рефлексивного Я, по мнению Г. Джоаса и Х. Абельса, синтезируются в единый образ личности, благодаря взаимодействию импульсивного Я и мнения окружающих по поводу индивида. В результате чего и возникает идентичность. «Идентичность есть постоянный диалог, в котором индивид общается сам с собой, то есть с обеими половинками своей личности» [9, с. 41].

На первый взгляд может показаться, что речь у Дж. Мида и Э. Эриксона идет об одном и том же. Действительно, в обоих вариантах трактовки идентичности присутствуют индивидуальное и социальное, их взаимодействие и взаимовлияние. При этом Э. Эриксон, опирающийся на многочисленные наработки психоанализа, выстраивает свою схему даже более искусно, избегая многих неточностей и метафор, свойственных Дж. Миду. Но эта схожесть заканчивается при попытках точно определить, где обитает идентичность, какова ее природа.

«Тождественность самому себе», при всей зависимости от социального окружения, остается локализованной в глубинных структурах психики индивида. Идентичность человека, по мнению этого психолога, формируется и изменяется в результате взаимодействия с социальным окружением, но изменения и кризис не отрицают того, что идентичность остается фундаментом уверенности человека во внутренней тождественности самому себе. Иными словами, идентичность здесь помещена, скорее, в поле субъективного. Социологическая интерпретация идентичности настаивает на ее интерсубъективности, предлагает рассмотреть идентичность как продукт социального конструирования, что и проявилось в работах П. Бергера, Т. Лукмана, И. Гофмана. Так, Питер Бергер заявлял, что идентичности не просто являются «социальным даром», но что они должны быть поддерживаемы обществом, обретая свою устойчивость. Он добавлял, что соци-

ологический взгляд на личность бросает вызов представлениям о ее неизменности [3, с. 918]. Некоторые из социологов шли еще дальше, по сути уравнивая идентичности с социальными связями.

Другое важное различие заключается в динамических акцентах. Эриксоновская идентичность (или, шире, идентичность с точки зрения психологии) подчеркивает ее конституирующее значение для личности (кризис идентичности – это личная катастрофа). Иначе говоря, идентичность как тождество и непрерывность, раз сформировавшись, должна оставаться более и менее постоянной. Социологическая интерпретация идентичности предполагает, что любой социальный конструкт воспроизводится заново в каждой новой интеракции, то есть постоянно обновляется. И тогда идентичность становится процессом. Эти замечания потребуются нам при операционализации понятия идентичности применительно к изучению города.

Подчеркнем, оба способа интерпретации получили достаточно широкое хождение в гуманитарной литературе. Эта двойственность, а также стремительная и широкая экспансия понятия «идентичность», его закрепление в дискурсе гуманитарных наук привели к тому, что уже в середине 70-х гг. некоторые исследователи стали сетовать на обесценивание и выхолащивание смысла «идентичности». Обнаружились серьезные расхождения и в понимании сути идентичности. Одни исследователи смотрели на идентичность как на что-то глубинное, внутреннее, сопротивляющееся любым изменениям, и это позволяет нам сегодня отнести их к лагерю эссенциалистов, а другие рассматривали ее как что-то приписанное, способное меняться в силу обстоятельств, а потому неглубокое, внешнее и мимолетное, что и закрепились в качестве признака конструктивизма. Вывод П. Глисона пессимистичен: «Довольно плохо, что из многих контекстов невозможно понять, какая из этих двух, весьма различных, интерпретаций имеется в виду. Но хуже всего, вероятность того, что многие, говорящие об идентичности, увиливают и, следовательно, сами не знают, какой интерпретации они придерживаются» [4, с. 920].

Позже сосуществование двух линий (психологической и социологической) продолжилось, но, кажется, уже без столь ярко выраженных противоречий. В социальной психологии наибольший вклад в теорию социальной идентичности внесли работы Г. Тайджфела (Tajfel), а в социологии – Р. Страйкера (Stryker), Я. Стетса и П. Бёке (Burke), Дж.МакКолла и Дж.Симмонса (McCall и Simmons). Г. Тайджфел социальную идентичность определял как «часть индивидуального самопонимания, происходящего из личного знания о собственном членстве в группе (в группах), вместе с оценкой и эмоциональной выразительностью, придаваемой данному членству» [6, с. 225]. Ян Стетс и Петер Бёке отмечали, что в теории под социальной идентичностью понимается «индивидуальное знание, что он

или она принадлежат к социальной категории или группе» [5, с. 225]. Некоторую упрощенность своего определения Я. Стетс и П. Бёке объясняли тем, что в последнее время исследователи часто разделяют самоназвание от самооценки и других психологических компонентов с целью эмпирического изучения связей между ними. Типично социологическая точка зрения представлена в определении П. Сойтс (Thoits) и Л. Виршуп (Virshup), считавших социальные идентичности «социально сконструированными и социально выразительными категориями, которые принимаются индивидами для описания себя или своих групп» [7, с. 81].

Однако относительно недавно была подвергнута сомнению сама адекватность использования данного понятия и были предложены соответствующие альтернативы. Инициаторами этого процесса стали Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер, опубликовавшие большую статью под названием «За пределами «идентичности» [13]. Основные претензии к понятию «идентичность» данных исследователей сводятся к следующим положениям.

1) «Мягкий» конструктивизм, призванный очистить понятие «идентичность» от нагрузки эссенциализма, ведет к неоправданному умножению мнимых «идентичностей», что существенно снижает аналитическую ценность данного понятия.

2) Многозначность данного термина, сочетающаяся с прямо противоположными трактовками сущности «идентичности», заставляет задуматься о необходимости дальнейшего применения данного понятия в научном анализе.

3) Существует постоянная угроза подмены понятия «идентичность» как категории анализа понятием «идентичность» как категории практики.

4) Наблюдается несоответствие эмпирической реальности как «сильных», так и «слабых» трактовок идентичности [13, с. 132–145].

«Сильные» трактовки исходят из того, что идентичность есть у всех групп населения. Она может быть неосознанной, и относительно ее люди могут заблуждаться (по аналогии с классовым сознанием в марксизме). Групповая идентичность подразумевает наличие четко обозначенных групповых границ, сплоченность и внутреннюю однородность. «Слабые» трактовки идентичности сопровождаются оговорками о ее сконструированности, множественности, нестабильности, избирательности и т.д.

Альтернативу Р. Брубейкер и Ф. Купер видят в том, чтобы сложное, многозначное, а, порой, и двусмысленное понятие «идентичность» заменить целым рядом более простых понятий, таких как:

- идентификация;
- категоризация;
- самопонимание;

- самопрезентация;
- самоидентификация;
- общность;
- связанность;
- группность [13, с. 149–157].

Представляется, что претензии Р. Брубейкера и Ф. Купера к понятию «идентичность» не очень обоснованы. Как и многие другие социальные феномены, идентичность представляет собой субъективную реальность, появляющуюся в результате специфического отражения в сознании человека реальности объективной. Нет ничего, что указывало бы на имманентную принадлежность той или иной идентичности человеку. Любая идентичность формируется в процессе социализации, и, следовательно, является социальным конструктом. Естественно, что те идентичности, которые начали формироваться (конструироваться) в раннем детстве (например, гендерная), а в дальнейшем получают поддержку от всех структур повседневности, впоследствии могут создавать ощущение чего-то глубинного и неизменного. И факты, что некоторые люди ради сохранения какой-то идентичности (например, конфессиональной) готовы пойти на смерть, во все не отрицают того, что и эти, особо значимые для человека идентичности, являются социальными конструктами.

Сама по себе многозначность научного термина не является препятствием для его использования. Проблему в данном случае представляет не многозначность, а непоследовательность некоторых исследователей, на которую обращал внимание Филипп Глисон. Наилучшим выходом из данной ситуации является последовательный конструктивизм. Под такой последовательностью мы понимаем как отказ от любых форм примордиализма, отказ от поиска «объективных» качеств и свойств той или иной группы, так и игнорирование самой идентичности под предлогом ее «произвольности» и случайности [как это указывается в работе 12, с. 132–147.]. Как справедливо замечает Е. Трубина, «... какой бы произвольной ни казалась «этничность» с точки зрения социально-конструктивистской парадигмы, все же настаивать и на ее практической иррелевантности — слишком сильный ход: она давно стала «категорией практики», если воспользоваться термином Дж. Брубейкера» [26, с. 384]. Уместно вспомнить теорему У. Томаса, краеугольный камень всего конструктивизма: если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях. Иными словами, если люди себя считают татарами, кришнаитами или пермяками, последовательный конструктивист, как минимум, должен это уважать и исходить в своем анализе идентичности из этого факта. Равно как при установлении того факта, что большинство респондентов заявляет,

что для них локальная идентичность связана, прежде всего, с местом рождения и взросления человека, это вовсе не значит, что сама по себе локальная идентичность имеет «объективный» характер.

В данном случае в качестве объясняющих структур следует использовать не мифологемы «крови и почвы», а особенности процессов социального конструирования (индивидуального и группового), принятых в данном социуме. Еще хуже обстоят дела, когда под предлогом борьбы за чистоту науки представители той или иной парадигмы начинают «искать ведьм», компенсируя недостаточность аргументов в пользу своей точки зрения обвинениями в адрес коллег в скрытом расизме, передергивая при том цитаты, видимо, в пылу горячности. Яркий образец такого творчества представляет рецензия В. Воронкова [14], в которой анализ сложившихся в массовом сознании стереотипов объявляется «внедрением в массовое сознание расистских категорий».

Что касается угрозы подмены категории анализа категорией практики, то эта опасность сопровождается огромным количеством научных понятий. Как и в случае с многозначностью, тут все зависит от позиции конкретного исследователя. Впрочем, Брубейкер и Купер сами это прекрасно осознают и оговариваются, что сам по себе факт использования категории анализа в качестве категории практики «не должен автоматически приводить к исключению данных категорий из числа аналитических» [13, с. 138].

Говоря о частом несоответствии эмпирической реальности «сильным» и «слабым» трактовкам идентичности, мы должны понимать, что данные трактовки являются не более чем идеально-типическими конструкциями. И любая реальность будет лишь в большей или меньшей степени соответствовать «сильной» или «слабой» трактовке идентичности.

Попытка заменить «идентичность» целым рядом вышперечисленных категорий может быть продуктивна в целях улучшения анализа, но за анализом должен следовать синтез, что опять заставит исследователей придумывать некоторую дефиницию. Более продуктивным представляется попытка некоторых исследователей выделить основные элементы социальной идентичности. В частности, Ричард Эшмор и его коллеги [2] в качестве элементов коллективной идентичности называли самоназвание, оценку данной категории, степень важности группового членства, чувства принадлежности и взаимозависимости, поведенческую вовлеченность и т.д. Чуть позже подобного рода работа была проделана Джин Финней и Энтони Онгом применительно к этнической идентичности [7].

Среди широкого спектра социальных идентичностей особо выделяются идентичности территориальные. Интерес к территориальным идентичностям, особенно к региональным и городским, во многом определяется как процессами глобализации, так и недостаточной изученностью данного

явления. Усиливающиеся миграционные потоки, размывание границ национального государства и сопровождающие эти процессы социальные проблемы, разделение городских поселений на глобальные города и глобальную периферию, связанный с этим запрос на брендинг городов как никогда ранее актуализируют проблематику локальных и региональных идентичностей.

В нашей стране территориальные идентичности являются слабо изученным социальным феноменом. Если на протяжении двух последних десятилетий региональным идентичностям в России уделялось слишком мало внимания [18, с. 59], то локальным идентичностям в этом отношении повезло еще меньше. У такого невнимания отечественных социологов и этнографов к территориальным идентичностям (локальным и региональным) есть свои объяснения. Во-первых, это – несколько пренебрежительное отношение к пространству, сложившееся в зарубежной и отечественной социологии, на которое вполне справедливо указывает Л. В. Смирнягин [23, с. 89; 24, с. 179], а во-вторых, представление о территориальных идентичностях как о чем-то малозначимом и неглубоком в сравнении с идентичностями национальными. Как региональные, так и локальные идентичности явно оказались в тени национальных и этнических идентичностей. Но если к региональным идентичностям российские исследователи периодически все же обращались (чаще всего в контексте изучения политических процессов в регионах), то локальные идентичности оказались настолько забытыми отечественными гуманитариями, что место социологов, этнографов и культурологов все чаще стали занимать географы. Впрочем, активное участие последних в изучении территориальных идентичностей можно только приветствовать, поскольку междисциплинарный подход способен серьезно продвинуть вперед процесс изучения местных сообществ и локальных идентичностей россиян.

Идентичность, стиль и город

Теперь самое время изложить наши собственные представления о том, как и каким способом формируются локальные идентичности, в частности – идентичность горожан. Прежде всего мы предлагаем обратить внимание на следующие аспекты этого понятия. Суждение П. Бергера и Т. Лукмана, вынесенное в эпиграф, может быть истолковано разными способами. Но для нас важно следующее: **представления об идентичности тех или иных субъектов социального взаимодействия исходит из их определения мира.** Это относится как к наблюдаемому индивиду, который если и не знает слова «идентичность», то уж во всяком случае соотносит себя с какими-то группами или воображаемыми сообществами, так и к самому

наблюдателю, например – к социологу. Более того, сам способ осмысления индивидом социального мира неразрывно связан с теми установками, которые он несет в себе как часть социального мира, что и отразилось в понятии габитуса, введенного П. Бурдьё. Человек, далекий от современных социальных наук, скорее всего будет склонен принимать представления, сформированные в его социальном окружении, за «объективное знание». И желание переосмыслить этот мир, переопределить категории описания, использовавшиеся раньше, или ввести новые понятия у него возникает только в том случае, если меняется его личный опыт. Однако, как только наблюдатель (социолог) начинает понимать сконструированность своего опыта, он должен произвести «социологическую объективацию» [20, с. 22], то есть, во-первых, проявить недоверие к опыту, в том числе личному, поскольку знает, что этот опыт организован исторически конкретными социальными институтами (семья, школа, государство и т.п. всегда стремятся влить в сознание индивида определенную картинку мира), а во-вторых, учесть этот опыт в собственных построениях, а не игнорировать его как нечто ущербное.

Такая объективация стала возможна только в последней трети XX века. Пока социальный мир оставался относительно стабильным, идентичность трактовалась как более или менее устойчивое явление, которое, возникнув одноразово в процессе социализации (по Э. Эриксону – в период юношества, где-то в возрасте 15–20 лет), остается неизменным по содержанию на протяжении всей жизни. Разумеется, эта трактовка допускала отклонения, когда неправильная социализация вела к «путанице социальных ролей» и к «кризису идентичности», либо когда индивид попадал в катастрофические условия, разрушавшие его идентичность: в концлагерь (о чем говорила Х. Аренд [1, с. 438]), в экономический кризис («Самоубийство» Э. Дюркгейма) или просто в принципиально иное, агрессивное, сообщество. Но в целом идентичность индивида должна была сохраняться неизменной.

Это, в целом, соответствовало условиям социальной жизни, каковыми они виделись в конце XIX и в первой половине XX веков. З. Бауман, присвоив этому периоду наименование «тяжелой модернити», описал одну из главных основополагающих особенностей общества этой эпохи: «Представители старшего поколения помнят, что в годы их юности люди строили жизненные планы с расчетом на длительную перспективу, долгосрочными были и их обязательства, отношения с окружающими» [10, с. 55]. Человек, получив образование и профессию, выбирал себе место работы и надеялся проработать на нем всю или почти всю жизнь. Даже если человеку приходилось переезжать из города в город или из деревни в мегаполис, он и в новых обстоятельствах продолжал вести себя с намерением укоренить-

ся на новой почве. В России последним таким поколением, видимо, были люди, ставшие взрослыми в конце 70-х – начале 80-х гг. Удивительно ли, что большинство представителей этого уходящего общества предпочитали «твердые» формы идентичности, связывая себя с местом, этносом, профессией навсегда? Удивителен ли их стихийный эссенциализм, равно как и эссенциализм гуманитариев, описывающих этот мир? И если на уровне теории его еще удавалось преодолеть (хотя бы в силу демократических, антирасистских и антишовинистических установок), то разорвать с ним в интерпретациях эмпирических исследований либо в смежных теоретических разработках оказалось намного труднее.

Сегодня мысль о том, что можно проработать в одном месте до пенсии, вызывает у молодежи ужас. Его можно увидеть в глазах студентов, если предложить им именно такой жизненный план. Этот ужас вызван явным вопиющим несоответствием такого рода планов и установок современной жизни. Это как если бы современной моднице предложили всю жизнь носить одно и то же платье, пусть даже и самое эlegantное...

По поводу нового состояния общества и новых социальных групп разные авторы придумали десятки терминов, более или менее адекватных: постмодернизм, информационная эпоха, полистилизм, «легкая модернити», глобализация, всемирная деревня и еще много им подобных. Некоторые из таких терминов приобрели широкую популярность, другие известны небольшому кругу специалистов. Изменилась и терминология описания социальных групп. На смену классам и стратам пришли социальные группы и субкультуры, на смену массовому обществу – биографизация жизни, на смену плавильным котлам – мультикультуралистическая «салатница». При всей разнородности и разноплановости этих терминов они ухватывают одно: социальные границы сегодня проводятся не там, где пролегают так называемые «объективные» (чаще всего – количественные) различия, а там, где выступают различия культурные, стилевые, поведенческие. Отныне, если верить многим из провозвестников будущего, не социальная позиция определяет форму жизни, а форма жизни – социальную позицию, в особенности, если эта форма укладывается в образ будущего.

В этом контексте подбираются и термины для обозначения новых социальных групп, воплощающих в себе новые стили. По аналогии с марксовым пролетариатом или маркузевской молодежью, со страниц социологических книг и журнальных публикаций в жизнь выходят «люди третьей волны», «креативный класс», «культурные новаторы», «творцы» и даже просто «современные люди». Очевидно, что эти новые термины настолько же отражают реальность, насколько и конструируют ее на новый лад, и еще большой вопрос, чего же в них больше – идеологической установки

или научного анализа, релевантного обществу. Но спорить об этом здесь и сейчас вряд ли уместно, ибо итог в социальной реальности будет одинаков. Если они надуманны, то все равно, как только эти категории станут достоянием массовой публики и овладеют умами (а они постепенно овладевают), можно не сомневаться, люди произведут на свет нечто такое, что будет подходить под эти определения, в полном соответствии с той же теоремой Томаса. Процесс социального конструирования опишет тот самый круг, который и привел к появлению в свое время пролетариата, общности «советских людей» и т.п.

Но здесь уместно поставить вопрос: а каким образом в этой текущей реальности будет достигнута идентичность и будет ли она по своей сути такой же постоянной и не проблемной, если социальные признаки, равно как и детерминизм социальной среды, постепенно ослабевают? Как правило, ответы на такие вопросы звучат пессимистично. Пример такого рода прогнозов можно встретить уже у социологов 60-х гг., например, у тех же П. Бергера и Т. Лукмана:

«Общество, в котором расходящиеся миры становятся общедоступны, как на рынке, содержит в себе особые сочетания субъективной реальности и идентичности. Растет общее сознание релятивности *всех* миров, включая и свой собственный — который теперь осознается скорее как *один* из миров, а не как *Мир*. Вследствие этого, собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно «разыгрывать» под манипулятивным контролем. Например, аристократ теперь уже не просто *является* аристократом, но играет в аристократа и т. д.

Эта ситуация имеет куда дальше идущие последствия, чем возможность для индивидов играть роль только того, кем его не считают другие. Игра теперь идет с ролью того, кем его считают, но только совершенно иным образом. Подобная ситуация все в большей мере типична для современного индустриального общества...» [11, с. 278–279].

Аналогичная логика присутствует и в рассуждениях социологов о том, что современная идентичность является открытой для любого внешнего воздействия [3], что в современном обществе преобладает «извне-ориентированная» личность [8, с. 38], что «распад моностилистической культуры привел к разрушению традиционных систем личностных идентификаций» [17, с. 214]. Выводы Х. Абельса звучат еще более угрожающе: «можно вполне серьезно поставить вопрос о достижимости надежной идентичности, о возможности ее возникновения вообще, либо, наоборот, прийти к выводу, что «отказ от идентичности» является единственно правильным поведением человека перед лицом тре-

бований современности» [9, с. 136]. С нашей точки зрения такой пессимизм не оправдан.

Вновь вернемся к фразе П. Бергера и Т. Лукмана. Если современный человек черпает материал для своих презентаций, (а, следовательно, и идентичностей) из окружающего его информационного поля, то и сам способ строительства этих презентаций и идентичностей может им быть извлечен отсюда же. Иными словами, **на смену стихийному эссенциализму может прийти такой же стихийный конструктивизм**. Стихийный – в смысле мало рефлекслируемый, так сказать, этнометодологический. Возможно ли это? Рассмотрим несколько примеров.

На протяжении ряда лет в мире разворачивается движение исторической реконструкции (терминологическое совпадение с конструктивизмом случайно!). Взрослые люди, имеющие, как правило, работу, семью, не чужающиеся и других видов отдыха, регулярно участвуют в инсценировках исторических сражений. Причем речь идет не только о разовых мероприятиях, а о целом наборе практик, включающих шитье одежды (по аутентичным выкройкам и с использованием аутентичных материалов), изготовлении домашней утвари, предметов обихода, не говоря уже о доспехах, мундирах, оружии. Кроме того, они регулярно тренируются в битвах на мечах, в стрельбе из лука и в метании ножей, копий, топоров, обучают молодежь, устраивают бои.

На фоне этих практик возникает своя специализированная экономика, устанавливаются связи, производятся ритуалы, символы и все прочие атрибуты социальной жизни. Вокруг ядра сообщества, куда входят наиболее авторитетные и опытные «старики», группируется периферия, состоящая из родственников, друзей и знакомых, которые присоединяются к основной группе только во время больших праздников и фестивалей. Что характерно: и для представителей периферии, и для «основных» участников это не становится способом эскапизма, поскольку, подчеркнем, многие из них вполне состоятельны в иных сферах социальной жизни, да и принадлежат к самым разным слоям. Является ли выбор участия в таких группах одним из способов конструирования идентичности? Безусловно, да, причем этот способ вполне одобряем многими людьми, не состоящими в этих группах.

Другой пример. Исследовательский коллектив из пермского филиала ВШЭ, исследуя сферу досуга пермяков, пришел к выводу о том, что существует достаточно много таких жителей города, которые практикуют «всеядность» в досуговой сфере. Они с равной заинтересованностью посещают «престижные» культурные заведения (театры, галереи, кинофестивали), уличные концерты, этнофестивали, квартирные бардовские концерты, концерты поп-музыки и т.д. и т.п. Причем по прочим социальным параметрам они практически не выделяемы – доходы средние и ниже

среднего, образование высшее или среднее специальное, возраст – самый разнообразный. Единственное, что их отличает от всех остальных, – ориентация на «индустрию впечатлений», потребность в новых переживаниях, готовность идентифицировать себя с самыми разнообразными сообществами, принятие любых творческих форм. От субкультурных групп 60-80-х гг. XX века их отличает большая терпимость к другим способам проведения досуга, к иной музыке, стилям в одежде, элементам дизайна. Вместо типичной для начала 90-х гг. войны между «неформалами» и «гопниками» мы наблюдаем формирование достаточно широкого слоя людей, иронично относящихся и к тем, и к другим, но при этом с удовольствием играющих и в «рэпера Сяву», и в богему.

И еще один пример. Центр «Грани» провел исследование гражданско-неполитического активизма в 20 регионах страны. Было взято более 100 интервью с представителями этого течения, проанализированы документы, сайты, блоги, сетевые сообщества. По мнению специалистов, проводивших это исследование, какие-либо социальные параметры, способные описать этих людей на привычном объективизированном языке, отсутствуют. Единственный критерий, который применим для выделения гражданского активиста, – готовность совершить публичный поступок, имеющий социальное значение. В этом же ряду можно рассмотреть и объединения гражданских активистов, возникшие в ходе протестных акций в 2011-2012 гг. [21].

В экономической сфере деятельности мы можем выделить (вслед за А. Тоффлером) группы людей, отказывающихся от устойчивых, не ограниченных во времени трудоустройств в пользу временных проектов, зачастую кардинально отличающихся друг от друга как по содержанию, так и по исполняемому функционалу. Если еще десять-двадцать лет назад практику сочетать несколько работ социологи могли бы объяснить как стратегию выживания, то сегодня в Перми мы видим все большее число людей, сознательно избегающих долговременной трудовой привязанности и считающих такой образ жизни единственным приемлемым. В умеренном варианте человек такой модели экономического поведения обычно имеет «базовую» работу, которая не приносит большого дохода, но оставляет достаточно свободного времени, и ряд «проектов», реализуемых в разных сферах жизни. В радикальном варианте человек полностью уходит в свободное плавание, варьируя сферы деятельности и меняя профессии. Если постоянно работающего человека можно идентифицировать по профессии, то подобного фрилансера – уже трудно. Одно из наиболее приемлемых названий, которое такие люди сами используют, – проектный менеджер.

Наконец, наши собственные исследования по поводу образов успеха в городских сообществах позволяют сделать вывод о том, что демаркационная линия между теми, кто считает себя успешным, и теми, кто относит

себя к «проигравшим», проходит поперек всех «объективных» социальных границ, созданных образованием, доходами, родом деятельности, профессией, полом, возрастом. Конечно, некоторые группы оказались лучше адаптированы к окружающей среде, а некоторые хуже, но нет ни одной группы, которая хотя бы на три четверти состояла из «успешных» или «неуспешных» людей, за исключением, разве что, социальных низов.

Все эти примеры, несмотря на разнородность, объединяет одно: они свидетельствуют о стиле, побеждающем традицию. Общая природа доказывается наличием неких обобщенных признаков, более культурных, нежели социальных, но не менее действенных, чем последние. Попробуем их определить.

Во всех приведенных примерах мы можем говорить о свободном выборе элементов презентации участниками этих групп или событий. Их «маски», во-первых, не навязаны ни окружением, ни институциями, а во-вторых, осознаваемы участниками как избыточные, необязательные, хотя и весьма важные для них самих.

При этом подобные сообщества, как правило, не придерживаются стратегий культурного фундаментализма, не настаивают на своей исключительности и не склонны практиковать санкции в отношении иных сообществ, в том числе – и организованных на иных, моностилистических принципах.

Эти новые сообщества открыты для коммуникации с другими аналогичными движениями. Реконструкторские клубы не только включены в сетевые коммуникации друг с другом, но и сосуществуют на одних площадках с фольклорными коллективами, ремесленниками, рок-музыкантами, проектными менеджерами и иными схожими по духу социальными агентами. Гражданские активисты часто объединяют свои усилия в акциях, потребители «индустрии развлечений» сами ищут возможности познакомиться с иными, отличными от них людьми.

Такие сообщества отличаются размытостью границ и облегченными процедурами входа и выхода для своих членов. Действительно, чтобы войти в профессиональное сообщество эпохи «тяжелой модернити», человеку требовалось немало усилий, растрчиваемых на приобретение знаний, дипломов, статусов, причем каждое такое сообщество ревниво охраняло свои границы от «контрабанды» чужеродных капиталов. Сегодня приобретенный авторитет в кругах «новаторов» значит больше, чем статус, да и в целом символический капитал легко перекочевывает из одной сферы в другую.

Их объединяет общий позитивный настрой по отношению к жизни вообще. Само слово «позитив» как-то незаметно вошло в лексикон городских сообществ, преимущественно молодежных, и служит хорошим маркером

для опознавания «своих» от чуждых этому культурному плюрализму. При этом позитивность не стоит отождествлять с бесконфликтностью или благодушием. Скорее, речь идет о практикуемом эмоциональном настрое на активность, самостоятельность, преодоление апатии, уныния и депрессии.

Если же говорить в более привычных социологических терминах, все описанные группы объединяет общий способ конструирования жизни, схожая стратегия сознательного выстраивания и изменения своей идентичности. «Привязанность к месту сегодня есть проклятие», – говорит З. Бауман. Привязанность к «жесткой» идентичности есть проклятие вдвойне. Этничность, вероисповедание, профессия, способ проведения досуга, возраст, бренды, пристрастия в сфере искусств и иные основания для формирования идентичности в равной степени превращаются для таких людей в элементы, из которых можно собрать сколь угодно сложную конструкцию идентичности, и не только собрать, но и переформатировать. Но это не означает исчезновения идентичности, как виделось из 60-х или 80-х гг., и это не та «мягкая» идентичность (настолько мягкая, что ее даже не видно), которую пытаются дезавуировать радикальные конструктивисты, а, если можно так выразиться, идентичность пластичная, изменяемая.

Разумеется, эти новые группы не охватывают всего общества, даже не составляют большинства. Мы можем говорить (в первом приближении) едва ли о 10–15% населения, вовлеченного в новые способы формирования идентичностей, и не должны забывать, что они существуют на фоне иных групп, чей способ самоопределения остается прежним. Однако процесс этот уже запущен, и вряд ли его можно повернуть вспять.

Такое понимание идентичности неизбежно требует и определенных корректировок в определении стиля. Генезис полистилизма в изложении Л. Ионина выглядит как смена двух больших культурных формаций – моностилизм сменяется полистилизмом через переходную стадию инсценировки. По мнению этого автора, на стадии инсценировки, когда потеряны прежние сакральные ориентиры, иерархии элементов разрушены, а индивиды растеряны, возникает потребность в новых идентичностях взамен утративших актуальность. Поиск новых идентичностей начинается с примерки новых «масок», а заканчивается усвоением новой идентичности [17, с. 215, 246].

При всем уважении к данному автору, в его теоретической схеме, на наш взгляд, есть две нестыковки. Первая – теоретическая – обусловлена простой экстраполяцией прошлого опыта в будущее. Получается, что после краха моностилизма и периода разброда и шатаний неизбежно должны возродиться прежние способы идентичности, а общество «успокоиться». То есть полистилизм в таком изложении представляет собой нечто вроде набора из большого количества моностилистических сообществ, каждое

из которых внутри себя вновь выстраивает иерархии, определяет сакральное ядро, исключает смыслы и т.д. по списку категорий моностилизма. В этом случае вообще становится непонятно, как возможен полистилизм с его терпимостью, плюралистичностью и усложнением. Вторую нестыковку можно назвать эмпирической. Да, действительно, мы видим, что в современном обществе встречаются группы, чья культура имеет все признаки фундаментализма. Но при этом значительная часть общества легко меняет стили своего поведения и не впадает в депрессию, психосоматические синдромы и психозы, как то предполагалось при утрате идентичности классиками (например, Г. Гарфинкелем, с. 55).

Эти нестыковки преодолеваются, если мы определим полистилизм как состояние общества, при котором доминирует открытая пластичная идентичность, а в социальном пространстве на равных правах уживаются и вступают во взаимодействие самые разнообразные элементы стиля, приносимые любым участником социальных взаимодействий как бы «в общее пользование». Из них любой желающий может сконструировать свой вариант стиля, индивидуальный и согласующийся с «большими» стилями одновременно.

Каков будет набор этих элементов – вопрос всегда открытый. Отчасти эти элементы уже существуют как «обломки» прежних эпох в массовой памяти разных групп, в артефактах, текстах, в местах памяти. Отчасти они извлекаются из других исторических эпох, изобретаются и переизобретаются историками и литераторами. Иногда они привносятся извне как некий культуртрегерский проект. Приобрести более или менее широкую известность и популярность эти элементы могут в случае, если в обществе формируются группы и институты, их лоббирующие, например – властные и политические структуры, коммерческие организации, локальные сообщества, отдельные деятели, обладающие необходимым символическим капиталом. Эта игра смыслами и элементами вполне поддается социологическому описанию, и отчасти эта тема будет затронута в нашей монографии.

Если мы привнесем в эту схему пространственное измерение, то мы получим новую концепцию городской идентичности и городского стиля. Его уже нельзя будет соотнести с неким набором обязательных предписаний, типа «настоящий пермяк – это добрый, хороший и работающий» либо «пьющий, грубый и ленивый». Но зато можно представить как открытый набор символов, доктрин, мифов и иных элементов стиля, из которых городские сообщества и отдельные индивиды могут выстраивать уникальные комбинации, исходя из своих целей и потребностей. Символическое пространство большого города, наполненное разными элементами, представляет собой идеальное место и для возникновения запроса на конструирование, и для его осуществления. Очевидно, что набор этих элементов

городского стиля редко бывает уникальным, но уникальной может стать конструкция, точнее – набор конструкций, соотносящихся друг с другом. Или, говоря в духе времени, городской стиль есть открытый проект, который может осуществить каждый, в нем заинтересованный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Arend H. *The Origins of Totalitarianism*, London: Andre Deutsch, 1951.
2. Ashmore R., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. *An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality* // *Psychological Bulletin*. 2004, Vol. 130, No. 1, p. 80–114.
3. Berger P., Berger B., Kellner H. *Das Unbehagen in der Modernitat*. Frankfurt am Mam, 1975.
4. Gleason P. *Identifying Identity: A Semantic History* // *The Journal of American History*, Vol. 69, No. 4 (Mar., 1983), p. 912.
5. Stets J., Burke P. *Identity Theory and Social Identity Theory* // *Social Psychology Quarterly*. 2000. Vol. 63. No. 3. p. 225.
6. Tajfel H. *Human groups and social categories*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981.
7. Phinney J., Ong A. *Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions* // *Journal of Counseling Psychology*. 2007, Vol. 54, No. 3, pp. 271–281.
8. Riesman D. *Die einsame Masse*. Reinbek, 1958. p. 38
9. Абельес Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию // Пер. с нем. яз. под общей редакцией Н. А. Головина и В. В. Козловского. СПб.: Издательство «Алетейя», 2000. 272 с.
10. Бауман З. Предисловие к русскому изданию // *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2002.
11. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. М., 1995.
12. Бредникова О., Паченков О. *Азербайджанские торговцы в Петербурге: Между «воображаемым сообществом» и «первичными группами»* // *Диаспоры*. 2001. № 1.
13. Брубейкер Р., Купер Ф. *За пределами идентичности* // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство, 2010. 131–192 с. Данная публикация представляет собой перевод статьи, опубликованной десятью годами ранее – см. Brubaker R., Cooper F. *Beyond «identity»* // *Theory and Society*, 2000. No. 29. pp. 1–47.
14. Воронков В. Рец. на кн.: «Национальный вопрос в городском обществе...» // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 6.

15. Замятин Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. 86–203 с.

16. Замятина Н. Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. 203–212 с.

17. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в третье тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.

18. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010. 240 с.

19. Кувенева Т. Н., Манков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. 77–84 с.

20. Пэнто Л. Личный опыт и научное требование объективности. // Начала практической социологии. М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Издательство «Алетейя», 2001.

21. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. http://www.grany-center.org/catalog/rezultaty/analiz/details_849.html

22. Савоскул С. С. Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. 58–73 с.

23. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. 81–107 с.

24. Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) М.: ИМЭМО РАН, 2011. 177–186 с.

25. Толстых А. Неизвестный классик. // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.

26. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

27. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.

ЧАСТЬ 2. ПЕРМЯКИ КАК ОНИ ЕСТЬ

ГЛАВА 3. ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

О. В. Лысенко

А. В. Шишигин

Прежде чем мы перейдем к разговору о пермском городском стиле как об открытом проекте, рассмотрим некоторые аспекты пермской идентичности базового (эссенциалистского) уровня. Как было сказано в предыдущей главе, именно они выступают в качестве тех «кубиков Lego», которые затем используются в качестве строительного материала городского стиля.

В этой главе мы коснемся нескольких важных вопросов:

1. Существует ли вообще пермская идентичность в реальности (то есть – в сознании самих пермяков) и как она локализована в социальном пространстве.

2. Как соотносится пермская городская (она же локальная) идентичность с другими территориальными, географическими и национальными идентичностями.

3. Каковы «базовые» черты пермского локального мифа, или, говоря иначе, кем себя видят пермяки.

Сколько в Перми «пермяков»?

Очевидно, что сам по себе факт пребывания в Перми еще не делает человека «пермяком» и не приводит автоматически к формированию «пермской» идентичности. Естественно, возникает вопрос: сколько же в Перми «пермяков»? Прежде чем ответить на него, оговоримся, чтобы не быть понятыми превратно: «пермяками» в этом разделе мы будем называть тех респондентов, кто сам себя к ним отнес в ходе опроса. И в тексте слово «пермяк», употребленное в смысле «человек, считающий себя пермяком», будет заключаться в кавычки. Никаких других коннотаций, положительных или отрицательных, это название не несет. Чтобы избежать путаницы, слово пермяк (без кавычек) будет означать просто жителя города.

Наше исследование показывает, что почти 90% опрошенных жителей города считают себя «пермяками». При этом 78% абсолютно уверенно от-

носят себя к таковым. Интересно, что готовность назвать себя пермяком никак не соотносится ни с полом, ни с возрастом, ни с образованием – во всех этих группах количество «пермяков» и «не пермяков» примерно одинаково. То есть большинство проживающих в Перми людей, как минимум, объединено неким чувством принадлежности к пермскому городскому обществу.

Главным фактором, позволяющим большинству людей приписывать себе «пермскость», является значительный срок проживания в городе и место рождения. Так, среди родившихся в Перми пермяками себя считает 97%, среди родившихся в Пермском крае – 89,5%, в другом регионе – 74,3%, а в другой стране – 54,8%. Можно говорить о том, что у жителей Перми «пермская» идентичность усиливается за счет своеобразного удвоения («пермяк» – это и житель Перми, и житель Пермского края). Следовательно, родившиеся и выросшие в Перми – это как бы «пермяки» в квадрате». **Рубежом приобретения «пермскости» можно считать временной промежуток от 3 до 10 лет проживания в Перми** – более 70% людей, проживших в Перми такой срок и более, уже считает себя пермяком, в то время как среди людей, проживших менее 10 лет, их уже меньше половины.

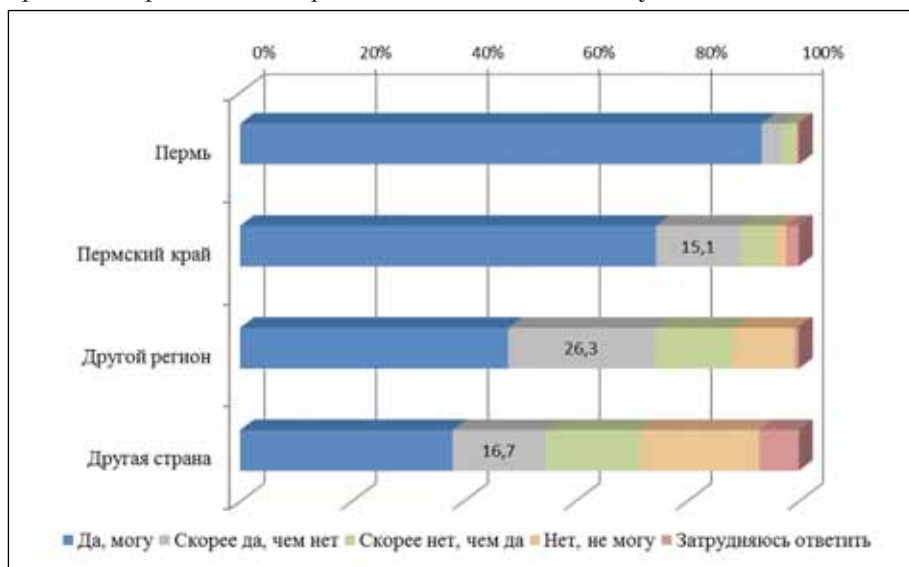
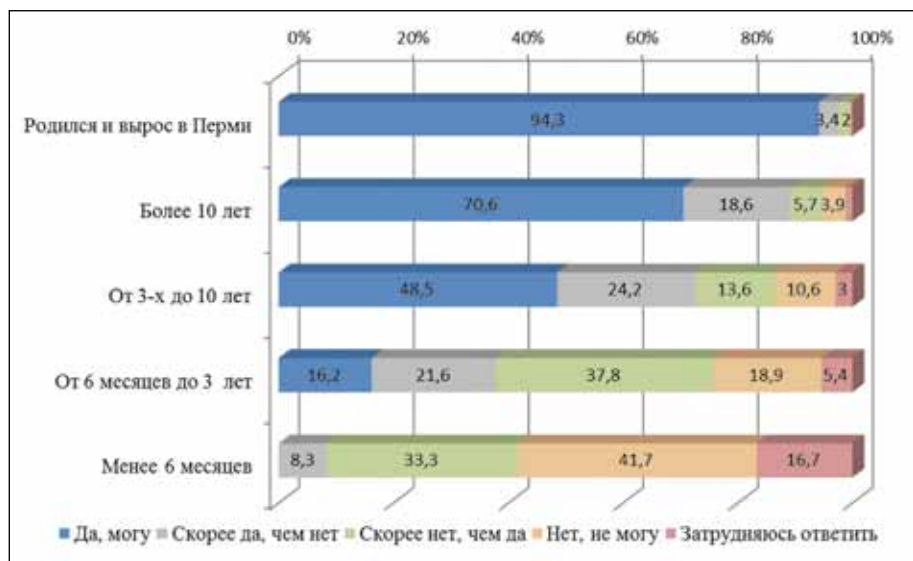

Рисунок 3.1. Принятие «пермской» идентичности в зависимости от места рождения респондента («Можете ли Вы сказать о себе, что Вы пермяк?»)

Такая же прямая зависимость наблюдается между принятием «пермской» идентичности и временем проживания в Перми (рисунок 3.2).

Рисунок 3.2. Принятие «пермской» идентичности в зависимости от длительности проживания в Перми («Можете ли Вы сказать о себе, что Вы пермяк?»)

Все остальные факторы, такие как национальность, род деятельности или материальный достаток, по большому счету, являются производными от срока проживания. Так, среди респондентов, назвавших себя русскими, доля «пермяков» существенно выше (92%), чем среди, скажем, татар (78%) и представителей других национальностей. Объясняется это просто – среди татар больше выходцев из Пермского края или из других регионов, чем среди русских. Аналогично объясняется и меньшая уверенность в своей «пермскости» среди людей, занятых на временных подработках (только 54% из них твердо считают себя «пермяками»): часто это приезжие, проживающие в Перми меньше 3 лет, не успевшие найти свое место в социальном пространстве города. Естественно, что у многих из них «пермская» идентичность еще не успела сформироваться.

Напротив, наибольшую приверженность «пермской» идентичности демонстрируют работники бюджетной сферы (учителя, врачи, работники культуры – 84%), которые либо здесь родились, либо получили образование в этом городе, проработали значительное время, укоренились. Выше среднего доля «пермяков» и среди руководителей предприятий и организаций, среди которых доля тех, кто совершенно определенно считает себя «пермяком», составляет около 85%.

Другим важным фактором приобретения идентичности «пермяк» является уровень социальных достижений. Интересно, что среди безработных, людей с очень низким материальным достатком, занятых на временных подработках, домохозяйек встречается самый высокий процент тех, кто отказывается называть себя пермяком, причем вне зависимости от срока проживания – от 9% до 15% (средний процент «не пермяков» среди всех опрошенных – 3,3%).

Получается, что *отождествление себя с Пермью происходит благодаря встраиванию человека в сеть самых разнообразных социальных отношений и тесно связано со значимыми личностными достижениями и важными событиями в жизни человека*. Завершение учебы, профессиональные успехи, вступление в брак и рождение детей, появление новых друзей и знакомых, равно как и многие другие важные события и значимые достижения, резко усиливают связь с городом, в значительной степени укрепляя локальную идентичность.

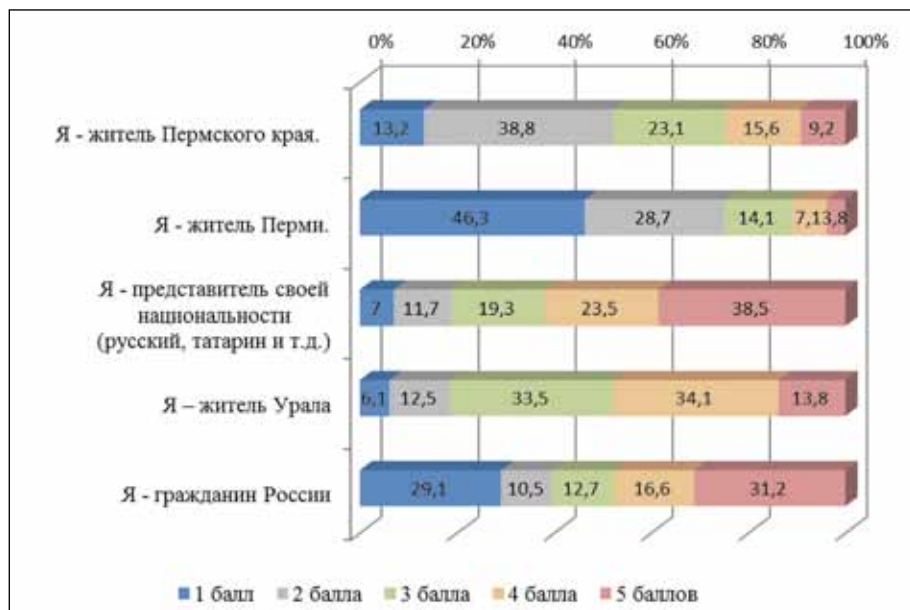
Этот вывод, казалось бы, вполне очевидный, подчеркивает факт, зачастую ускользающий от нашего внимания, сформированного СМИ и провинциальным городским бомондом: для существенного числа жителей Перми приобретение «пермскости» есть значимое жизненное достижение, важный результат, от которого нелегко отказаться.

Пермская «матрешка» идентичностей

Любое погружение в проблему идентичностей неизбежно ставит перед исследователем вопрос о соотношении разных типов социальных тождеств в рамках одной личности. Очевидно, что один и тот же человек одновременно является носителем личностных, гендерных, профессиональных, возрастных и т.п. самоопределений. Но в рамках данной работы мы не имеем ни возможности, ни желания погружаться в эту проблематику. Исходя из вполне прагматичных и конкретных целей (напомним – нахождение и описание пермского стиля), мы ограничимся исследованием соотношений некоторых рядоположенных территориальных идентичностей: локальных (г. Пермь), региональных (Пермский край), географических (Урал), гражданских (Россия) и национальных/этнических.

Последнее – этническая идентичность – требует, пожалуй, особого пояснения. На наш взгляд, она имеет право здесь находиться из-за многочисленных связей между этнической историей и территорией. Не будем забывать, что топоним «Пермь» напрямую связан с этнонимом «коми-пермяки» (этноним «пермь» в Повести временных лет), да и сам регион находится в окружении субъектов федерации, сформированных по национальному признаку (Татарстан, Башкирия, Удмуртия).

Когда мы задаем вопрос «Кем вы себя чувствуете в первую очередь?» и предлагаем оценить каждое из определений по пятибалльной шкале (1 – самая важная, 5 – наименее важная), мы получаем возможность построить своеобразную иерархию идентичностей, свойственную пермякам (см. рисунок 3.3). Здесь идентичности выстроены по значениям моды¹.

Рисунок 3.3. Оценки респондентами значимости разных идентичностей и усредненные показатели

Выясняется, что самая «сильная» идентичность – локальная, связанная с краевым центром – более 46% опрошенных поставили ее на первое место. Второй по важности является региональная идентичность («житель Пермского края»). Самыми «слабыми» идентичностями оказались этническая и географическая («представитель своей национальности» и «житель Урала»).

Наиболее сложным оказалось распределение ответов по поводу идентичности гражданской. С одной стороны, почти треть (29,1%) опрошенных ставит ее на первое место. С другой стороны, такая же треть присваивает ей наименьшее значение. И хотя процедура исследования не предполагала

¹ Мода – статистический показатель, указывающий на наиболее часто встречаемое значение.

ранжирования (по каждой из идентичностей вопросы задавались отдельно), полученные результаты позволяют судить о первостепенной значимости той или иной идентичности для жителей Перми *в условиях повседневности*. Рассмотрим все эти идентичности более подробно.

1. Локальная идентичность («житель Перми»)

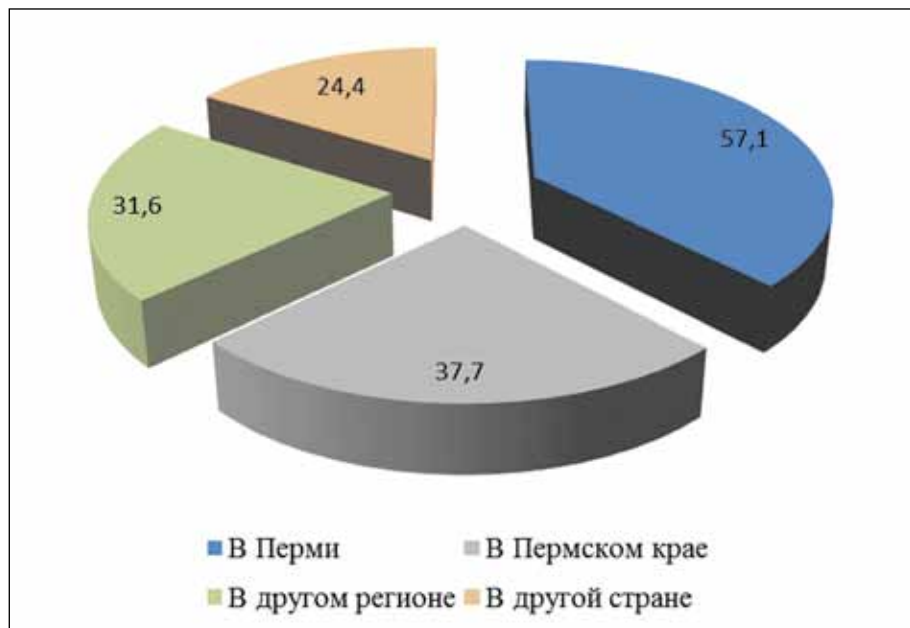
Локальная идентичность имеет первостепенное значение для почти половины респондентов (46%). Для удобства назовем их пермяками «первостатейными». Проведенный анализ позволяет утверждать, что эту идентичность чаще всего выбирают люди, занимающие «среднюю позицию» в городском сообществе почти по всем показателям. Среди «первостатейных» пермяков чаще всего встречаются люди со средним или даже неполным средним образованием (в этих группах пермскую идентичность ставят на первое место 50,7% и 52,3% соответственно), люди, относящие себя к среднему слою (47%), со средним материальным достатком (53%). Что характерно, отличий в значимости данной идентичности по полу и возрасту не наблюдается.

Реже пермскую идентичность ставят на первое место люди, достигшие более значимых статусных позиций в образовании, материальном достатке, в карьере, и люди, чьи достижения выглядят скромнее среднестатистических. Так, среди жителей Перми с высокими социальными достижениями «первостатейных» пермяков всего 33–39%. Среди низов (неполное среднее образование, очень маленький доход, самоотнесение себя к слою «ниже среднего») – чуть выше – 37–40%. Причин такого расхождения может быть две: прежде всего, это последствие уже упомянутых нами миграционных процессов.

Интересно, что среди людей и с высокими, и с низкими социальными достижениями достаточно много приезжих: люди перебираются из деревни в города и из малых городов в мегаполисы либо заработав денег, получив образование, нормальную работу, либо от безысходности. Последнее иллюстрируется одним примером. Как свидетельствуют очевидцы, однажды между губернатором края и одним главой дотационного района, в котором закрылись все угольные шахты, состоялся разговор. «Чем занимаются люди в вашем районе?» – спросил губернатор. «Разбирают здания шахтоуправления на кирпичи, 2 рубля штука», – ответил глава района. «А когда закончат разбирать?» – продолжал спрашивать губернатор. «Приедут к вам, в Пермь...»

Место рождения респондента оказывает очень сильное влияние на признание первостепенной значимости локальной идентичности. Из рисунка 3.4 видно, что различия между теми, кто родился в Пермском крае, и теми, кто родился в другом регионе, не очень велики и сильно контрастируют с

показателями тех, кто родился в Перми. Локальная идентичность оказывается не очень привлекательной и для тех, кто родился за пределами РФ.

Рисунок 3.4. Первостепенная значимость локальной идентичности в зависимости от места рождения, в процентах («В первую очередь чувствую себя жителем Перми»)

Но на такое распределение идентичности накладываются и еще другие обстоятельства. Очевидно, что социальные «верхи», по какой бы шкале – образования или доходы – их ни мерить, более мобильны, больше путешествуют, имеют более широкий кругозор, чаще приобщены к современным средствам массовой коммуникации, чаще общаются с жителями других регионов. Им есть из чего выбирать, и потому локальная городская идентичность для них менее актуальна, если не сказать сильнее – она им просто мала.

Для слабой пермской идентичности социальных низов требуется иное объяснение. Как известно, сплоченность возникает среди относительно успешных, а вот при поражении каждый спасается в одиночку. Нет ничего удивительного, что люди малоимущие, люди, чувствующие себя «ниже среднего», люди с неполным средним образованием чаще оказываются в одиночестве, нежели остальные. Так что и идентифицировать себя с Пермью у них меньше оснований.

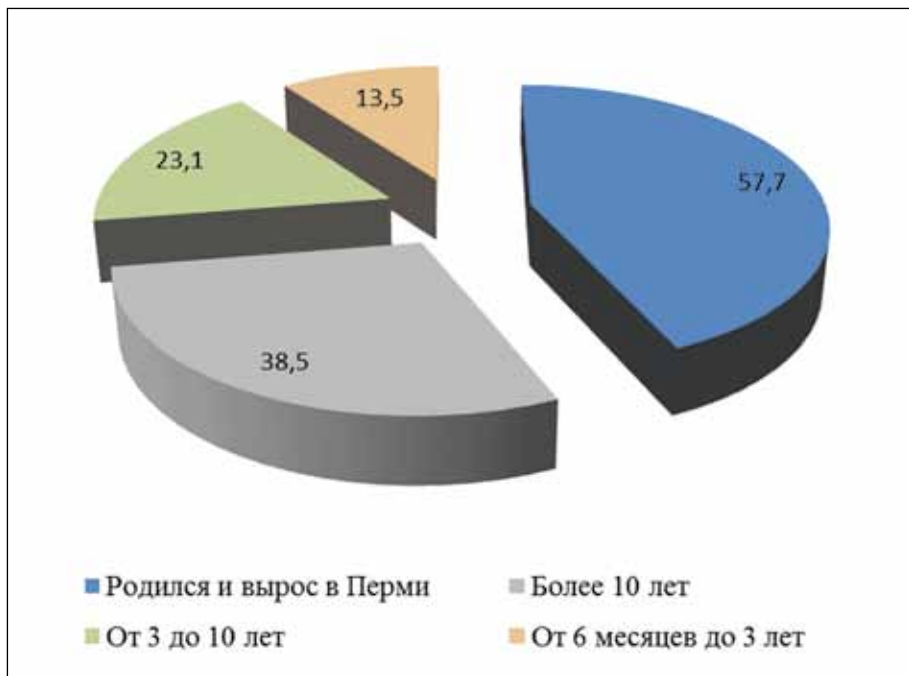

Рисунок 3.5. Первостепенная значимость локальной идентичности в зависимости от времени проживания в Перми, в процентах («В первую очередь чувствую себя жителем Пермского края»)

Это доказывается и анализом распространенности «первостатейных» пермяков в группах по роду деятельности. **Наибольшую приверженность (60%) локальной идентичности демонстрируют работники бюджетной сферы** (учителя, врачи и т.п.), а **наименьшую – специалисты с высшим образованием** (инженеры, экономисты и т.д.), среди которых только 32% отметили данную идентичность как наиболее значимую. Относительно низкие показатели наблюдаются у руководителей предприятий и организаций (38%) и лиц, перебивающихся временными заработками (39%). Чуть выше средних значений показатели пенсионеров (50%), рабочих и студентов (по 49%).

Отдельно стоит сказать о соотношении пермской идентичности и национальной принадлежности. **Русские чаще, чем представители других национальностей, склонны рассматривать локальную идентичность как имеющую первостепенное значение** (49% и 34% соответственно). Во многом это объясняется тем, что среди респондентов-русских больше, чем среди представителей иных национальностей тех, кто родился и вырос в Перми (56% и 46% соответственно). Но эти результаты показывают и другую проблему –

Пермь есть город, среда которого приспособлена, прежде всего, под русского обитателя, и, хотя пермская идентичность среди нерусских преобладает, им приходится тратить больше усилий, чтобы адаптироваться к городской жизни.

Подводя итог, можно сказать, что пермская идентичность оказалась своеобразным локусом в социальном пространстве, на котором фиксируется типичный житель Перми. Он здесь проживает достаточно давно (а может, здесь и родился), оброс социальными связями, адаптировался к пермской среде, сумел решить свои основные проблемы. Те, кто перешагнул это среднее состояние, часто смотрят на свою «пермскость» немного свысока, ощущая себя эдакими «лишними людьми» на новый лад, печоринскими пермского масштаба.

Те, кто пока не дотянул до этого среднего укорененного положения, больше сосредоточены на решении насущных проблем, а потому чаще тяготеют либо к этнической, либо к региональной идентичности.

2. Региональная идентичность («житель Пермского края»)

Региональная идентичность наиболее значима только для 13% респондентов, но модальное значение ее в целом достаточно велико и находится на уровне 2. Иначе говоря, опрошенные люди чаще присваивали этой идентичности второе по важности значение.

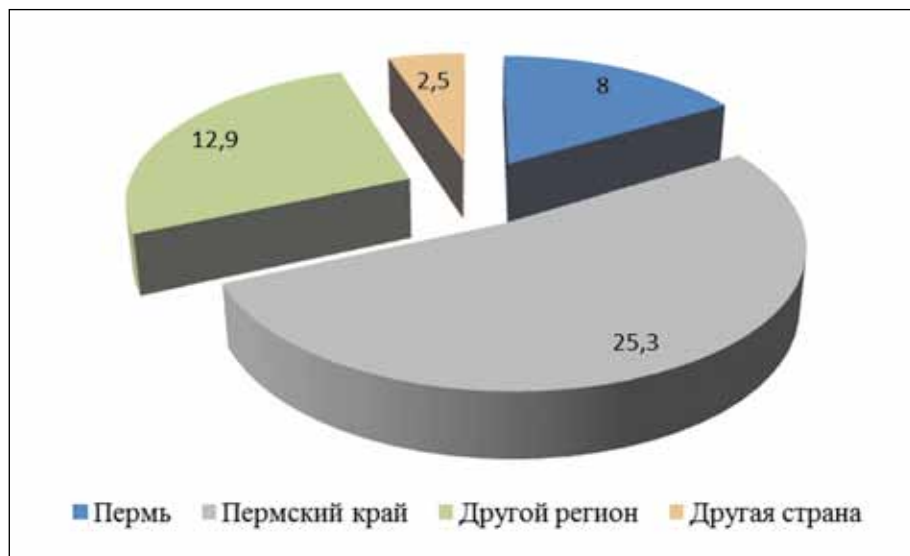
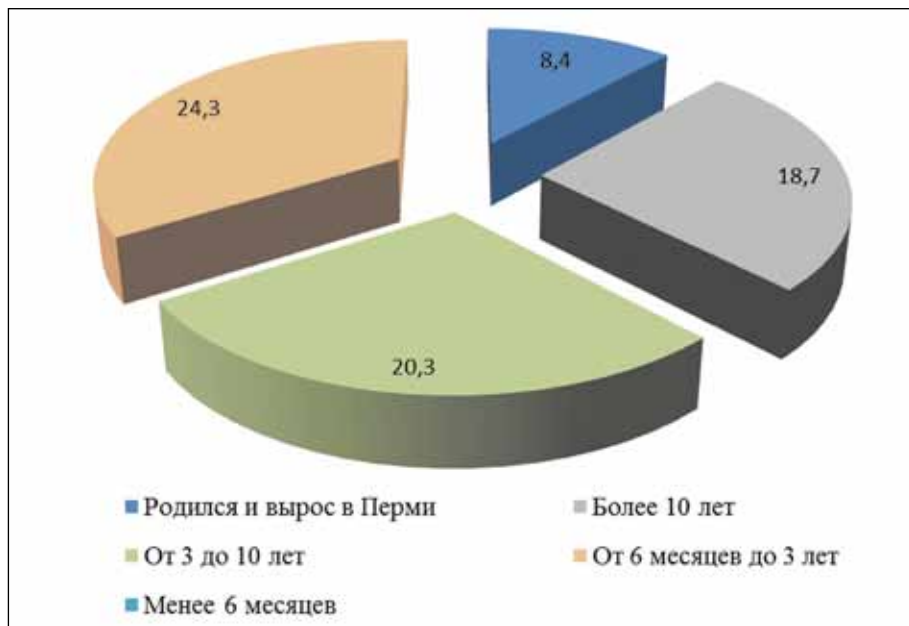

Рисунок 3.6. Первостепенная значимость региональной идентичности в зависимости от места рождения, в процентах («В первую очередь чувствую себя жителем Пермского края»)

Как и в случае с локальной идентичностью, самое сильное влияние на признание первостепенной значимости региональной идентичности оказывает место рождения человека. Региональная идентичность оказывается наиболее значимой для тех жителей города, которые родились и выросли в других городах и районах Пермского края, а в Пермь приехали сравнительно недавно.

Аналогично наблюдается обратная зависимость между признанием первостепенной значимости региональной идентичности и временем проживания в Перми – чем меньше срок проживания, тем чаще люди чувствуют себя в первую очередь жителями Пермского края (рисунок 3.7). Понятно, что в Пермь в основном приезжают люди, ранее проживавшие на территории Пермского края. В этом случае, региональная идентичность выступает на первый план, поскольку новая городская идентичность еще не сформирована, а старая (по месту своего прежнего проживания) уже начинает терять смысл.

Рисунок 3.7. Первостепенная значимость региональной идентичности в зависимости от времени проживания в Перми, в процентах («В первую очередь чувствую себя жителем Пермского края»)

Это объясняет и колебания в оценке региональной идентичности между разными группами. По сути, косвенным образом мы можем проследить,

в каких группах населения Перми больше относительно недавно переселившихся в Пермь людей. Своего максимума в 26% региональная идентичность достигает у домохозяек, близки к этому и безработные (18%). Среди рабочих, работников торговли и сферы обслуживания, специалистов с высшим образованием и руководителей предприятий, поставивших региональную идентичность на первое место, насчитывается уже меньше – 16-15%. Минимальное значение (около 6%) данного показателя наблюдается у офисных работников.

По мере адаптации к жизни большого города региональная идентичность постепенно теряет свое значение. Так, наиболее значима региональная идентичность для каждого пятого респондента из подгруппы с наименьшим достатком, в то время как в подгруппе наиболее состоятельных пермяков лишь около 8% отметили первостепенную значимость региональной идентичности.

Особую роль здесь играет этничность. Так, среди татар 19% опрошенных отмечают наибольшую значимость региональной идентичности, тогда как среди русских таковых лишь около 13%. Объясняется это отчасти тем, что среди респондентов-татар гораздо больше, чем среди респондентов-русских, приехавших в Пермь недавно и живущих в городе менее трех лет (14 и 4% соответственно). С большой долей вероятности можно говорить о том, что, в основном, это приезжие из южных районов Пермского края, районов с компактным проживанием татарского населения. Естественно, что у прибывших в Пермь недавно локальная идентичность слабее, а региональная – сильнее.

Существенных различий в первостепенной значимости данной идентичности между гендерными и возрастными группами не наблюдается.

Эти данные позволяют сделать вывод о сохраняющемся противопоставлении городской и сельской идентичностей, а точнее – о противопоставлении жителей большого краевого центра и малых городов. Региональная идентичность, в силу административного характера происхождения (за ней стоит, по большому счету, административная единица, субъект Российской Федерации), не имеет такой же сильной эмоциональной составляющей, как идентичность городская. Она возникает в качестве первостепенной чаще всего при попадании выходца из районных центров и сел в большой город и утрачивается по мере того, как человек вживается в городское пространство.

3. Национальная идентичность

На первый взгляд, факт, что национальная идентичность по своей первостепенной значимости оказалась на одном из последних мест, кажется удивительным, особенно с учетом периодически возникающих на терри-

тории России очагов межэтнической напряженности. Но этому феномену есть свое объяснение. Во-первых, 88% населения Перми составляют русские, подавляющее большинство из которых явно не чувствует себя ущемленным со стороны национальных меньшинств.

Во-вторых, в городе, в отличие от некоторых районов Пермского края, в целом низкий уровень межэтнической напряженности. По крайней мере, серьезных конфликтов на почве межнациональных отношений не было очень давно.

В-третьих, речь идет все же об идентичностях, которые заявляют о себе в структурах повседневности. У человека, который не сталкивается в своей повседневной жизни с фактами дискриминации по национальному признаку, пребывающего, по сути, в моноэтническом культурном пространстве, национальная идентичность естественно будет отходить на второй план.

В-четвертых, многие люди просто стесняются открыто заявлять о том, что чувствуют себя, прежде всего, русскими, боясь быть заподозренными в радикальном национализме, расизме, ксенофобии и т.п. Доказательством этому служит тот факт, что почти 40% респондентов все же чаще испытывают чувство единства с представителями своей национальности, нежели с жителями края или Урала.

Анализ сопряженности рейтингов этнической идентичности с другими социальными параметрами показывает, что ее важность зависит от трех основных факторов: возраста, принадлежности или непринадлежности к титульной нации и социального статуса. Из всех возрастных групп наибольшее значение (около 12%) национальной идентичности придают молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Наименьшее значение (около 4%) данной идентичности придают респонденты старше 60 лет. С большой долей уверенности разницу в возрастных оценках можно объяснить особенностями социализации людей старшего поколения, лучшей освоенностью ими риторики и практики интернационализма. Как и предполагалось, у представителей национальных меньшинств внимание к национальной идентичности выражено сильнее, чем у русских. Если среди русских лишь около 5% респондентов отметили данную идентичность как наиболее значимую, то у татар – 16%. Немногочисленные в выборочной совокупности башкиры и удмурты демонстрируют еще более высокие показатели – 20% и 60% соответственно. И даже коми-пермяки, демонстрирующие очень высокий уровень ассимиляции, почти в три раза чаще русских ставят национальную идентичность на первое место. Если ввиду малочисленности подгрупп абстрагироваться от показателей коми-пермяков, башкир и удмуртов, то окажется, что и для татар национальная идентичность стоит вовсе не на первом месте, уступая идентичности региональной, локальной и гражданско-политической.

Что касается социального статуса, здесь зависимость оказывается не такой простой. Представители высших и нижних слоев оказываются наиболее чувствительными к собственной национальной принадлежности, тогда как средние слои склонны уделять ей наименьшее внимание. Например, безработные и лица, живущие случайными заработками, демонстрируют высокую степень приверженности национальной идентичности (13–15%), равно как и люди с очень низкими доходами (12%). Таким образом, подтверждается гипотеза о наличии обратной пропорциональности между актуализацией национальной идентичности и уровнем благосостояния. Самыми «равнодушными» к национальной идентичности оказались домохозяйки, предприниматели и пенсионеры (3–5%).

Более трети (37%) респондентов, родившихся в другой стране, поставили национальную идентичность на первое место. Это очень сильно отличается от показателей опрошенных пермяков, родившихся в самом городе, в Пермском крае и других регионах России. Вместе с тем, среди респондентов, родившихся в другой стране, преобладают лица, приехавшие в Пермь совсем недавно или живущие в городе менее трех лет. Место несформированной локальной идентичности естественным образом занимает идентичность национальная. Среди приехавших недавно и живущих в Перми менее трех лет почти каждый четвертый отмечает первостепенную значимость национальной идентичности. Среди коренных пермяков и тех, кто прожил в городе более 10 лет, таковых лишь 5%.

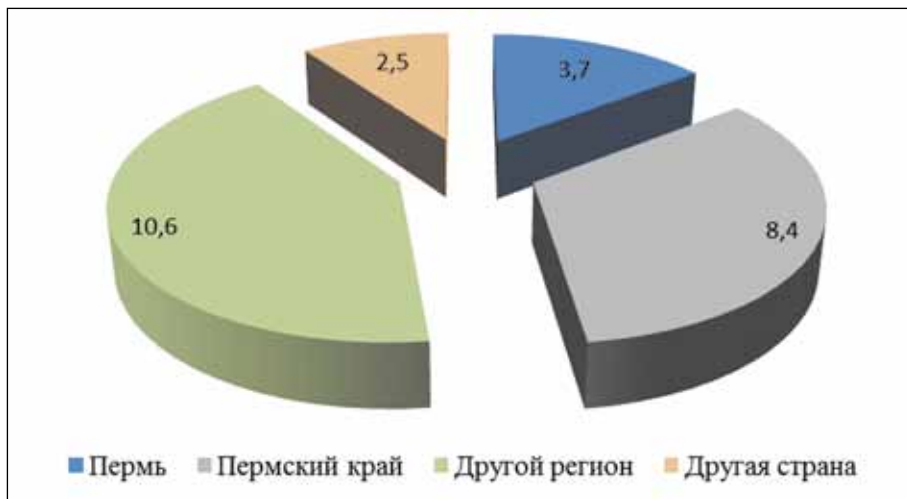
4. Территориально-географическая идентичность («житель Урала»)

Территориально-географическая идентичность («житель Урала») оказывается наименее актуальной для жителей Перми. Только 6% опрошенных поставили ее на первое место. Значимых отличий по полу, возрасту и образованию здесь не наблюдается. Восприятие данной идентичности как имеющей первостепенное значение в равной степени свойственно русским и татарам.

Если говорить о профессиональной деятельности респондентов, то в наибольшей степени отдают предпочтение территориально-географической идентичности рабочие (12%), студенты и специалисты с высшим образованием (по 10%). Внимание рабочих к данной идентичности отчасти объясняется традиционным восприятием Урала как промышленного района, перенасыщенного большими заводами. Типичность такого восприятия находит свое отражение даже в некоторых известных торговых марках (например, пиво «Уральский мастер»). Вместе с тем, среди руководителей предприятий, предпринимателей, безработных и домохозяек вообще не нашлось тех, кто отметил бы первостепенную значимость данной идентичности. Практически игнорируют ее и работники бюджетной сферы.

Пермяки среднего материального достатка чаще других отмечают территориально-географическую идентичность как наиболее значимую.

Как видно из рисунка 3.8, наибольшим признанием данная идентичность пользуется у респондентов, родившихся в другом регионе. С большой долей вероятности можно предположить, что это люди, родившиеся на территории Свердловской и Челябинской областей.

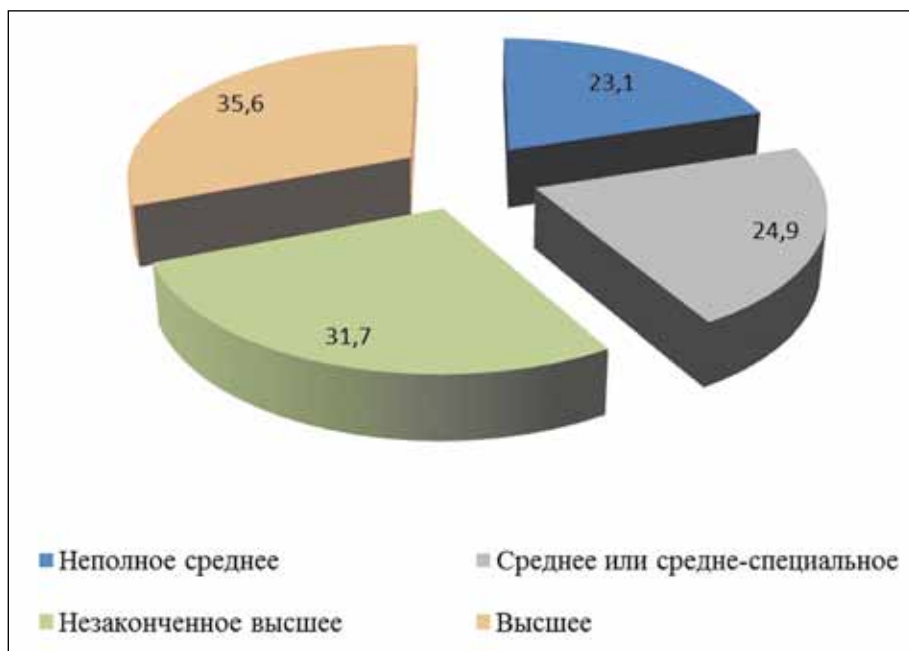
Рисунок 3.8. Первостепенная значимость территориально-географической идентичности в зависимости от места рождения, в процентах («В первую очередь чувствую себя жителем Урала»)

В настоящее время представляется труднообъяснимым факт, что 17% тех, кто проживает в Перми от 3 до 10 лет, поставили данную идентичность на первое место. Среди тех, кто проживает в Перми от полугода до трех лет, таковых около 3%, а среди недавно приехавших вообще не оказалось тех, кто отметил бы ее первостепенную значимость. Лишь около 4% коренных пермяков отмечают территориально-географическую идентичность как наиболее значимую.

5. Гражданско-политическая идентичность («гражданин России»)

Гражданско-политическая идентичность в сознании респондентов занимает второе место по первостепенной значимости. В первую очередь ощущают себя гражданами России 29% жителей Перми. Существенных различий между мужчинами и женщинами, представителями разных национальностей и разных возрастов здесь не наблюдается. Зато имеет значение образование, профессия, социальный статус.

Чем выше уровень образования, тем больше число тех, кто считает свою принадлежность России наиболее значимой (рисунок 3.9).

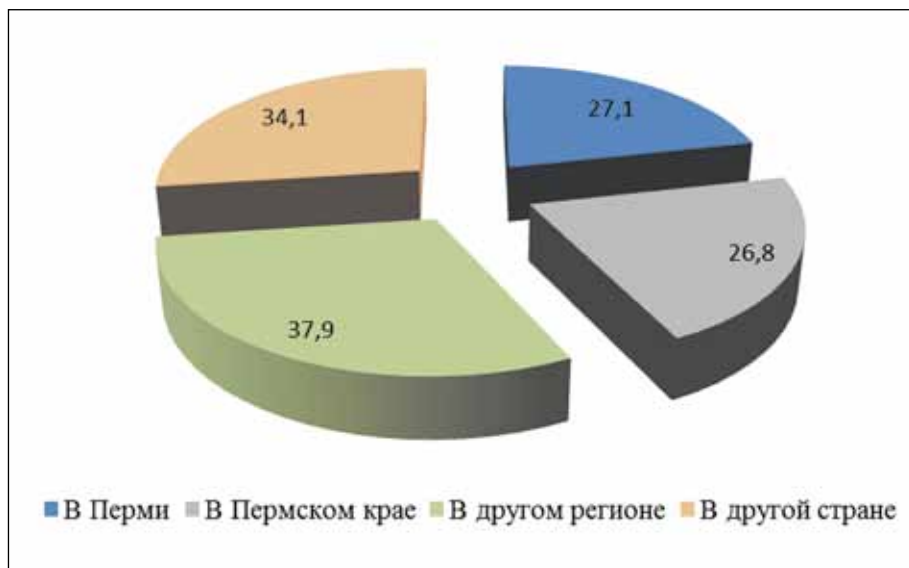

Рисунок 3.9. Первостепенная значимость гражданско-политической идентичности в зависимости от уровня образования, в процентах («В первую очередь чувствую себя гражданином России»)

Такую же зависимость мы видим и среди наиболее статусных социальных групп. Существенно выше среднего значения показатели у специалистов с высшим образованием (40%), руководителей предприятий и организаций (38%) и предпринимателей (42%). Почти каждый третий работник торговли и сферы обслуживания, госслужащий и офисный клерк в первую очередь чувствует себя гражданином России. Очень низкие показатели гражданской идентичности у рабочих (16%), бюджетников (23%), студентов (24%) и занятых на временных работах (23%). Здесь мы наблюдаем классический случай, когда популярность гражданской идентичности оказывается прямо пропорциональной успешности и состоятельности. Очевидно, что улучшение благосостояния граждан намного эффективнее будет способствовать формированию гражданственности, чем пустые разговоры о патриотизме с людьми, находящимися в состоянии депривации.

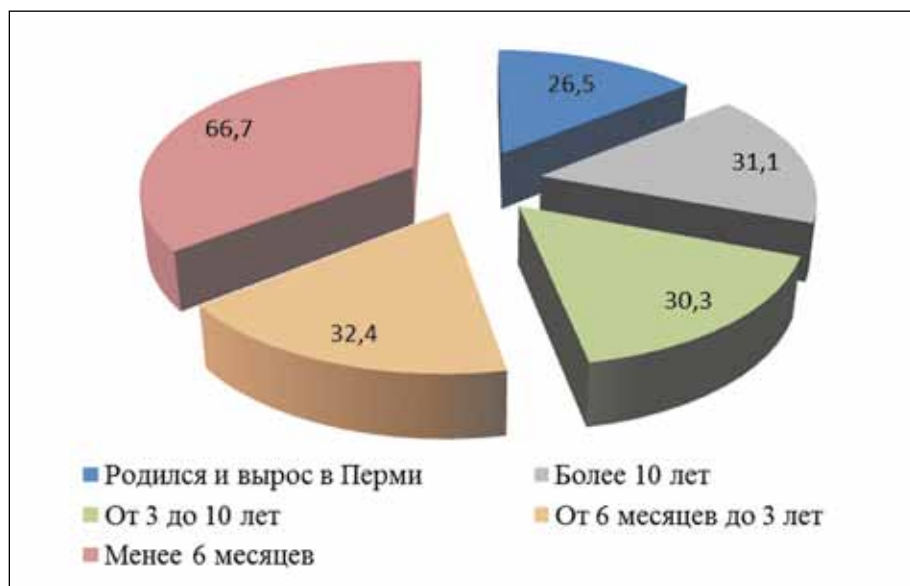
Это подтверждается и сопоставлением гражданской идентичности с уровнем материального достатка. Почти каждый второй (46%) респондент с высоким уровнем материального достатка в первую очередь ощущает себя гражданином России. Представляется, что у состоятельных людей гражданско-политическая идентичность актуализируется чаще в силу их большей мобильности (они чаще выезжают за границу, и им чаще приходится сталкиваться с восприятием себя именно как россиян). Среди людей среднего достатка 38% отмечают первостепенную значимость гражданско-политической идентичности. Наименьшую приверженность данной идентичности демонстрируют самые бедные, т.е. люди, испытывающие затруднения даже с приобретением продуктов питания (24%).

Как видно из рисунка 3.10, приверженность гражданско-политической идентичности выше у респондентов, родившихся за пределами Перми и Пермского края. У респондентов, родившихся в Перми, локальная идентичность явно подавляет другие территориальные идентичности, включая и гражданско-политическую. Однако не стоит забывать, что речь идет об идентичностях в рамках повседневности. Можно не сомневаться, что, оказавшись в другой стране, пермяки, как жители других регионов, в гораздо большей степени начинают ощущать себя гражданами России.

Рисунок 3.10. Первостепенная значимость гражданско-политической идентичности в зависимости от места рождения респондента, в процентах («В первую очередь чувствую себя гражданином России»)

Чем меньше человек живет в Перми и, соответственно, чем слабее у него развита локальная идентичность, тем более значимой для него оказывается идентичность гражданско-политическая.

Рисунок 3.11. Первостепенная значимость гражданско-политической идентичности в зависимости от времени проживания в Перми, в процентах («В первую очередь чувствую себя гражданином России»)

Другой интересной особенностью гражданско-политической идентичности является то, что почти для каждого третьего (31%) респондента она практически вообще не имеет значения. В случае с гражданско-политической идентичностью мы имеем дело с классическим U-образным распределением, когда примерно одна треть отмечает данную идентичность как наиболее важную, а другая треть – как самую несущественную. Больше всего безразличных к данной идентичности среди безработных (46%), домохозяек (40%) и бюджетников (39%). Очень много таких респондентов в подгруппе самых бедных жителей Перми (44%). Для сравнения, в подгруппе самых богатых пермяков таковых лишь 15%.

Подводя итог обзору сопоставления различных территориальных идентичностей, мы можем сделать несколько значимых выводов.

Прежде всего, стоит отметить, что городская локальная идентичность оказывается на данный момент наиболее значимой и наиболее распространенной в нашем городском сообществе. Она чаще прочих ставится на

первое место среди всех остальных идентичностей, она переживается как самая актуальная и практичная.

Но это не стоит трактовать однозначно положительно. Как и большинство других аналогичных «массовых» феноменов, городская (локальная) идентичность оказалась проявлением скорее консервативности, нежели «продвинутой». С одной стороны, причисление себя к пермякам есть показатель успешного вхождения в городское сообщество, приобретения приемлемого социального статуса, образования, дохода. Человек, чувствуя себя «пермяком», уже тем самым получил некую устойчивую позицию, причем не самую низкую. С другой стороны, возведенная в первый ранг «пермскость» оказывается препятствием для присвоения более значимых, более широких идентичностей, таких, например, как «гражданин России». Иными словами, среднестатистический «пермяк», судя по данным опроса, оказался русским, имеющим не самую престижную работу, с уровнем дохода средним или ниже среднего, со средним образованием, с малой мобильностью и иными, такими же «средними» показателями.

Если попытаться свести все перечисленные выше сопряженности разных идентичностей с социальными параметрами в некую единую схему, мы получим типичную «матрешку» – привычный образ для описания иерархии идентичностей, наложенную на три количественные шкалы – уровень образования, размер дохода и социальное положение. В центре, где значение всех трех параметров минимально, пермская городская идентичность минимальна – там находятся группы населения, недавно переехавшие в город, не успевшие здесь укорениться, встроиться в социальные сети.

Именно среди этих групп этничность и отчасти географическая идентичность оказываются более значимыми, нежели принадлежность к пермякам. Они пока еще «чужие». Далее, по мере роста социальных достижений либо благодаря преимуществу рождения в большом городе человек включается в городское сообщество, начинает чувствовать себя «пермяком». Эта идентичность и защищает его достижения и консервирует их, превращаясь в своеобразную скорлупу, позволяющую «отбиваться» от посягательств на достижения извне (со стороны многочисленных «варягов» – политических, экономических, культурных).

Как и многие из других «достижимых идентичностей», пермская локальная идентичность оказывается эссенциалистской, «твердой», хотя бы в силу способов ее выстраивания по месту рождения и проживания. Наконец, со временем, по одному или нескольким социальным параметрам человек «перерастает» средние значения социальных достижений и вслед за этим начинает тяготеть к более обширным идентичностям, прежде всего – гражданским. И здесь, очевидно, «пермскость» начинает восприни-

матеря либо как одна из возможных идентичностей в ряду прочих, либо как «отсталость», вчерашний день.

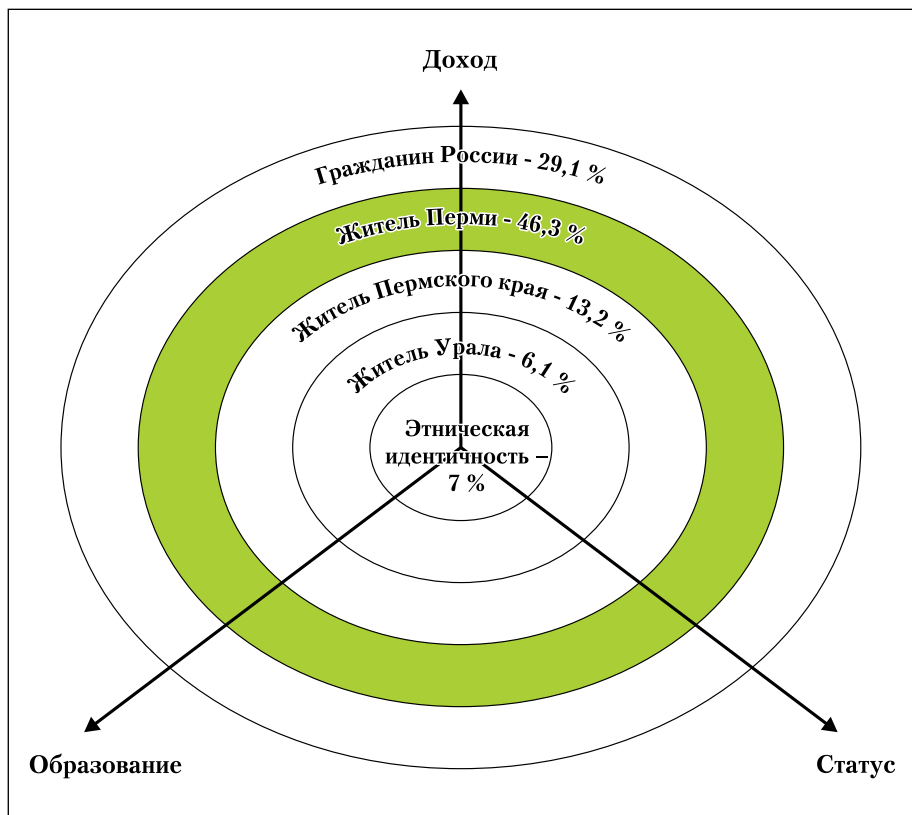

Схема 3.1. Пермская «матрешка» идентичности.

Вывод о такой зависимости между пермской идентичностью и социальным статусом можно подтвердить данными другого исследования, посвященного реализации человеческого потенциала в г. Перми². Там, в числе прочих, был задан вопрос: «Если бы жили в другом российском городе, удалось бы вам достигнуть большего, реализовать больше планов?». Выяснилось, что на фоне достаточно высокой общей лояльности (84% от-

² Речь идет об исследовании, выполненном в рамках Программы социального развития ПГГПУ авторским коллективом в составе З. П. Замараевой, Н. В. Панкратова, О. В. Лысенко, А. В. Шишигина и др., «Барьеры и возможности», Пермь, декабрь 2012 г., N=800, выборка квотная, представительская, погрешность 3,5%.

ветило отрицательно, и только 16% положительно), среди людей с высшим образованием и с высоким уровнем достатка число тех, кто считает Пермь не самым лучшим местом для самореализации, увеличивается – 19% и 22% соответственно. И особенно велико оно среди молодежи – более 24%.

Это дает ключ к пониманию сразу многих явлений: от преобладания негативного тона описания Перми в Интернет-сообществах до неприятия новых символов, ориентированных на внешнего потребителя, со стороны консервативного большинства. Что мы и постараемся показать в последующих разделах. Но пока нам необходимо более подробно разобраться с содержанием «пермскости» в массовом сознании.

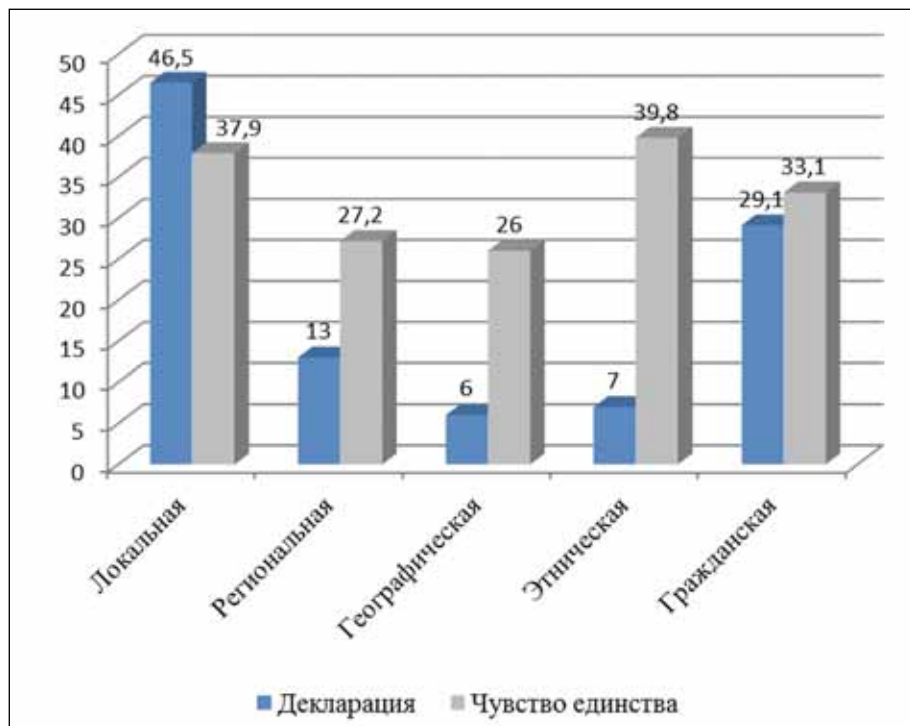
Идентичности современного горожанина: между декларацией и повседневным опытом

До сих пор мы анализировали скорее вербальное поведение наших респондентов, их декларации относительно собственных идентичностей. Но вряд ли стоит отождествлять поведение нормативное и поведение реальное, поэтому рассмотрим, насколько выведенная выше иерархия идентичностей соответствует реальности. Для этого мы используем только один из индикаторов, но зато, на наш взгляд, наиболее значимый – чувство общности и солидарности.

Полученные нами результаты представлены на рисунке 3.12.

Рисунок 3.12. Наличие или отсутствие чувства единства с представителями различных территориальных общностей

Рисунок 3.13. Соотношение декларации идентичности и чувства солидарности, возникающего с представителями территориальных общностей

И вот здесь мы обнаруживаем один интересный факт: **несмотря на то что этническая, региональная и географическая идентичность редко провозглашаются пермяками как значимые, в практике они играют гораздо более заметную роль.**

Особенно это касается идентичности этнической. Респонденты отмечали возникающее чувство единства и близости с представителями своей национальности даже чаще (незначительно, в пределах погрешности), чем чувство близости к пермякам. Почти 40% опрошенных жителей Перми отметили, что часто испытывают чувство единства и близости с представителями своей национальности. Чаще остальных это чувство испытывают люди старше 60 лет (45,8%), с достатком ниже среднего (46,8%), госслужащие и работники правоохранительных органов (52%), домохозяйки и офисные работники (по 47%), жители Перми, родившиеся в других регионах или другой стране (50% и 56%), нерусские.

Что интересно, реже всего чувство близости и солидарности с представителями своей национальности испытывают самые бедные жители Перми – всего 16% из них отметили, что часто его переживают. Достаточно редко оно возникает среди безработных и лиц, перебивающихся случайными заработками (31%). Реже оно возникает и среди лиц, родившихся в Перми или проживающих в Перми достаточно долго (на уровне 35-36%).

Нечто подобное мы наблюдаем и в переживании чувства близости к иным территориальным общностям – к уральцам и жителям Пермского края. Всегда чувства близости к иным общностям повышается, если человек недавно приехал, не принадлежит к титульной нации, не имеет стабильной работы (исключение составляют только предприниматели, космополиты уже в силу своего рода деятельности). И понижаются в двух случаях: или если человек укоренен в городских структурах и является для большинства жителей «нормальным», то есть средним по всем или большинству показателей, либо опускается на дно.

Иными словами, у всех, кто еще не укоренился в городе, этническая, географическая или региональная идентичность оказывается своеобразным «запасным плацдармом», той запасной площадкой, на которой они могут найти утешение и поддержку, если по какой-то причине им в этом отказывает широкое городское сообщество. Приехав из других регионов или из других городов Пермского края, перейдя из иной национальной среды в среду по преимуществу мононациональную и русскую, они сохраняют свою вторую идентичность если не на уровне декларации, то хотя бы на уровне переживаний.

Отдельно стоит сказать о самых бедных, маргинализованных слоях городского населения. Атомизация общества, затронувшая их сильнее остальных, помноженная на очень низкий достаток, порождает чувство заброшенности и ненужности. Эти респонденты, как уже отмечалось, реже других испытывают чувство близости с любой территориальной общностью.

И еще одно интересное наблюдение. С возрастом повышается способность чувствовать свою близость к любым формам территориальных сообществ. Вообще-то в вопросе не предполагалось ранжировать частоту возникновения чувства близости, не было указания отмечать, с кем человек чувствует единение чаще, а с кем реже. Каждый человек имел возможность указать на часто возникающее чувство близости хоть со всеми перечисленными сообществами. Но если пенсионеры чаще прочих указывали на чувство близости к пермякам, уральцам, жителям Пермского края, представителям своего народа и россиянам, то молодежь и средний возраст указывали на это реже. Очевидно, жизненный опыт и другие факторы, связанные с возрастом, на это как-то воздействуют.

Подведем некоторые итоги. Данные нашего исследования позволяют говорить о достаточно напряженном переживании разных видов идентичностей в сознании жителя Перми. Важность и значимость той или иной идентичности во многом носит ситуационный характер, находясь в зависимости от условий существования индивида. Но, как бы то ни было, пермская идентичность остается доминирующей для большинства пермяков. И хотя наряду с переживанием «пермскости» в сознании человека продолжают сохраняться чувства единения с другими группами, это не должно вводить нас в заблуждение – по мере погружения в городскую жизнь эти идентичности постепенно ослабевают. ***Формирование новой городской идентичности постепенно отодвигает в тень любые иные формы общности, доминировавшие ранее. Можно с уверенностью сказать, что пермское сообщество так или иначе состоялось.***

Но в этой картинке есть два тревожных сюжета. **Первый: «быть пермяком», к сожалению, не означает «быть лучшим».** Скорее, принадлежность к пермскому городскому сообществу, судя по цифрам, присуща человеку среднему во всех отношениях, добившемуся уже определенных успехов, но не претендующему на большее. Поэтому отождествление себя с пермяками и повышается в среднем слое, у людей со средним достатком, со средним уровнем образования, относящему себя к среднему слою и т.д. и т.п. В пору вспомнить средневековый город, который за горожан признавал «честных» и «добропорядочных» бюргеров, но с подозрением относился ко всякого рода «чужакам», будь то нищий бродяга или заезжий «грамотей». И в этом отношении «пермскость» вполне может оказаться чем-то вроде синонима «усредненности», «обычности». Да, стать пермяком для многих – непростая задача, но почему-то люди со статусом выше среднего, с более продвинутыми запросами, инициативные и устремленные на карьеру собственное пермское местоположение ставят не очень высоко, часто предпочитают идентифицировать себя с чем-то более широким.

Второй тревожный сюжет: наличие определенного снобизма по отношению к жителям Пермского края и иным людям, приезжающим в Пермь. Не будем забывать, что многими жителями Пермского края идентичность «пермяк» рассматривается и как региональная, но этого нельзя сказать о большинстве самих пермяков. А учитывая, что Пермь является центром притяжения миграционных потоков из районных центров и деревень, получается, что отношение пермского сообщества к жителям Пермского края во многом аналогично отношению изрядной доли москвичей к приезжим из России – мол, «понаехали тут!». Последнее если и не проговаривается часто вслух, то подразумевается.

Конечно, здесь уместно провести параллель с рассуждениями Энтони Гидденса, указывающего, что в ситуации убыстряющейся глобализации на-

циональное государство стало слишком маленьким для больших жизненных проблем, но слишком большим для маленьких жизненных проблем. Представляется, что в еще большей степени данное замечание применимо к отдельным регионам. Формирование локальной идентичности тесно связано с развитием чувства малой родины, которое, как правило, обретается еще в детстве. Региональная же идентичность для жителей Перми не имеет такой глубокой личностной основы. Но подобный снобизм все же вряд ли уместен.

Что значит быть «пермяком»: стратегии завоевания статуса

Любая территориальная идентичность формируется у индивида при непосредственном участии со стороны других членов социума. Общество не только влияет на процесс их формирования, оно придает идентичностям устойчивый характер и обеспечивает их преемственность. Но представление о том, кто есть «мы», не только является важнейшим компонентом социальных идентичностей и не только основанием для самоописания и презентации, но и отражает определенную стратегию закрепления собственного статуса. Выше мы уже отмечали, что признание себя пермяком есть вполне значимое социальное достижение, свидетельствующее о достижении некоего среднего положения. В данном разделе речь пойдет о том, что, по мнению жителей Перми, отличает «пермяков» от жителей других регионов, в чем именно они усматривают характерные особенности своей идентичности, и о том, как в подобных представлениях проявляются стратегии обоснования статуса.

Прежде всего, установим сам факт наличия мнения об отличии пермяков от жителей других регионов. Вопрос звучал так: «Как вы считаете, отличаются ли пермяки в своем поведении от жителей соседних регионов (Свердловской, Челябинской, Кировской области)?» В качестве воображаемой референтной группы мы взяли жителей этих областей по двум причинам. Во-первых, они действительно соседние, и потому вероятность знакомства с ними жителей Перми высока, а во-вторых, в них нет национального подтекста, как, например, в Татарстане или Удмуртии, и, стало быть, не примешивается неизбежный в массовом сознании соблазн списать все на полумифический «национальный характер».

Выясняется, что больше половины всех опрошенных пермяков (точнее – 52%) считают, что такие отличия есть, причем около четверти отмечают, что они очень заметны. 30% считают, что в своем поведении пермяки от жителей соседних регионов практически не отличаются. Что любопытно, эти суждения в большей степени характерны для тех, кто себя пермяком не считает (более 62%), нежели среди «первостатейных пермяков». Очевидно, людям со стороны оказывается виднее. Часто это проявляется среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет (58%), руководителей предприятий и орга-

низаций (62,5%), специалистов с высшим образованием (58,4%), предпринимателей (57,6%), людей, занятых на временных работах (77%) – иными словами, среди тех, кто по долгу службы или волею судеб имеет больший опыт общения с жителями других регионов и в то же время погружен в жизнь пермского социума. Кстати, чаще остальных на существование различий указывают и люди, прожившие в Перми от 3 до 10 лет.

Соответственно, реже на отличия указывают люди с неполным средним образованием (39%), с очень высоким или очень низким достатком (42% и 36% соответственно), люди старше 60 лет (45,1%), бюджетники (45%) – одним словом, представители тех слоев населения, которые меньше имеют возможности для сравнения пермяков и жителей других регионов.

Далее, мы попытались выяснить содержательное определение пермской идентичности, причем двумя способами: через вопрос «Что для Вас лично означает быть «пермяком»?» и через два других вопроса, предлагающих описать внешние (стилевые) и поведенческие качества пермяков, в том числе и в сравнении с жителями других регионов.

Суть первого вопроса – узнать, через какие маркеры наши собеседники склонны в первую очередь определять содержание «пермскости». Таких маркеров было выведено всего четыре: место рождения, место проживания, наличие особого «характера», наличие поведенческих особенностей (в том числе – особенностей речи). Также, учитывая «двойное» значение понятия «пермяк» («житель Перми» и «житель края»), место рождения и место проживания в подсказках удваивалось.

Как выяснилось, чаще всего наши собеседники выбирали подсказку «жить в городе Перми» (45%). Второе место занимает ответ «родиться и вырасти в городе Перми» (35%). Подсказку «проживать в Пермском крае» выбрали только 23% опрошенных, а «родиться и вырасти в Пермском крае» – лишь 16%. На особый характер и особенности поведения как основу выделения пермяков указывают только 13-14% опрошенных.

Очевидно, что для большинства жителей города «пермяк» – это, прежде всего, территориальная идентичность, сформированная по «объективному» признаку «почвы» (факт проживания в городе на данный момент либо факт рождения и взросления в Перми). Это еще раз говорит о «твердых», эссенциалистских основаниях пермской идентичности в сознании респондентов. Поведенческие и социокультурные особенности поведения «пермяков» отошли на второй план. Иначе говоря, сыграть пермяка нельзя – им можно только родиться или хотя бы прожить в Перми достаточно долго, чтобы «пропитаться» пермским «духом».

И, тем не менее, при анализе ответов на данный вопрос представителей разных социальных слоев обнаруживаются следы разных стратегий закрепления своего пермского статуса. Таких стратегий, как минимум, три: определение

пермяков по месту рождения, по месту проживания и по особенностям поведения. И если первые две стратегии можно охарактеризовать как нормативно-эссенциалистские (по, якобы, «объективным» признакам, см. главу про городскую идентичность), то третья стратегия, на наш взгляд, строится больше на попытке взять в качестве основы идентичности особую «культуру», не только формально, но и содержательно закрепить «пермскость» через устоявшиеся формы поведения, через некий стиль. Конечно, возникает соблазн приписать этой третьей стратегии статус прогнозируемого нами «стихийного конструктивизма», но от этого пока лучше воздержаться, о чем речь пойдет ниже.

Наиболее «формалистические» позиции («быть пермяком – значит родиться и вырасти в Перми») демонстрируют люди, родившиеся в Перми (50%), с очень высоким достатком (50%), представители высшего слоя (55,6%), а также предприниматели (46%), руководители предприятий (41%), студенты (46,7%). Во всех этих категориях место рождения выдвигается на первый план. Немало приверженцев определять «пермскость» по месту рождения среди бюджетников (47,4%), госслужащих (41%), людей в возрасте от 31 до 45 лет (41%). Во всех этих категориях преобладают пермяки по рождению, а многие из них еще и обладают высоким социальным статусом, что, вероятно, и вызывает стремление его защитить перед лицом «приехавших».

Люди, не обладающие таким неоспоримым доказательством, как место рождения, в большей степени склонны связывать пермскую идентичность с местом проживания. Это в наибольшей степени характерно для пенсионеров, подрабатывающих, офисных работников, работников торговли, домохозяек, бюджетников – у всех них этот способ определения идентичности стоит на первом месте. Что характерно, он доминирует и среди людей со средним достатком, относящим себя к среднему слою, у людей с высшим образованием. Очевидно, что такая умеренность связана с не самыми твердыми позициями в социальных иерархиях, равно как и тем, что среди этих людей много пермяков в первом поколении, особенно – среди пенсионеров. Этот вариант ответа, естественно, в наибольшей степени характерен для тех, кто родился вне города, но живет здесь достаточно давно.

Рождение в Пермском крае как источник пермской идентичности в целом встречается редко, но и тут просматривается определенная стратегия присвоения себе социального статуса, особенно среди пенсионеров и нерусских. Безусловно, для людей старшего возраста «пермяк» есть, прежде всего, идентичность локальная, но амбивалентность «пермской» идентичности (и житель города Перми, и житель Пермского края) у них выражена гораздо четче, чем у всех остальных респондентов – они гораздо чаще остальных в качестве признака «пермяка» указывают его проживание в Пермском крае (32%). В советское время город рос стремительно, численность населения резко возросла как за счет присоединения близлежащих поселков, так и за

счет миграционных процессов, в основном – из территорий области и края. Аналогично и среди наших собеседников татарской национальности почти в полтора раза ниже, чем у русских, доля тех, кто увязывает «пермскую» идентичность с проживанием в Перми (32% против 46%), и в полтора раза выше доля тех, кто увязывает ее с проживанием в Пермском крае (22% против 15%). В данном случае различия в ответах на этот вопрос объясняются компактным проживанием татар на территории некоторых южных районов региона. Очевидно, что интересы борьбы за статус «пермяка» требуют, чтобы таковыми люди становились не после того, как переедут в Пермь, а уже по факту проживая на территории Пермского края.

Отдельно стоит сказать и о том, в каких слоях населения наиболее распространена стратегия определения идентичности по стиливым (культурным) признакам – особенностям поведения и речи, чертам характера. Напомним, что ни в одной из рассматриваемых категорий населения она не преобладает. Тем не менее, наиболее заметна эта стратегия определения идентичности у студентов, которые при ответе на этот вопрос чаще других обращали внимание на особенности характера (20%) и особенности манер поведения и речи (23%), среди рабочих (20,8% из них выбрали позицию «пермский характер», 17,5% – «манеру поведения и особенности речи»), бюджетников (17,1% – «манеры поведения и особенности речи»), а также среди людей с высоким уровнем достатка («пермский характер» – 17,9%, «особая манера поведения и речи» – 35,7%; рисунок 3.15).

Что интересно, попытки определить пермяков через характер и культуру чаще встречаются в сочетаниях со стратегией «места рождения». Это характерно и для самых обеспеченных пермяков, и для бюджетников, и для студентов, и для госслужащих. Именно это заставляет нас относиться к таким попыткам скорее как к «удвоенному эссенциализму», нежели как к «стихийному конструктивизму». Родиться в Перми, сформировать характер, воспринять пермский говор и иные манеры с детства – все эти признаки несут на себе функции выстраивания стены между «настоящими» пермяками и «не настоящими». Например, для самых бедных пермяков не характерно увязывать «пермскую» идентичность с фактом рождения и взросления в Перми, равно как и ссылаться на «пермский характер».

С другой стороны, мы не имеем возможности по этому вопросу определить, с какой коннотацией здесь используются поведенческие признаки «пермскости» – с положительными или отрицательными. Согласимся, материально успешные люди, образованные бюджетники, студенты могут использовать определения типа «характера» или «манеры» как для того, чтобы закрепить собственное «пермское» коренное положение, так и для прямо противоположного – для обоснования своей эксклюзивности на фоне простоты пермских нравов и привычек.

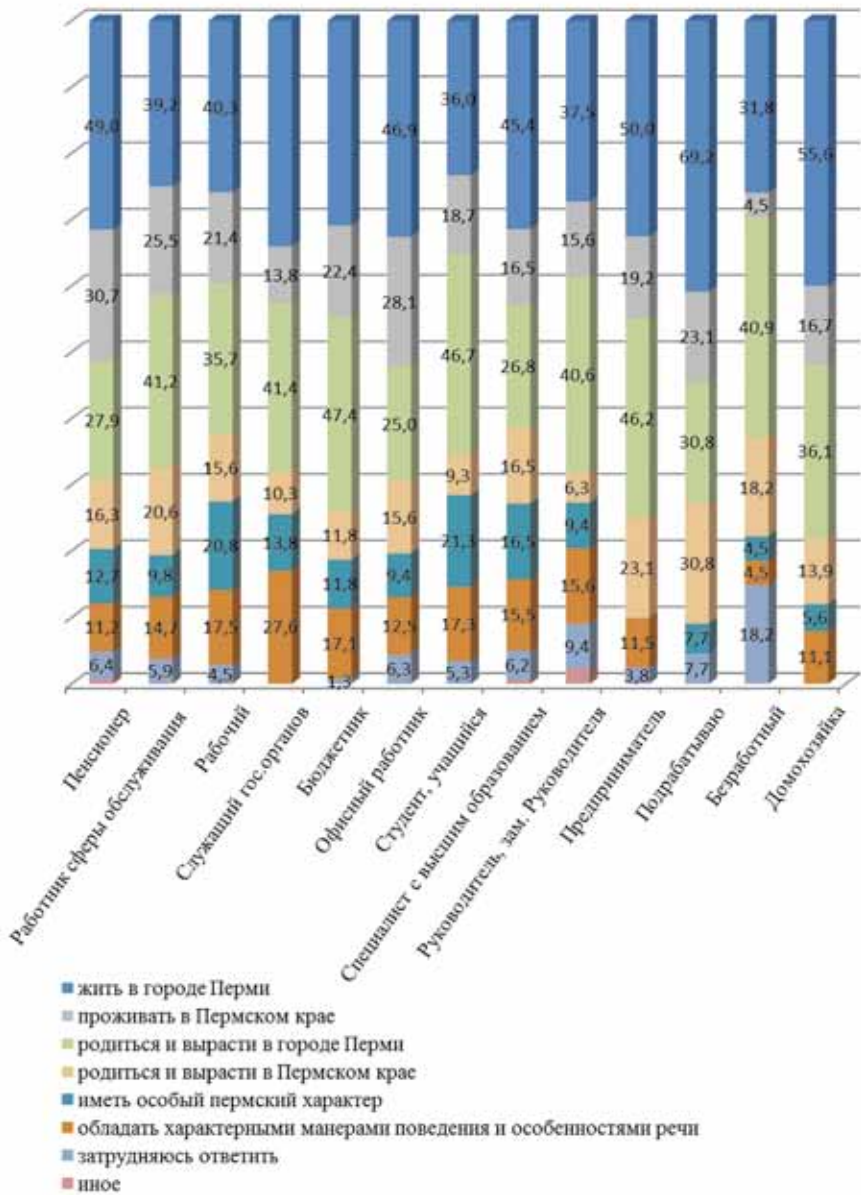
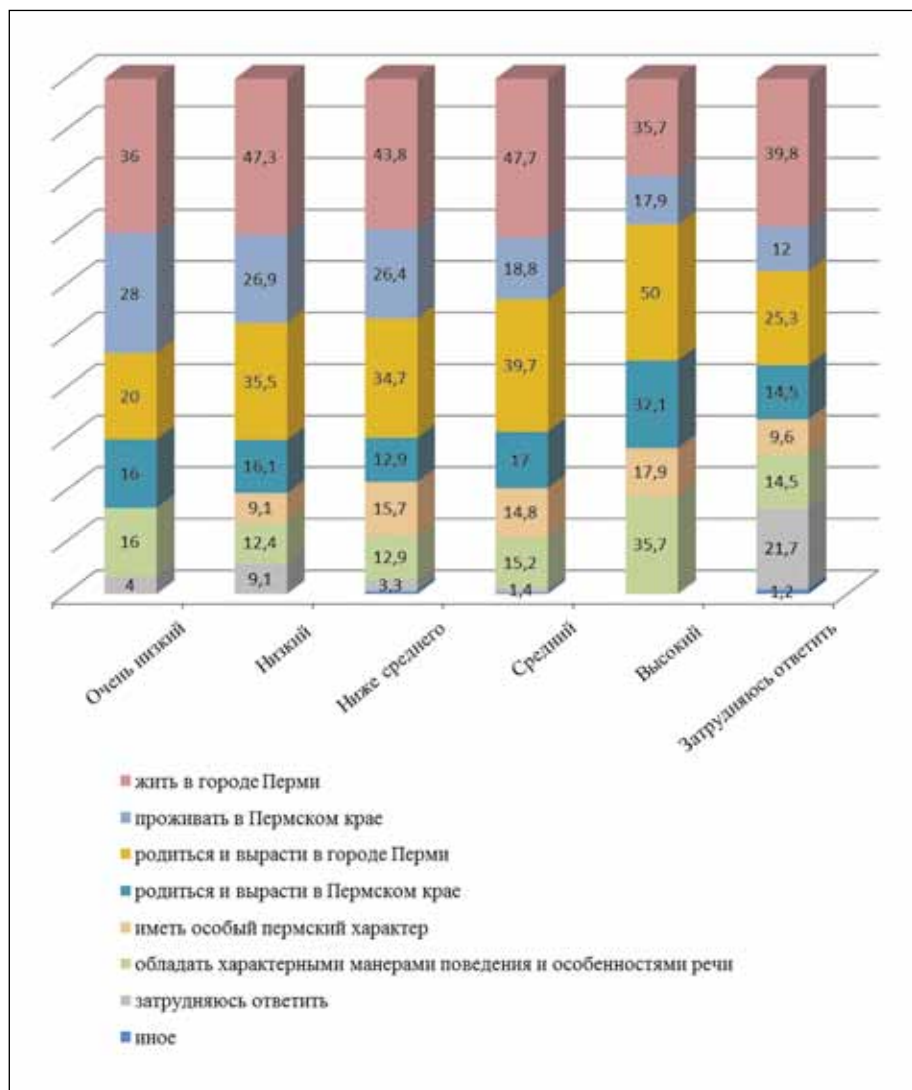

Рисунок 3.14. Понимание сущности «пермской» идентичности представителями разных социально-профессиональных групп, в процентах

Рисунок 3.15. Понимание сущности «пермской» идентичности представителями групп разного материального достатка, в процентах

На правомерность такой интерпретации указывает тот факт, что культурные основания отличия пермяков от жителей других городов и регионов чаще выбираются теми опрошенными, которые при ответе на вопрос «Считаете ли вы себя пермяком?» выбирают варианты «скорее, да» и «ско-

рее, нет», то есть сомневаются в своей пермской идентичности. «Первостепенные пермяки» чаще предпочитают формальный подход.

Думается, что в реальности встречаются оба способа использования «поведенческих» маркеров.

Таким образом, несмотря на имеющиеся расхождения в суждениях представителей разных социально-профессиональных групп, можно утверждать, что в сознании абсолютного большинства жителей Перми «пермская» идентичность оказывается, прежде всего, идентичностью формальной, эссенциалистской, определяемой по факту проживания в городе или же проведенного в нем детства и юности. Даже указание на поведенческие особенности и особый характер как сущностные стилистические признаки «пермяка» оказываются лишь способом оградить локальное городское сообщество от внешнего мира.

Далее мы рассмотрим отдельно и внешние стилистические особенности поведения, и стилистические установки, так называемый «пермский характер», но уже как простые факты наблюдения, не связанные с выявлением сущности «пермкости».

О внешних стилистических особенностях поведения пермяков (под другим углом зрения)

Как мы уже выяснили, особенности поведения не воспринимаются большинством жителей города как сущностные особенности «пермской» идентичности. Тем не менее, если задать вопрос иначе³, выяснится, что внешние стилистические особенности поведения легко прочитываются большинством нами опрошенных.

Охарактеризуем эти особенности по мере их значимости.

Самая яркая черта пермяков – пермский говор. Более 80% респондентов считает, что *пермяков от жителей других регионов отличает особая манера речи*. В равной степени согласны с этим как мужчины, так и женщины, как русские, так и татары, как молодежь, так и пожилые. Можно утверждать, что речевые особенности настолько заметны, что почти в равной мере осознаются людьми почти вне зависимости от их образования (исключение составляют жители Перми с высшим образованием, более чувствительные к особенностям пермских речевых практик, – 84%). Среди социально-профессиональных групп наиболее восприимчивы к особенностям местного говора госслужащие (93%), бюджетники (92%) и руководители предприятий (91%). Меньше всего считающих манеру речи отли-

---

³ Вопросы «Как Вы считаете, что отличает пермяков от жителей других провинциальных регионов?» и «Какие качества у пермяков более или менее выражены по сравнению с жителями соседних регионов?»

чительным признаком пермяков от жителей других регионов встречается среди безработных (50%) и малообеспеченных граждан (60%).

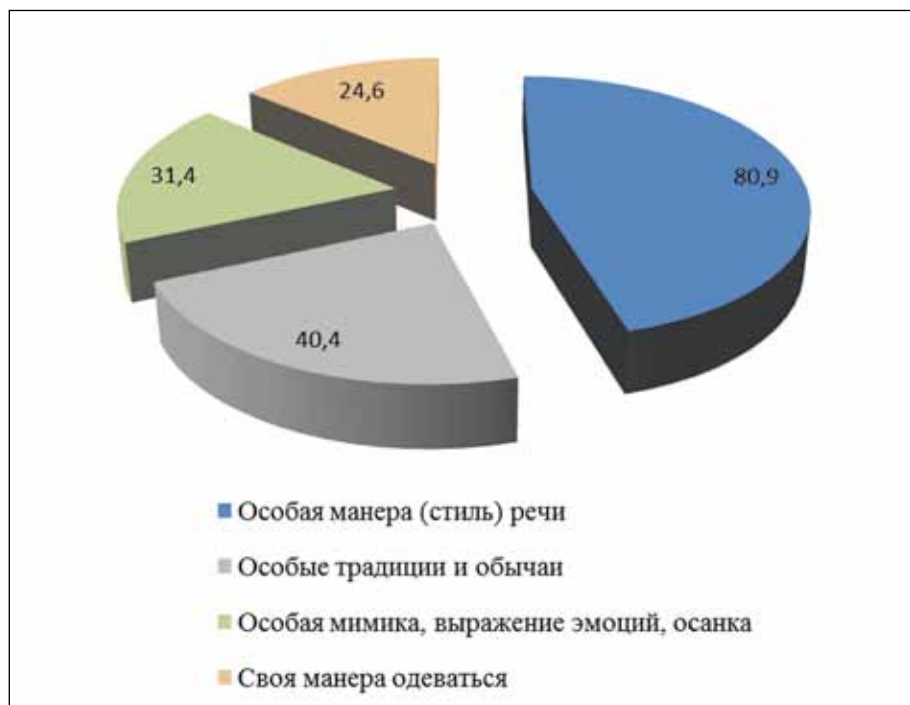

Рисунок 3.16. Что отличает пермяков от жителей других провинциальных регионов, в процентах

Интересно, что респонденты, приехавшие в Пермь совсем недавно, которые, казалось бы, должны быть более восприимчивы к особенностям новой среды (в том числе и лингвистической), заметно реже отмечают наличие особенностей пермской речи (67%), чем уже укоренившиеся жители города. Ниже среднего (72%) данный показатель и у лиц, проживающих в Перми менее трех лет.

Опрошенных жителей Перми, считающих, что пермяков от жителей других регионов отличают **традиции и обычаи**, набралось 40%. Различия между полами есть, но они небольшие. Больше всего сторонников этой точки зрения набралось в группе от 31 года до 45 лет (46%), а меньше всего – среди молодежи до 30 лет (36%). Существенных отличий по образованию и национальности не выявлено. Если говорить о социально-профессиональных группах, то больше всего опрошенных, видящих отличия в традициях,

находится среди домохозяек (57%), бюджетников и занятых на временных работах (по 46%), а также среди офисных работников (45%). Меньше всего усматривающих какую-то пермскую самобытность в сфере традиций и обычаев среди предпринимателей и безработных (по 27%).

Наименее состоятельные респонденты вдвое реже отмечали наличие у пермяков каких-то традиций и обычаев, отличающих их от жителей других регионов. За исключением этого, нет ничего другого, что указывало бы на влияние материального положения респондента при ответе на данный вопрос. Респонденты, родившиеся в другой стране, чаще других (46%) отмечают наличие у пермяков отличительных традиций и обычаев.

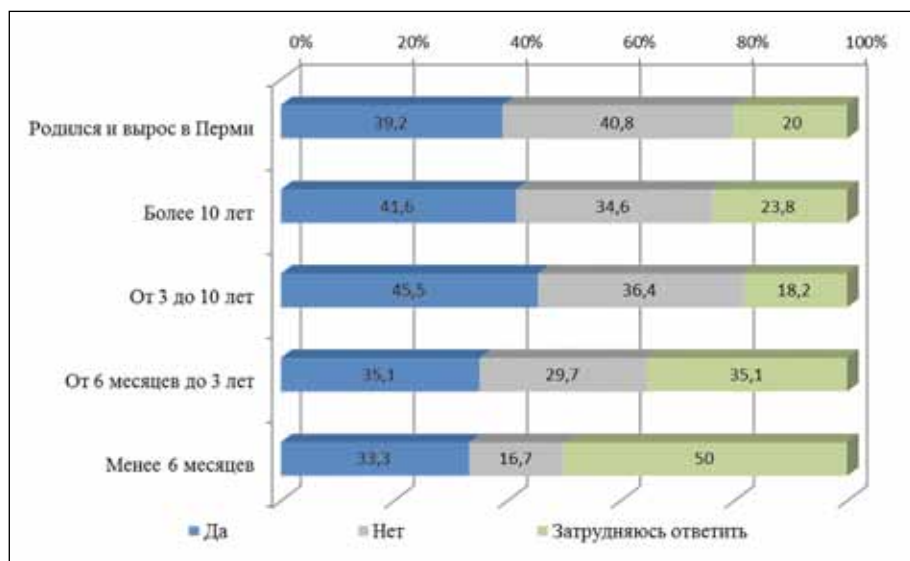
Время проживания в Перми оказывает влияние на суждения респондентов относительно пермских традиций и обычаев (рисунок 3.17). Так, среди живущих в городе менее полугода только каждый третий усматривает наличие у пермяков традиций и обычаев, отличающих их от жителей других регионов. При этом каждый второй респондент из данной подгруппы затруднился с ответом. Среди живущих в Перми от полугода до трех лет доля респондентов, согласных с наличием у пермяков каких-то традиций, отличающих их от остальных россиян, почти такая же, но уже существенно выше доля тех, кто твердо уверен в отсутствии таковых при заметном снижении доли затруднившихся с ответом. Ответы на данный вопрос респондентов, родившихся и выросших в Перми, проживших в Перми более 10 лет и проживших от 3 до 10 лет, уже не сильно отличаются друг от друга.

Почти каждый третий (31%) опрошенный считает, что пермяков от жителей других регионов отличают **мимика и выражение эмоций**. Существенных отличий по полу здесь не наблюдается. Чаще других (38%) усматривают в этом отличие респонденты среднего возраста (31–45 лет), а реже всех (27%) – респонденты в возрасте от 46 до 60 лет. Респонденты с неполным средним образованием менее других (26%) склонны видеть отличие пермяков от жителей других регионов в выражении эмоций. Различия в ответах на данный вопрос между русскими и татарами несущественны.

Чаще других усматривают отличие пермяков в мимике и манере выражения эмоций домохозяйки (46%), студенты (42%) и госслужащие (41%). Меньше всего таковых среди офисных работников (13%) и безработных (23%). С ростом материального благосостояния увеличивается (от 24% у самых бедных до 42% у самых состоятельных) число тех, кто находит отличие пермяков от жителей других регионов в мимике и манере выражения эмоций.

При ответе на данный вопрос мнения респондентов, рожденных в Перми и Пермском крае, практически совпадают – около 31% в обеих группах считают, что пермяки отличаются от других россиян мимикой и выражением своих эмоций. Респонденты же, рожденные в других регионах РФ, в

меньшей степени (24%) готовы усматривать отличие пермяков от жителей других регионов в манере выражения эмоций. Чаще других (43%) указывают на данное отличие респонденты, родившиеся в другой стране.

Рисунок 3.17. Восприятие пермских традиций и обычаев в зависимости от времени проживания в Перми («Пермяков от жителей других провинциальных регионов отличают традиции и обычаи»)

Ответы на данный вопрос коренных пермяков, людей, проживших в городе более 10 лет, и людей, проживших в Перми от трех до десяти лет, практически совпадают, находясь в районе среднего значения. Люди, прожившие в Перми от полугода до трех лет, реже (19%) отмечают отличие пермяков от других россиян в мимике и выражении эмоций, тогда как среди респондентов, приехавших совсем недавно, доля таковых чуть больше (25%).

Отличие пермяков от жителей других регионов **в манере одеваться** усматривает каждый четвертый респондент. Женщины, как и ожидалось, оказались более внимательными к внешнему виду, чем мужчины (27% против 20%). Возраст, образование, национальность респондентов практически не оказывают влияния на их мнение по данному вопросу.

Наиболее внимательными к внешнему виду и одежде оказались руководители предприятий (39%) и домохозяйки (34%). На другом полюсе находятся предприниматели, среди которых только 15% отметили, что пермяков от жителей других регионов отличает манера одеваться. Что харак-

терно, наибольшее число сторонников находить отличия пермского стиля одежды среди людей с достатком ниже среднего уровня (27%). Среди самых бедных таковых всего лишь 8% и среди наиболее обеспеченных – 18%. Место рождения респондентов и время проживания в Перми не оказывают существенного влияния на их мнения по данному вопросу.

Обобщая приведенные в этом разделе цифры, можно сделать сразу несколько выводов. Первый – особенности поведения «по-пермски» чаще выделяются не теми, кто приехал в Пермь недавно, кто является вроде как бы сторонним наблюдателем, и даже не теми, кто в Перми родился и вырос, то есть «коренными пермяками». Они более всего заметны тем, кто пока находится в пограничном состоянии: живет от 3 до 10 лет (напомним: граница приобретения пермской идентичности – 10-летнее проживание в Перми), кто не беден, но и не добрался до среднего уровня достатка, и даже теми, кто родился в другой стране и, следовательно, привык вообще к иной повседневной культуре. Для удобства обобщения мы приводим специальную таблицу, в которой опубликованы обобщенные данные более частого или более редкого признания тех или иных стилистических особенностей поведения пермяков в зависимости от срока проживания, места рождения и уровня дохода.

Таблица 3.1.

*Зависимость признания стилистических особенностей поведения пермяков от срока проживания, места рождения и уровня дохода
(«+» – выше среднего значения, «-» – ниже среднего значения,
«0» – сопоставимо со средним значением).*

	Срок проживания			Место рождения				Достаток		
	Более 10 лет	От 3 до 10 лет	Менее 3 лет, недавно	Пермь	Пермский край	Другой регион	Другое государство	Бедность	Ниже среднего	Средний, высокий
1. Особая манера (стиль) речи	0	+	-	0	-	+	0	-	+	0
2. Особые традиции и обычаи	0	+	-	0	-	0	+	-	0	0
3. Особая мимика, выражение эмоций, осанка	0	0	-	0	0	-	+	-	+	+
4. Своя манера одеваться	0	+	-	0	-	-	+	-	+	-

Похоже, что внимание к особенностям пермского поведения усиливается в тех слоях населения, для которых вопрос принадлежности к пермскому сообществу является проблематичным: они еще не «пермяки», но уже и не «приезжие». Очевидно, что процесс усиления данной территориальной идентичности сопровождается некоторым преувеличением роли тех или иных отличий, большим вниманием к мелочам и деталям. То есть все происходит в соответствии с положениями конструктивизма, которые гласят, что если реальные различия между группами не столь велики, то для их размежевания необходимо эти различия преувеличить или придумать новые. Множество примеров подобного рода приводится в работах Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, рассматривавших процессы конструирования «наций» [1; 3; 4]. Уместно здесь вспомнить и Л. Г. Ионина, который, говоря об усвоении стиля, отмечал, что «для индивидов, которые стремятся как можно быстрее найти выход из их нынешнего неопределенного и неустойчивого положения, обретение внешних признаков идентификации является сигналом того, что прошлое преодолено» [2, с. 242]. Поэтому не удивительно, что внешние признаки столь ценятся теми жителями Перми, которые только обретают пермскую идентичность.

Исключение из этих особенностей составляет только манера речи, знаменитый пермский говор. Он выступает как разделяемая большинством жителей Перми эмблема, своеобразный бренд нашего города, да и всего края в целом, почти вне зависимости от статуса, дохода, срока проживания в Перми. Не случайно именно пермский говор стал одной из отличительных черт популярного сериала «Реальные пацаны», не случайно на эту особенность указывают чаще остальных жители других регионов.

Пожалуй, впору подумать о том, чтобы объявить пермскую речь нашим региональным достоянием...

О стилистических установках «пермяков» под другим углом зрения: «пермский характер»

Согласимся, внешние стилевые стереотипы чаще всего воспринимаются нами как морально нейтральные, не вызывающие однозначного осуждения или похвалы. Чего не скажешь о такой категории повседневного опыта, как «характер».

Специально оговоримся для читателя из академической среды: мы не собираемся придать понятию «пермский характер» статус строгой научной дефиниции. Речь здесь идет только о категории практики, о том содержании (весьма расплывчатом и неточном), которое придает этому слову здравый смысл и повседневный опыт в любом «воображаемом сообществе». Но с другой стороны, раз есть люди, которые этим понятием пользуются в сво-

ем обиходе, следовательно, оно для них что-то значит. Чтобы операционализировать это слово для социологического опроса, мы выделили на свой вкус ряд некоторых поведенческих черт, условно относящихся как раз к «характеру» или поведенческим установкам (см. рисунок 3.18). Более подробный разбор содержания «пермского характера» в массовом представлении самих пермяков пойдет в следующей главе, а здесь мы ограничимся только проверкой наиболее распространенных клише, причем как положительных, так и отрицательных. Разумеется, все они были сформулированы в положительном ключе, с мягкой шкалой оценок (более или менее выражены).

Рисунок 3.18. Сравните пермяков с жителями других регионов. Какие качества у пермяков более или менее выражены по сравнению с жителями соседних регионов (Свердловской, Челябинской и Кировской области)?

Какими же видят себя пермяки в сравнении с жителями соседних регионов? Оказывается, выделение черт характера и поведенческих установок вызывает больше затруднений, чем наблюдение внешних проявлений. Более половины опрошенных вообще не видят этих различий. С другой стороны, **именно этот вопрос выявил наличие существенного конфликта между положительным и негативным содержанием пермской идентичности.**

Начнем с того, что позиции «ответственное отношение к труду», «высокий темп жизни», «большие культурные запросы» набрали равное ко-

личество как положительных, так и отрицательных оценок: выявить преобладание мнения относительно того, является ли это чертами пермского характера или нет, не удалось.

Две позиции («чувство собственного достоинства» и «дружелюбное отношение к людям, гостеприимство») в качестве отличительных черт «пермского характера», во-первых, выбираются чаще остальных (на уровне 20%), а во-вторых, реже оспариваются (6,3% и 10,7%). Именно эти две черты можно предварительно считать основными при описании себя пермяками.

Еще две черты «характера» явно использованы для самоописания со знаком минус – «высокая культура поведения» (23,4% против, и только 9,2% за) и активная жизненная позиция (17,2% против, 12,9% за).

Впрочем, эти данные пока не дают полного автопортрета пермяка: как мы увидим в следующей главе, жители Перми использовали гораздо больше эпитетов для описания своего образа.

Другой интересный вывод заключается в том, что **«пермский характер» более заметен (1) скорее пермякам, укоренившимся в городе, нежели тем, кто еще только находится в процессе принятия идентичности; (2) скорее людям со средними социальными позициями, нежели самым бедным и самым богатым.** Как мы помним, с внешними поведенческими признаками все обстояло прямо наоборот. Так, если говор больше виден приезжим, то чувство собственного достоинства чаще признается в качестве пермской черты характера среди людей среднего достатка, а среди самых бедных и самых богатых жителей Перми таковых почти в два раза меньше. Наиболее состоятельные респонденты вдвое реже малоимущих и людей среднего достатка считают, что пермякам в большей степени свойственно гостеприимство и дружелюбие.

Как и следовало ожидать, респонденты, родившиеся в других субъектах РФ, в меньшей степени (14%) согласны с наличием у пермяков более выраженного чувства собственного достоинства. Среди респондентов, родившихся в Перми и Пермском крае, таковых оказалось уже 23% и 22% соответственно. Среди жителей Перми, родившихся в другой стране, согласны с данной точкой зрения около 17%. Точно такая же динамика наблюдается и в оценке гостеприимства. Среди коренных пермяков и респондентов, проживших в Перми более 10 лет, 22-21% опрошенных уверены в том, что это качество у пермяков выражено сильнее, чем у жителей соседних регионов. У родившихся в другом регионе таковых оказывается уже 16%, а среди респондентов, родившихся в другой стране, всего 12%. Вместе с тем, среди последних почти каждый третий убежден в том, что дружелюбие пермякам свойственно в меньшей степени, чем жителям соседних регионов.

Среди приехавших в город совсем недавно разделяют мнение о более выраженном чувстве собственного достоинства пермяков лишь 8% опрошенных, но уже в подгруппе проживших в Перми от полугода до трех лет таковых оказывается почти 22%, т.е. практически столько же, сколько среди коренных пермяков (23%).

Самые большие расхождения в оценках положительных качеств отмечаются у представителей русских и татар. Респонденты русской национальности в большей степени, чем татары, согласны с наличием у пермяков более выраженного чувства собственного достоинства (22% против 14%). Если среди русских отметили более выраженное гостеприимство у пермяков 21%, то среди татар таковых оказалось лишь 2%. Считающих, что гостеприимство и дружелюбие пермякам свойственно в меньшей степени, чем жителям других регионов, у русских 10%, а у татар – 14%.

Вместе с тем, процесс формирования локальной идентичности все не подразумевает идеализацию представителей новой социальной общности. В частности, 23% опрошенных считают, что пермякам, по сравнению с жителями соседних регионов, менее свойственна высокая культура поведения. Обратной точки зрения придерживается лишь 9% пермяков. Существенных различий по полу, возрасту и образованию здесь не обнаруживается. Зато есть существенные различия в зависимости от национальной принадлежности респондентов. В частности, если среди русских около 10% считают, что высокая культура поведения у пермяков выражена в большей степени, чем у жителей соседних регионов, то у татар таковых лишь 4%. Противоположной точки зрения придерживается 22% русских, а у татар – почти каждый третий. В целом же, представители национальных меньшинств в своей оценке культуры поведения пермяков оказываются гораздо более строгими и критичными, чем русские.

Меньше всего респондентов, считающих, что у пермяков более выражена высокая культура поведения, среди специалистов с высшим образованием (3%), работников торговли и бюджетников (4%). Противоположной точки зрения чаще всего придерживаются предприниматели (31%), бюджетники (29%) и студенты (28%).

Говоря о возможном влиянии места рождения при ответе на данный вопрос, единственное, что стоит упомянуть, так это тот факт, что респонденты, родившиеся в другой стране, гораздо чаще (38%) всех остальных считают пермяков менее культурными. Люди, родившиеся и выросшие в Перми, относятся к пермякам чуть более благосклонно в плане оценки культуры их поведения.

Подводя итог нашему анализу пермской городской идентичности, мы еще раз хотели бы обратить внимание на ряд важных наблюдений.

Во-первых, городская идентичность состоялась. Она сильна в сознании жителей города, она обладает некоторыми, хотя и размытыми чертами, она является фактом жизни, категорией практики для подавляющего (около 90%) числа всех проживающих в этом городе.

Во-вторых, городская идентичность выражена сильнее любой другой территориальной (и национальной в том числе) идентичности. Модально она занимает первое место, почти половина всех опрошенных указывает ее как самую важную для себя. Но сила этой «пермскости» кроется не в высоких социальных достижениях, не в максимальной реализации своего потенциала, а в «усредненном» положении, в защите своих маленьких завоеваний. Пермь, как и любой региональный центр, является перевалочной базой для потоков мигрантов. В нее стекаются наиболее активные (а часто – и наиболее пострадавшие от социально-экономических потрясений) жители региональной глубинки, из нее идет постоянный отток амбициозных людей в столицы. «Пермскость» при этом прочно ассоциируется с теми, кто добился «нормального», среднего положения в городе, но не заглядывает дальше. Чтобы стать «пермяком», требуются усилия и время, особенно если ты беден, необразован, недавно приехал, да еще и не являешься русским. Принадлежность к «пермякам» – уже достижение. Но со своей «пермскостью» ты должен распрощаться, если собираешься строить свою карьеру, получать образование, расширять коммуникации на других пространствах. Не случайно меньше всего «пермяков» встречается среди самых бедных и самых богатых жителей города, среди людей с наименьшим и наибольшим уровнем образования, среди перебивающихся случайными заработками и предпринимателей.

В-третьих, пермская городская идентичность для подавляющего большинства жителей строится на жестких эссенциалистских основаниях. Несмотря на наличие разных стратегий определения идентичности, проистекающих из групповых и личных интересов, для подавляющего числа опрошенных быть пермяком означает родиться в Перми (на худой конец – в Пермском крае), жить здесь достаточно долгое время, освоить некоторые навыки «пермского поведения» и выработать «пермский характер». Есть ли в Перми люди, готовые отказаться от такого жестко заданного сценария, кто готов строить свою пермскую идентичность как индивидуальный сценарий из разных кирпичиков пермских стилей? Думается, да, хотя аргументация такого ответа пока скорее умозрительна, нежели эмпирична. В конце концов, есть те, кто вообще затруднился в ответ на вопрос «Что значит лично для Вас быть пермяком?» выбрать «жесткие» определения. Да и тех, кто выбрал, не всегда можно однозначно записывать в «эссенциалисты».

Вспоминается недавний случай диспута в рамках круглого стола на одной из студенческих конференций. Речь шла о пермских символах, и

отстаивались разные позиции относительно того, что считать истинными пермскими символами: советские, дореволюционные или современные. Аудитория разделилась на три лагеря, спор стал жарким. Но после того, как была предложена четвертая позиция «пусть будут все», подавляющее большинство согласилось именно с ней. Думается, что в повседневной жизни происходит нечто подобное. Да, есть твердые убеждения относительно содержания «пермскости», и большинство жителей их придерживается. Но какая-то часть готова в той или иной ситуации расширить свои представления и включить в свой собственный конструктор идентичности те или иные новые детали.

В-четвертых, исследования показали, что содержание «пермскости», распадающееся, как и все стили, на внешние и внутренние элементы, по-разному воспринимается разными группами жителей. Внешние проявления стиля легче воспринимаются людьми, чья идентичность не закреплена формальными признаками, кто еще не до конца уверен в своей принадлежности к «пермякам», а также теми, кто «перерос» пермскую идентичность. Внутренние стилевые признаки, так называемый «характер», чаще фиксируются жителями с устоявшейся идентичностью, принадлежащими к средним слоям населения. Единственный безусловный «бренд» территории – это пермский говор, особенности пермской речи, да и то непонятно, преимущество ли это в глазах большинства жителей города или недостаток.

Так что общего, целостного образа «пермяка» не получается. Даже среди тех, кто готов рассуждать о пермском характере, нет устоявшегося мнения относительно его содержания. Некоторые наши собеседники сходятся на том, что пермяки, по сравнению с жителями других городов и регионов, люди гордые, с чувством собственного достоинства, дружелюбные, гостеприимные. Другие наряду с этим утверждают, что пермяки, увы, не очень активны и не очень культурны в повседневном смысле этого слова. Однако более половины вообще никаких отличий не видят. Они не задумываются над такими особенностями, либо будучи погруженными в однородную культурную среду, либо концентрируясь на более насущных проблемах. Другой важный симптом – в образах «пермского характера» есть не только положительные, но и негативные черты. Так что с самопониманием и самоописанием пермяков все не так уж и гладко, и одними лозунгами и торжественными гимнами этого в одночасье не исправить.

Но это еще не окончательный приговор. Черты поведения, характера, особенности пространственного поведения или взаимоотношений между людьми необязательно должны быть артикулированы и закреплены в массовом сознании в виде готовых формул, чтобы выступать в качестве маркеров групповой идентичности. Чтобы выявить такие неотрефлексированные черты, понадобится другой инструментарий, другой подход. И уже только

после этого мы сможем говорить о тех «кубиках» идентичностей, из которых и может быть сконструирован стиль под названием «Пермь».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. статья С. Баньковской. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. 432 с.
3. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. 47–62 с.
4. The Invention of Tradition. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 1983.

ГЛАВА 4.

ОБРАЗ ПЕРМЯКА

В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПЕРМЯКА

О. В. Лысенко

Проблемы конструирования образа

Меньше всего хотелось бы уподобиться тем многочисленным авторам (не будем все упоминать их имена), которые любят рассуждать о «характере» народа или сообщества как о некотором заданном «ментальном» образе, постигаемом очередным гением и обязательном для исполнения. Слишком часто такого рода рассуждения становятся спекуляцией «читателей в среде иного класса». Поэтому оговоримся сразу: мы остаемся верными избранному нами принципу конструктивизма, согласно которому «все сообщества, крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), – воображаемые» [1, с. 31]. Это означает, что нет и не может быть единого, универсального, разделяемого всеми образа этого сообщества, ибо, как говорил Б. Андерсон применительно к сообществам национальным, «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности». Аналогично дело обстоит и с городскими сообществами: все, кто считает себя пермяками, тем самым утверждают свое единство с другими пермяками. Но вряд ли они сойдутся во мнении, кто есть этот «типичный пермяк», как он выглядит, что он ест и как он поступает. И, тем не менее, все они участвуют – кто сознательно, а кто неосознанно – в формировании этого «воображаемого» пермяка.

Другая важная оговорка касается социологического приема, с помощью которого образ пермяка можно реконструировать. Пожалуй, любое локальное или территориальное сообщество на протяжении своего существования создает тексты, содержащие попытки определить себя через те или иные черты, найти тот самый «характер», который должен все «объяснить». Взять ту же Пермь. На протяжении двух веков о ней писали местные жители, особенно когда уезжали в столицы или за границу, проезжавшие путешественники, местные краеведы. Изданный в 1988 году сборник «В Парме» дает большую подборку подобных высказываний и наблюдений о Перми, пермской земле и ее людях [3]. Не пресекается эта традиция и по сей день, о чем мы пишем в третьей части этой книги.

Но большой вопрос, стоит ли все эти тексты рассматривать как источники, свидетельствующие о содержании пермской идентичности. Скорее,

перед нами мифы, созданные мифотворцами «пермскости», а если пользоваться языком теории стиля – доктрины, объясняющие и обосновывающие пермскую идентичность. В слова «миф» и «мифотворцы» мы не вкладываем никакого негативного смысла. В современной гуманитарной литературе «миф» и «вымысел» давно не синонимы (см., например, работы Р. Барта, А. Ф. Лосева, Ф. Х. Кессиди). Под мифотворцами мы понимаем тех деятелей культуры, которые активно участвуют в формировании тех или иных образов «пермскости» в СМИ, в литературе, кинематографе и т.д. и т.п., активно обогащают историческую память пермяков. Многие из них делают это талантливо и красиво. Но нам здесь интереснее понять, насколько эти мифы соотносятся с образом «пермяка», сложившимся в массовом сознании, и исчерпывается ли этот образ такими мифами.

А то боится еще так, что мифы невзначай проникают под личиной «научных истин» в социологические опросы. И в этом случае социолог берет их за исходную гипотезу и загоняет в виде вариантов ответа на вопрос, тем самым неосознанно влияя на ответы респондентов. А каков вопрос, таков и ответ. Каемся, сами едва не попали в такую ловушку (см. конец предыдущей главы). Проблема эта давно известна в социологии [8, с. 262–271]. Чтобы ее избежать и попытаться максимально точно, без влияния выяснить содержание самоописательного образа «пермяка», мы прибегли к технике открытого вопроса, то есть – вообще без подсказок. На наш взгляд, она корректнее.

Уже упомянутый Б. Андерсон, критикуя некоторых своих коллег за чрезмерный пафос разоблачения «выдуманных сообществ», утверждает, что «сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» [1, с. 31]. Вот и попробуем восстановить этот самый стиль, опираясь, в первую очередь, не на тексты пермских мифотворцев, сколь бы значимыми и увлекательными они ни были, а на представления самих пермяков. И сделаем мы это с трех разных позиций: самописание пермяков, сопоставление образа пермяков с образом столичных жителей, сопоставление образа пермяков с образом жителей других городов.

«Пермяк обыкновенный»: между похвалой и осуждением

В рамках проведенного исследования «Пермь как стиль» всем опрошенным было предложено ответить на вопрос: «Какие качества, на ваш взгляд, свойственны пермякам?» Подсказок при этом не давалось: каждый мог на свой вкус назвать не более пяти качеств, без каких бы то ни было дополнительных вводных. Всего подобные ответы записаны у 77% опрошенных. Анализ этих ответов мы начнем с вещей абстрактных, но весьма

красноречивых, а именно – с вопроса, какие оценочные коннотации (положительные или отрицательные) преобладают в самоописании пермского жителя.

На рисунке 4.1 представлено распределение этих качеств по условной шкале «положительные–нейтральные–негативные». Там же приведены и наиболее типичные примеры таких качеств. В категорию нейтральных мы занесли те качества, которые не поддаются однозначной оценочной трактовке. Всего при интервьюировании было записано 1601 качество. Конечно, оценивая те или иные качества как положительные или негативные, мы рискуем вызвать упрек в субъективности. Но делать нечего, такова цена любого анализа.

Рисунок 4.1. Коннотации качеств пермяков, в процентах

Как видно из рисунка, общий фон высказываний положительный – большинство качеств, упомянутых при описании пермяков, вполне доброжелательно. Это говорит об общем положительном тоне пермской городской идентичности и пермского стиля, по крайней мере, в массовом сознании. Тем не менее, четвертая часть всех качеств имеет негативные

коннотации, что лишний раз подтверждает уже высказанную выше мысль о противоречивости образа пермяка.

Это можно проверить и другим образом: сколько человек из опрошенных предпочитают характеризовать пермяков только негативно, сколько позитивно и сколько людей выдают смешанные характеристики.

Рисунок 4.2. Соотношение негативных/позитивных/нейтральных характеристик пермяков, в процентах

Такой расклад еще лучше показывает сложившуюся поляризацию мнений. Более половины опрошенных предпочитают описывать пермяков (и себя в том числе) только через положительные качества. Этот тон преобладает в сознании жителей Перми. И только пятая часть опрошенных называет исключительно негативные качества. Что характерно, сочетания положительных, негативных и нейтральных качеств встречаются гораздо реже – у 16% опрошенных.

Самое простое объяснение этому – «всяк кулик свое болото хвалит». Но проблема, стоящая за этими цифрами, гораздо сложнее и тоньше. Во-

первых, изначально такое положительное самоописание было неочевидным: если посмотреть большинство пермских блогов, пермских СМИ, пермской литературы последних десятилетий, если весь этот контент принять за чистую монету, то нужно было ожидать совсем другого образа: мрачного, самоуничижительного, мазохистского. Но, слава Богу, пермяки в большинстве своем нормальные люди, без всяких «кризисов идентичностей» и комплексов неполноценности. Так что, хотя такое качество, как «чувство собственного достоинства», и не звучит в рамках открытого вопроса так же часто, как оно выбиралось в рамках закрытого (см. предыдущую главу), по факту у жителей города оно есть. **Пермское сообщество (в принципе) – сообщество здоровое.** И даже негативных замечаний присутствует в самый раз: столько, сколько нужно для здоровой критичности.

Во-вторых, хотя большинство качеств, продиктованных нашими собеседниками, носит положительную окраску, они отнюдь не единообразны, а потому поддаются дальнейшей интерпретации. Чем мы дальше и займемся.

Для того чтобы получить какую-то логически согласованную картину образа «пермяка», необходимо классифицировать все указанные качества. На первом уровне анализа все качества были сгруппированы по смыслу. Всего таких групп набралось 29; каждая из них содержит разное количество качеств, близких по семантическому значению. Вдобавок к ним пришлось выделить 4 группы качеств по остаточному принципу, объединив разные, редко встречаемые качества (не чаще 1–3 раз) в категории «иные положительные», «иные отрицательные» и «иные нейтральные», а также создав отдельную группу, включающую указание на отсутствие у пермяков специфических качеств в категорию «нет особенностей».

На втором уровне анализа мы разделили все группы качеств на блоки, объединенные сферой деятельности. Мы получили:

- **коммуникативный блок**, куда вошли качества, имеющие отношение к сфере межличностного и межгруппового общения;
- **деловой блок**, объединивший качества, так или иначе относящиеся к сфере работы, профессии, бизнеса;
- **блок с условным названием «качества культуры поведения»**, включающий качества, описывающие ценности и нормы повседневной культуры в самом обыденном значении;
- **блок «динамические качества»**, содержащий качества, характеризующие темп жизни, скорость реакций, экспрессивность «пермяков»;
- **блок «иные качества»;**
- **блок «нейтральные качества».**

Далее, на третьем этапе, мы разделили все группы качеств внутри каждого блока (за исключением последнего) на положительные и негативные. Кроме того, в рамках таблицы мы постарались расположить группы про-

тивопоставленных качеств напротив друг друга, насколько это было возможно. Для наглядности.

Полученный результат отражен в таблице 4.1.

Таблица 4.1.

Пермская матрица самоописания (% от числа ответивших, сумма > 100 %, так как респонденты могли указать несколько качеств)

Блок «Коммуникативные качества»			
Группы положительных качеств:	%	Группы негативных качеств:	%
Добрые, доброжелательные	20,9	Злые, агрессивные	3,3
Дружелюбные, открытые	14	Скрытные, замкнутые, мрачные	5,8
Отзывчивые	7,5	Безразличные, равнодушные	5
Гостеприимные	6,8		
Общительные, коммуникабельные	3,4	Суровые	0,8
Веселые, жизнерадостные	3,3	Вспыльчивые, нервные	0,8
Дружные	2,4		
Итого:	58,3	Итого:	15,7
Блок «Деловые качества»			
Группы положительных качеств:	%	Группы негативных качеств:	%
Трудолюбивые	18,1	Ленивые, нетрудолюбивые	3,8
Ответственные, деловые, серьезные	5,8		
Умные	0,5	Глупые, тупые, тугодумы	0,5
Честные, прямые, искренние	4,1	Хитрые, воры	0,6
		Упрямые, упертые	1,7
Настойчивые, упорные	2,8	Пассивные, нерешительные	1,7
Итого:	30,8	Итого:	7,7
Блок «Качества культуры поведения»			
Группы положительных качеств:	%	Группы негативных качеств:	%
Культурные, вежливые	3,8	Некультурные, грубые, беспардонные	10,1
		Пьющие	2,5
Итого:	5,5	Итого:	12,6
Блок «Динамические качества»			
Группа высоких динамических качеств	%	Группы низких динамических качеств	%
Активные, подвижные	3,8	Апатичные, заторможенные, сдержанные	4,9
		Спокойные, мирные	5,0

Итого:	3,8	Итого:	9,9
Блок «Иные качества»			
Группы положительных качеств:	%	Группы негативных качеств:	%
Сильные, мужественные	2,1	Мягкие, нерешительные	2,1
Любящие город, родину	1,7		
Чувство собственного достоинства, гордость	0,6		
Иное положительное	17,3	Иное негативное	9,8
Итого:	21,7	Итого:	10,2
Блок «Нейтральные качества»			
Простые, доверчивые, наивные			8,8
Особенности говора			2,6
Иное нейтральное			9,8
Нет особенностей			2,5

Самыми большими оказались блоки качеств, посвященных коммуникации (указали 74% опрошенных) и деловой сфере (38,5% опрошенных). Респондентов, указавших на качества повседневной культуры, равно как и на динамические качества, оказалось меньше, но тоже достаточно много – 18,1% и 13,7%. Кроме того, выделяется по численности группа «Простые, наивные, доверчивые» – 8,8%.

Очевидно, **это говорит о том, что жители Перми склонны замечать особенности «пермяка» в сферах общения, работы, на улице, в скорости реакций, в доверчивости.** Напомним, что это был открытый вопрос и ответы можно было давать самые разнообразные. Сам факт того, что подавляющее большинство пермских жителей предпочли использовать качества именно этих типов, говорит о том, что пермское «мы» переживается как пространственно-временное, личностно окрашенное, взаимодействующее преимущественно по горизонтали сообщество. Это условное «братство», которое до некоторой степени отменяет внутреннюю социальную иерархию, уравнивая бедных и богатых (ни одного упоминания!), начальников и подчиненных (всего одна-две ссылки на карьеризм!), умных и дураков (всего 0,5% упоминаний!).

Проведенная классификация позволяет выделить сферы, в которых жители Перми склонны оценивать себя позитивно, и сферы, где преобладает негативная идентификация¹. Так, «пермяк» силен прежде всего во взаимоотношениях: он добр, дружелюбен, открыт, отзывчив и гостеприимен. Эти группы качеств упоминаемы наиболее часто. Именно в ком-

¹ Термин «негативная идентификация» мы используем здесь в том значении, которое в него вложил Э. Эриксон, то есть как негативную самооценку [Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996, с. 34].

муникативном блоке перевес положительных качеств над негативными наиболее заметен – 58,3% против 15,7%, перевес почти в 4 раза. Картину здесь портят только противоречия по поводу открытости и отзывчивости: соотношение между утверждающими и оспаривающими именно эти качества здесь заметно меньше – 14% против 5,8% (соотношение 2,4/1), и 7,5% против 5% (соотношение 1,5/1). Закрытость при этом приобретает конкретные черты: три раза наши собеседники видели в пермяках «что-то кержацкое». Зато доброта почти не оспаривается («против» только 3,3%, а «за» – почти 21%). Что ж, быть хорошим человеком, как будет показано ниже, для пермяков даже важнее, чем быть богатым или знаменитым (см. главу 10).

Не меньший перевес положительные качества получают и в деловой сфере – 30,8% против 7,7% (соотношение 4/1). Прежде всего, пермяки считают себя очень трудолюбивыми (18,1%, оспаривают это всего 3,8%, 4,8/1). Тут важны и такие качества, как «ответственные, деловые, серьезные» (5,8%, «против» нет), «честные, прямые, искренние» (4,1%, «против» – 0,6%). Зато настойчивость и ум оцениваются куда скромнее – всего 2,8% и 0,5% соответственно. При этом положительная оценка упорства часто переходит в негативное упрямство (1,7%) либо вообще оспаривается (пассивность, нерешительность – 1,7%), а качество «ум» полностью дезавуируется оценкой «глупые, тупые» – 0,5%. В общем, не считают себя пермяки ни упорными, ни умными...

А вот по поводу культуры поведения и активности преобладают мнения отрицательные. Сколько ни вешали плакатов, призывающих не мусорить и не совершать иных некультурных действий, убедить пермяков в своей культурности не удалось. 10,1% всех ответивших на этот вопрос считают отличительной чертой пермяков грубость, мат, хамство и беспардонность. Если к этому добавить еще и мнение 2,5% опрошенных о пермском пьянстве, то мы получим аж 12,6% негативных оценок. За высокую культуру и вежливость выступают всего 5,5% респондентов.

Не лучше обстоит дело и с динамическими свойствами пермяков. Лишь 3,8% всех ответивших считают активность и подвижность характерным пермским качеством, а им противостоят 9,9% тех, кто в пермяках видит сдержанность, спокойствие, терпеливость.

Так что обобщенный «пермяк», реконструируемый из данных опроса, есть человек добрый, открытый, трудолюбивый, хотя и слегка пассивный, но не без грубости и замкнутости. Неплохой, в целом, образ.

Еще интереснее проследить, как различные качества локализируются в социальном пространстве, выяснить, кто и какие качества пермяков называет наиболее часто.

Все группы качеств можно разбить на три категории: качества, которые в большей степени разделяются «первостатейными пермяками», нежели теми, кто себя пермяком не считает; качества, одинаково признаваемые и «пермяками», и «не пермяками»; качества, чаще называемые жителями Перми, себя к «пермякам» не относящими. Почти все приведенные в таблице качества набрали больше 3,5%, то есть вышли за пределы статистической погрешности.

Таблица 4.2.

Сопряженность качеств «пермяка» с пермской идентичностью.

Какие качества, на ваш взгляд, свойственны пермякам?	Считаете ли вы себя пермяком?				Всего
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	
Качества, чаще указываемые «пермяками»:					
1. Дружелюбные, открытые	16	11	9	4	14
2. Добрые, доброжелательные	21	24	17	21	21
3. Трудолюбивые	20	13	17	8	18
4. Гостеприимные	8	4	7	0	7
5. Ответственные, деловые, серьезные	5	11	9	0	6
6. Терпеливые, мирные	5	5	0	4	5
7. Честные, прямые, искренние	5	3	0	0	4
8. Активные, подвижные	4	5	0	4	4
9. Культурные, вежливые	4	2	2	0	4
10. Иное позитивное	18	15	15	13	17
Качества, указываемые «пермяками» и «не пермяками» с одинаковой частотой:					
1. Ленивые, нетрудолюбивые	4	3	4	0	4
2. Отзывчивые	8	5	9	8	8
3. Спокойные, сдержанные	4	8	2	4	5
4. Простые, доверчивые, наивные	10	8	7	4	9
Качества, чаще указываемые «не пермяками»:					
1. Некультурные, грубые, беспардонность, хамство	10	10	13	13	10
2. Пьющие	2	2	7	4	3
3. Скрытные, замкнутые, мрачные, хмурые	6	8	2	13	6
4. Безразличные, равнодушные	5	7	4	8	5
5. Злые, агрессивные	3	2	4	8	3
6. Иное нейтральное	10	9	13	8	10
7. Иное негативное	8	12	17	21	10
8. Нет особенностей	2	2	4	4	3

Что бросается в глаза: «пермяки» думают о себе лучше, чем «не пермяки». Почти все значимые положительные качества, такие как «доброта», «дружелюбие», «открытость», «трудолюбие» и «гостеприимность», чаще отмечаются «пермяками», нежели людьми, не обладающими пермской идентичностью.

Зато почти все негативные качества, типа «некультурные», «скрытые», «безразличные», «пьющие» и проч., гораздо чаще воспроизводятся «не пермяками».

Мнения обеих групп респондентов сошлись только в 4 качествах: «простые, доверчивые, наивные», «отзывчивые», «спокойные, сдержанные» и «ленивые». Два из них – нейтральные, одно – положительное и одно – негативное.

Возникают две мысли. Первая: «пермяки» (то есть не просто жители Перми, а люди, себя пермяками считающие) на самом деле о себе еще более высокого мнения, чем это могло показаться с самого начала. Вторая: стороннему наблюдателю (а среди «не пермяков» много недавно переехавших жить в город и родившихся вне Перми) пермяки не кажутся такими уж «хорошими». Можно, конечно, на них за это обидеться, но тут впору вспомнить пословицу «Нечего на зеркало пенять...».

Можно выделить и другие факторы, влияющие на упоминаемость респондентами тех или иных качеств. Так, женщины в целом чаще называют положительные качества «пермяков», особенно доброту, открытость, гостеприимство. Мужчины, напротив, более критичны, особенно по поводу пермской наивности и равнодушия. Единственное негативное качество, чаще отмечаемое женщинами, – бескультурье.

Возраст респондентов тоже влияет на их оценки. Люди старше 60 лет более лояльны к «пермякам», чаще упоминая хорошие коммуникативные качества. У молодежи, напротив, чаще встречаются упоминания хмурости, мрачности, агрессивности «пермяков».

Наконец, люди с низкими социальными позициями (неполное среднее образование, низкий доход, отнесение себя к низшему слою, безработные или перебивающиеся временными заработками) более критичны, в то время как представители средних и высших слоев достаточно высоко оценивают «пермяков» почти по всем позициям. Что, кстати, свидетельствует о том, что «печоринство» успешных жителей города есть больше игра, нежели устойчивое убеждение. Иногда оно уступает место локальному патриотизму.

Все это лишний раз подтверждает, что «пермскость» в представлении большинства опрошенных есть качество эссенциалистское, приписанное, но при этом еще и достигаемое, проблематичное.

Образы «другого»: «пермяк» между столицами и деревней

Л. Гудков, известный российский социолог, руководитель аналитического института «Левада-Центр», в своей книге «Негативная идентичность» утверждает, что особенностью российского способа идентификации является «негативная проекция на «чужих» тех ценностей, которые не признаются за представителями собственной этносоциальной группы», иначе говоря – определение себя через образ «другого» [4, с. 182]. Мысль интересная, хотя и не бесспорная. Как замечает Елена Заяц в рецензии на эту же книгу, «может оказаться так, что фигура другого («чужого», «врага») определяет понятие идентичности вообще (не только российской, но и западной) и формирование никакой национальной идентичности вне этой фигуры просто невозможно» [5]. Соглашаясь с ней, мы, тем не менее, не хотели бы отказываться от приема сопоставления образа «пермяка» с образами других локальных сообществ хотя бы в силу того, что такие сопоставления делаются самими жителями сплошь и рядом. Этот анализ необходим нам для выявления очертаний того социального пространства страны, в которое погружено любое локальное сообщество.

И вновь оговоримся, чтобы не быть понятыми превратно: образы «москвичей», «петербуржцев», жителей Екатеринбурга и иных городов, анализируемых в этой главе, являются исключительно конструкциями представлений опрошенных нами респондентов, причем пермских, и не могут быть интерпретированы как реальные черты «характера» этих локальных сообществ. Скорее, ответы наших респондентов говорят о них самих. Чтобы хотя бы частично избежать влияния медийных мифов на образы других городских сообществ, мы анализировали ответы только тех опрошенных, кто часто посещал эти города. Таковых оказалось немало. Пермьяки сохраняют достаточно тесные связи со многими городами и регионами России и Пермского края. Только 4,8% респондентов заявили, что они нигде не были.

Однако проводить анализ по каждому городу слишком громоздко и непродуктивно. Поэтому для анализа мы выбрали наиболее часто называемые позиции: две столицы (Москва и Санкт-Петербург), Екатеринбург, крупные города Приволжского федерального округа (включая Казань, Уфу, Киров, Ижевск, Самару, Нижний Новгород, Саратов, Ульяновск и др.) и города Пермского края. Представляется, что этих точек будет достаточно, чтобы построить своеобразную ментальную карту, хотя и без визуализации в прямом смысле этого слова. А поскольку мы выстраиваем образы идентичностей, то в анализе целесообразно сопоставить образы жителей разных городов с образом самих «пермяков».

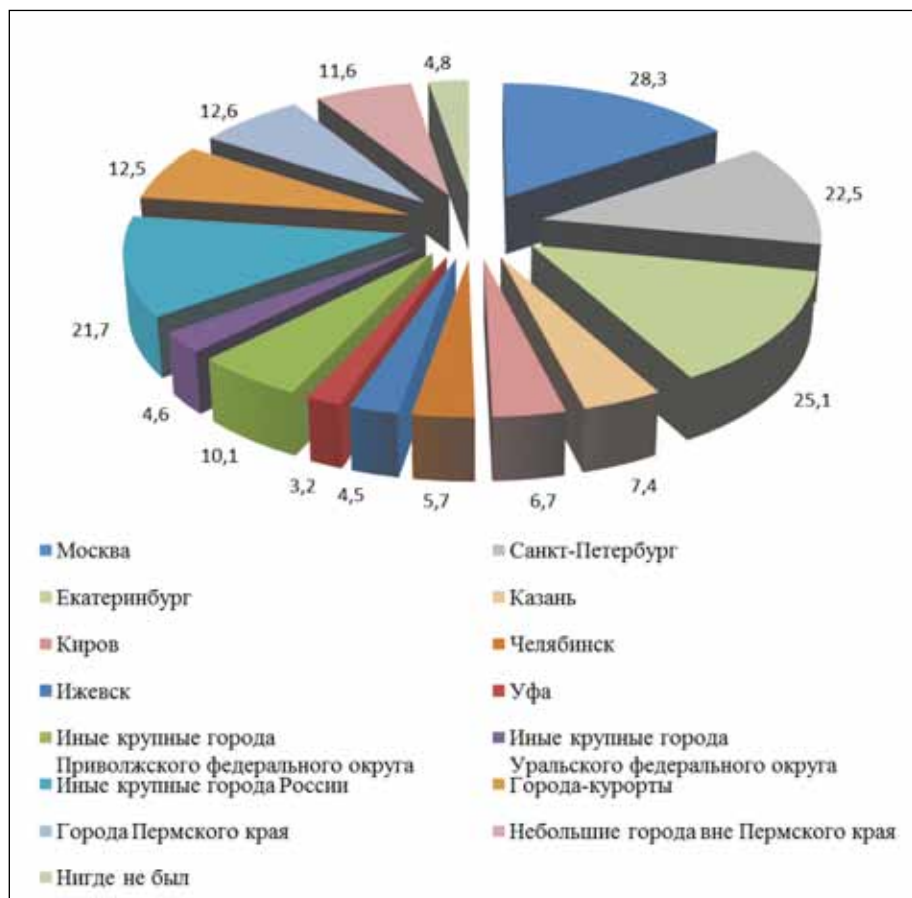

Рисунок 4.3. В каких городах (регионах) России вы часто бывали (жили, посещали во время командировок, ездили туда к родственникам)? в процентах

Для начала проведем простой подсчет пропорций положительных, нейтральных и негативных качеств, которые наши респонденты увидели у жителей других городов. Здесь значимы три вывода:

1. Хуже «пермяков» только «москвичи». Только у жителей столицы негативные качества намного превосходят положительные. В образах жителей всех других городов положительные качества преобладают.

2. Несомненным моральным авторитетом для «пермяков» являются «петербуржцы» (жители Санкт-Петербурга), в образе которых негативных качеств почти нет, а положительные на 20 процентных пунктов опережа-

ют число положительных «пермских качеств». Далее идет Екатеринбург и другие города.

3. На фоне образов жителей других городов самописание «пермяков» выглядит существенно хуже. Даже у жителей городов Пермского края, к которым естественно было бы ожидать некоторого высокомерия, негативных качеств нашлось существенно меньше (13% против 21% негативных качеств у пермяков).

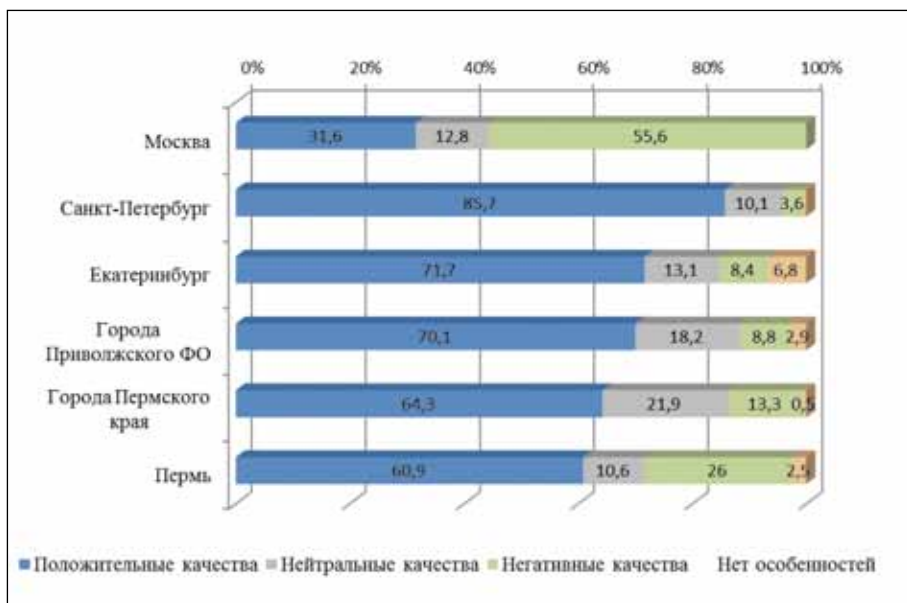

Рисунок 4.4. Коннотации качеств жителей различных городов

Получается, что оптимистичный вывод первой части этой главы относительно здорового самоощущения «пермяков» следует несколько разбавить: где-то глубоко внутри некоторую свою ущербность «пермяки» все-таки чувствуют. Можно, конечно, списать это на ряд обстоятельств. Многие из тех, кто отвечал на этот вопрос, оценивают города, в которых они родись и выросли, где у них есть родственники, друзья, коллеги, — отсюда и перенос хороших впечатлений на всех жителей в целом. Но эти объяснения вывод не перечеркивают, факт остается фактом: с точки зрения самих жителей, Пермь на ментальной карте страны — не самое лучшее место.

Перейдем теперь к содержательному анализу образов горожан и начнем со столиц. Москва в сознании «пермяков» является антиподом Перми,

причем по большинству качеств. Столицу нашей страны всегда двусмысленно оценивали в провинции, но сегодня можно сказать, что ее просто боятся. «Высокомерные» (20,3%), «беспардонные» (15,7%), «жадные» (8,7%) и «недружелюбные» (8,1%) «москвичи» даже в своих лучших качествах представляют опасность за счет своей «активности» (18%). Эта «активность и энергичность» – единственное из положительных качеств, которое респонденты указывают существенно чаще, чем в самоописании (там – всего 3,8%). Предмет мечтаний и зависти, раздражения и страхов («придут москвичи и китайцы, и все захватят» – так выражали пермские предприниматели одну из самых своих распространенных фобий в 2008 году, давая интервью в рамках социологического исследования [2, с. 22]), Москва предстает здесь зловещим воплощением МЕГАПОЛИСА вообще, символом слепых сил глобализации, средоточием хищных сил, которые за тобой следят, тебя оценивают, презирают и при этом покушаются на тебя и твое имущество. **Самая подходящая метафора в адрес Москвы – «делец», даже «деляга», «коммерс»².** Даже деловые качества и трудолюбие, воплощение индустриальных добродетелей, даже «культура», атрибут столичности, отрицаются за «москвичами». В таком отношении к «москвичам», пожалуй, ярче всего проявляется пермская недоурбанизированность и провинциализм, страх перед новыми реалиями жизни и желание отгородиться от современности.

Иное дело – Санкт-Петербург. Главным достоинством его жителей является, несомненно, культура (об этом сказали 45,5% всех упомянувших о нем). У «петербуржцев», несомненно, выше, чем у «пермяков», проявляются такие качества, как дружелюбие (20%), гостеприимство (13,9%), отзывчивость (10,3%). Вообще можно подумать, что именно этот город воспринимается жителями Перми как настоящая столица, дружелюбная ко всем россиянам, воплощающая в себе лучшие черты «имперской старины»: интеллигентность, праздность (всего 3,6% отмечают в «петербуржцах» трудолюбие), степенность (всего 1,2% опрошенных отметили активность и энергичность), творческое начало (это качество вообще применяется только к петербуржцам и свердловчанам). Даже в названиях Санкт-Петербурга респонденты умудрились выразить свое особое отношение: примерно половина назвавших этот город окрестили его «Питер», а еще треть – «Ленинград». Объяснений такому отношению можно дать много. Прежде всего, на наш взгляд, это связано с закрепленными в исторической памяти связями между Пермью и Северной столицей: основатель Перми В. Татищев, «птенец гнезда Петрова»; в годы Великой Отече-

---

² «Коммерс» – достаточно распространенное сленговое словечко, особенно в малых городах края. Имеет ярко выраженную негативную коннотацию.

ственной в Пермь эвакуируются завод им. Кирова, театр оперы и балета и хореографическое училище; все действует до сих пор. И до сих пор связывается с Санкт-Петербургом.

Таблица 4.3.

Сопоставление качеств «пермяков» и качеств жителей других городов.

Какие качества, на ваш взгляд, свойственны жителям этих городов?	Город, от числа ответивших % по столбцу					
	1. Москва	2. Санкт-Петербург	3. Екатеринбург	8. Города Приволжского ФО	9. Города Пермского края	10. Пермь
1. Дружелюбные, открытые	0,6	20	14	17,2	14,4	14
2. Добрые, доброжелательные	1,2	21,8	15,4	24,8	30,8	20,9
3. Трудолюбивые	1,7	3,6	16,8	7,6	11,5	18,1
4. Гостеприимные	2,3	13,9	10,5	18,5	13,5	6,8
5. Отзывчивые	1,2	10,3	5,6	5,7	10,6	7,5
6. Культурные, вежливые	2,3	45,5	5,6	5,7	5,8	3,8
7. Ответственные, деловые, серьезные	4,7	1,8	3,5	3,2	1	5,8
11. Любящие город, родину	1,2	4,2	0,7	0,6	1	1,7
13. Активные, энергичные, подвижные	18	1,2	5,6	0,6	1	3,8
14. Спокойные, сдержанные		3,6	1,4	10,2	7,7	4,9
19. Простые, доверчивые, наивные		3,6	6,3	6,4	11,5	8,8
22. Скрытные, замкнутые, мрачные	1,7		0,7	1,9	1	5,8
23. Некультурные, грубые, беспардонные, хамство	15,7	1,2	2,1		2,9	10,1

Какие качества, на ваш взгляд, свойственны жителям этих городов?	Город, от числа ответивших % по столбцу					
	1. Москва	2. Санкт-Петербург	3. Екатеринбург	8. Города При-волжского ФО	9. Города Пермского края	10. Пермь
24. Пьющие				0,6	5,8	2,5
25. Безразличные, равнодушные	5,2	1,2	1,4	0,6		5
27. Злые, агрессивные, жестокие	7		0,7	1,3	1,9	3,3
28. Жадные, скупые	8,7			1,3		1,2
29. Высокомерные, склонные к зазнайству, самовлюбленные	20,3	1,8	2,1			
31. Недружелюбные	8,1	1,2		0,6	1	
34. Иное, нейтральное	19,2	12,1	11,9	10,9	18,2	12,4
35. Иное, позитивное	19,1	32,6	39,9	34,2	27,8	40,4
36. Иное, негативное	20,4	1,8	6,3	8,3	10,6	11,5
37. Нет особенностей		1,2	11,2	5,1	1	2,5

Екатеринбург – несомненное alter ego Перми. О противостоянии этих городов, возникшем еще в XIX веке, написано много и подробно [6, с. 314-315]. Столь же нескончаемы рассуждения о «разнице менталитетов». Обычно эти разговоры сводятся к тому, что за Екатеринбургом признается большая «столичность», «деловая хватка», в то время как Пермь воспринимается в большей степени провинцией [7]. По обилию публикаций создается впечатление, что «пермяки» и «екатеринбуржцы» должны быть, как минимум, людьми с разных планет. Однако данные нашего опроса если что-то и подтверждают, то это наличие тесной связи между городами. По частоте посещений Екатеринбург опережает даже Питер. **Содержание образа «екатеринбуржцев» и «пермяков» практически одинаково**, колебания между качествами, как правило, не превышают пределы погрешности. Да, общее число положительных качеств жителей Екатеринбурга выше, а нега-

тивных – ниже. Да, чувствуется некоторая общая «ущербность» самоописания «пермяков» на фоне образа соседей по Уралу. Но все же жители Перми чувствуют себя гораздо ближе к Екатеринбургу, чем к другим городам России, а разница между образами проявляется скорее в количественном, нежели в качественном аспекте. Например, оценка трудолюбия екатеринбуржцев – 16,8% (у «пермяков» – 18%, у жителей других городов – всего 7,6%), оценка гостеприимства – 10,5% (у «пермяков» – 6,8%, у жителей других городов – 18,5%). Единственная группа качеств, заметно уступающая им, – «некультурность», 10% «пермяков» называют эти качества применительно к себе и только 2,1% – применительно к жителям Екатеринбурга (упоминание этого качества в адрес других городов вообще отсутствует).

Последнее, что стоит отметить, – сравнение качеств «пермяков» и жителей Пермского края. До сих пор эта тема возникала нечасто. Пришло время ее немного развить.

Что характерно, отношение со стороны «пермяков» к своим соседям по региону неоднозначно. С одной стороны, судя по отношению негативных и положительных качеств (таблица 4.3), это отношение нельзя назвать плохим. С другой стороны, **в нем явно прочитывается комплекс «горожанина»**. Так, в описании жителей Пермского края чаще, чем в описании «пермяков», упоминаются такие качества, как «доброта», «гостеприимство», «простота, доверчивость и наивность», «отзывчивость», то есть типично «деревенское» сочетание добродетелей. Наряду с этим, «пермяки» склонны недооценивать трудолюбие жителей Пермского края, их динамичность, ответственность и деловитость – качества «городские». И уж тем более «свысока» звучат более частые упреки в том, что жители пермской глубинки «чаще пьют».

При этом нельзя сказать, что «пермяки» относятся к своим соседям по региону плохо, скорее – свысока. Надо сказать, что жители края это чувствуют и в ответ тоже повышают градус критичности. Напомним, что среди «не пермяков» много приехавших именно из городов Пермского края. Судя по их ответам, проанализированным в первой половине этой главы, «пермяки» в глазах выходцев из края выглядят примерно так же, как «москвичи» в глазах «пермяков».

Что особенно интересно, отношение к жителям городов Поволжья (а здесь наиболее часто отмечаются Казань, Киров и Ижевск) примерно такое же, как к жителям из городов края.

Все эти выводы подсказывают нам, что в основу ментальной карты образов горожан России, каковой она может быть в сознании пермяков, ложатся два критерия: уровень урбанизированности и уровень позитивности. Оба критерия, разумеется, условные и сложносоставные. Под урбанизированностью мы понимаем наличие современных качеств индустриальной эпохи, в первую очередь – активность, энергичность, деловитость,

трудолюбие. Под позитивностью мы понимаем наличие коммуникативных качеств: доброжелательность, отзывчивость, гостеприимство и т.д. Если расположить хотя бы только рассматриваемые нами города в сконструированном таким образом пространстве, мы получим интересную схему.

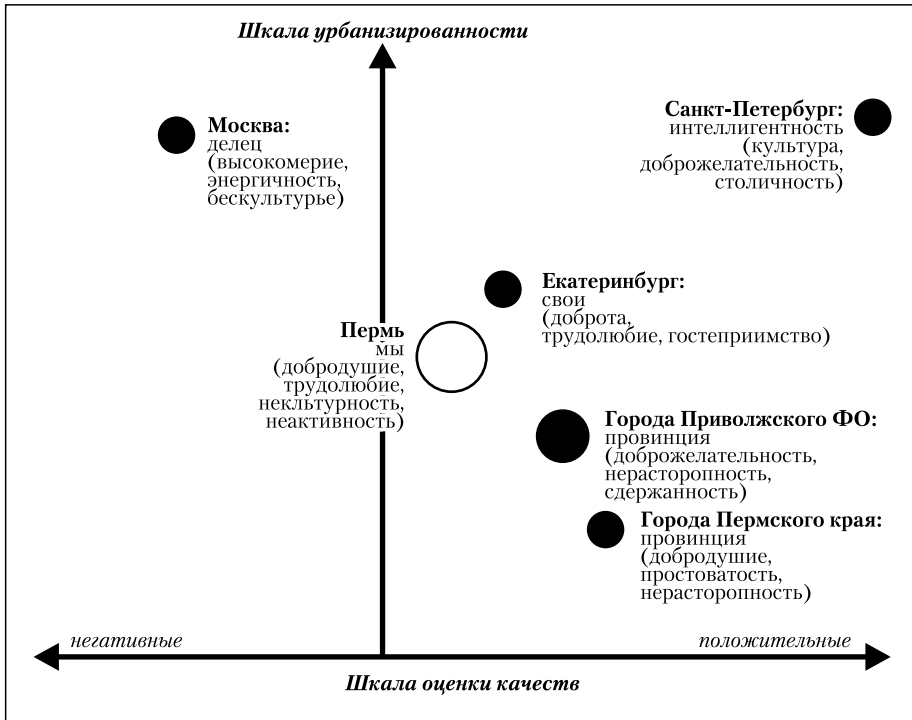

Схема 4.1. Образы жителей других городов России в сознании «пермяка»

На этой схеме Пермь занимает промежуточное (опять промежуточное, среднее!) положение, между столицами и Екатеринбургом с одной стороны, и городами Поволжья и собственной провинцией – с другой. То есть жители Перми хотя и относятся к себе с большей критичностью, чем к другим, однако, не числят себя в разряде «отсталых», заштатных городов. На роль последних у них приготовлены города малые и отчасти соседи, в первую очередь – Киров и Ижевск. Правда, и урбанизм Перми особого рода – не московский и даже не петербургский, – а иной, построенный на трудолюбии и отношениях. Как было показано в третьей части, два самых популярных образа «успешного пермяка» – это «профессионал» и «хороший человек».

Поэтому окончательным итоговым образом «пермяка» мы можем считать образ доброжелательного, трудолюбивого горожанина, которому все же недостает культуры и энергичности, который не любит «москвичей», восхищается «петербуржцем», слегка завидует «свердловчанам» и снисходителен к «провинциалам». Вот такой набор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /Пер. с англ., М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001.
2. Аношкин А. А. Фобии в российской предпринимательской культуре: культурологический анализ нарратива. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. Пермь, 2009.
3. В Парме. Путевые очерки русских писателей о Перми и Прикамье /состав. Н. Ф. Аверина. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988.
4. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.
5. Заяц Е. Печали негативности и радости идентичности /Электронный ресурс. Режим доступа: <http://sinijdivan.narod.ru/sd6rez1.htm> (дата обращения: 8.05.2013).
6. Иванов А. Message: Чусовая. СПб.: Издательский дом «Азбука – классика», 2007.
7. Ребята, давайте уже, наконец, закончим войну между Екатеринбургом и Пермью??? / Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.samolen.ru/pages/14/2200/> (дата обращения: 10.05.2013).
8. Шампань П. Разрыв с предвзятыми и искусственно созданными конструкциями // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии /Пер. с франц., М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

ГЛАВА 5. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О. В. Игнатьева
О. В. Лысенко

*Объяснить стиль значит не больше,
как связать его с общей историей времени
и доказать, что его формы говорят своим
языком то же самое, что и остальные,
современные ему голоса.*

Л. Келлен

Предпосылки формирования пермской символики

Как уже было сказано в первой главе данной монографии, к невербальным элементам стиля, в том числе и локального, относятся символы, иначе говоря – объекты-маркеры. Региональные и локальные символы в большой степени формируются на основе культурного наследия и исторических традиций, запечатленных в исторической памяти.

По мнению С. Ю. Каменского, можно выделить три типа парадигм, определяющих отношение общества к культурному наследию. Для архаического общества характерно «отсутствие прошлого» в том смысле, что прошлое органично вписано в виде традиций и канонов в уклад жизни. Индустриальное общество выдвигает новую парадигму: «память – преемственность». Именно для этого времени становится актуальным историческое знание, коллекционирование прошлого, появление музеев как храмов науки и просвещения. Постиндустриальный тип общества формирует новое отношение к культурному наследию – «культурный диалог». Это в том числе отражается и в последних документах ЮНЕСКО относительно необходимости поддержания культурного разнообразия как основы для инноваций и диалога. Идеология культурного диалога актуальна на современном этапе для всех учреждений культуры и образования, имеющих отношение к культурному наследию и его трансляции. «Заархивированная» память в виде музейных, архивных, библиотечных коллекций нуждается в актуализации: «Актуализация – это процесс превращения культурного наследия в явление современности, характеризующийся внутренним освоением (переживанием) и переосмыслением культуры прошлого, включением ее в ценностно-смысловой, нравственный, эстетический, интел-

лектуальный, социально-практический потенциал личности и общества» [3, с. 9-10].

На территории Пермского края осмысление своего регионального исторического опыта и своеобразия начинается с середины XIX века, таким первым шагом можно считать выход «Пермского сборника» в 1859 г. Пермская губерния предстает в исследованиях этого времени как «цивилизованный» регион, прошедший все исторические этапы в своем развитии: «При первом взгляде на карту, представляющую степени просвещения различных краев России, взор наблюдателя не без удивления заметил бы, что страна на крайнем востоке Европы – Пермская губерния, составляет одну из самых светлых полос в нашем обширном отечестве» [4, с. 1].

Признаки принадлежности Пермского края к цивилизованному миру виделись не только в историческом прошлом, выходявшем на поверхность в виде археологического наследия, но и в благосостоянии местных жителей: «Здесь не встретите, как в великороссийских губерниях, соломенных крыш на развалившихся избах; в любой крестьянской избе найдете стеклянную и глиняную посуду и всякие хозяйственные принадлежности из железа; в любом крестьянском доме также можете встретить самовар, роскошь, которую во внутренних губерниях позволяют себе только зажиточные торговые мужики» [4, с. 1-2].

Отмечалось большое количество грамотных людей, «значительное количество богатых сел и огромное число различных металлических заводов представляют центры населения, так сказать, обтертого, смышленного, готового сочувствовать всякому улучшению, всякой реформе к лучшему» [4, с. 1-2].

Пермские культуртрегеры XIX – начала XX вв. хорошо понимали свою миссию, прежде всего связанную с просвещением местного населения, сбором всех имеющихся достижений края, их коллекционирование, создание первых музеев, проведение научных исследований. Именно в этот период были выявлены и осмыслены в качестве региональных символов многие пермские феномены, например, пермский звериный стиль, пермская деревянная скульптура. На волне подъема краеведческого движения в 1920-е гг. появляется одна из первых концепций, осмысляющих Пермь как часть «текста» горнозаводской цивилизации.

Кто знает, какие результаты были бы у этого родиноведческого подъема, если бы не репрессии? Читая краеведческие сборники этих лет, понимаешь, что многие задачи, которые сейчас осознаются как актуальные и значимые для сферы культуры и образования, развития музейного дела, туризма и развития территорий, были выявлены и заявлены уже тогда.

В советский период опыт осмысления региональных особенностей Пермского края был не востребован, формирование новой общности –

«советский народ» – опиралось на события и достижения советского времени. В этот период активно формируется новый образ города: Пермь – город-труженик, промышленный центр. Ко многим советским городам эти слова вполне применимы. Единые градостроительные каноны, памятники и названия улиц создавали ощущение «дежавю», так замечательно представленное в фильме Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!».

В постсоветское время по сути происходит возврат к просветительской парадигме в отношении историко-культурного наследия Пермского края. С огромным энтузиазмом возвращаются забытые имена и символы, появляются новые страницы в «пермской энциклопедии». Если в советское время имя Строгановых упоминалось только в связи с их крепостнической миссией, то в последние годы поиск истоков пермской идентичности привел к концепту «строгановский регион», замечательно учитывающему разные аспекты деятельности Строгановых на территории Пермского края.

Поиск своего рода доказательств цивилизованности в противостоянии «столица – провинция» приводит современных исследователей к открытию новых тем. Так город обрастает текстами Б. Л. Пастернака, А. П. Чехова, С. П. Дягилева, Романовых и пр. Вновь появляется необходимость связать все эти «пазлы» пермского культурного наследия в единую мозаику «пермского текста», что и происходит в исследовании В. В. Абашева «Пермь как текст». Не случайно работы этого автора оказались так востребованы и цитируемы не только в пермской среде, но и в общероссийском научном контексте – для большинства российских регионов проблема идентичности, ее нового конструирования чрезвычайно актуальна.

На что можно опереться в этой борьбе за новую/старую идентичность? За последние годы в Перми были представлены разные ответы на этот вопрос. Первый ответ – это опора на «пермскую аутентичность» в виде архаических (этнических) текстов и образов, «пермского мифа». Большую роль в развитии темы «пермского духа» сыграла общественная организация «КАМБА» и ее руководитель Наталья Шостина. Этнофутуристический фестиваль «КАМБА» стал самым массовым народным проектом финно-угорской России, а сама Пермь на какое-то время стала столицей этнофутуризма.

В самом факте интереса организаторов «КАМБЫ» к пермским символам, например, к пермскому звериному стилю, конечно, ощущается стремление выйти на диалог культурных традиций, архаической и современной. Чего стоят инициативы: Интернет-проект общественной организации «КАМБА» «Новые лики пермского звериного стиля» (2008); фотосессии предметов пермского звериного стиля из коллекций Пермского краеведче-

ского музея и Чердынского музея, выпуск открыток с предметами пермского звериного стиля (2008; 2011); международный форум «Звериный стиль в коллекциях музеев» (2011); лектории и сувенирная продукция.

Как отмечает сама Н. Шостина: «тема Перми и пермских корней является основополагающей», «Пермь – это мощный информационный пласт земли, символов, генетической памяти», «провинциальная культура – это живая ткань. На фоне всеобщей глобализации и сетевого маркетинга, мы с трудом отыскиваем уникальные артефакты местной культуры, истории, быта. Как бы москвичи ни смеялись над нашей аутентикой, ценность провинции именно в этом. В ней колорит, особенность, наив и уникальность» [Блоги на «Эхе» / Наталия Шостина. Пермская волна. Пермское, не значит плохое. 15.02.2013]. Таким образом, обращение к истокам, к пермской архаике видится в качестве «терапии» для пермской ментальности и одновременно средством перехода в XXI век.

Тем не менее, в 2013 г. фестиваль «КАМБА» переходит «от этнофутуризма – к формату «эклетик-фестиваля» (космофутуризм)». Видимо, все-таки в одиночку этническая тема/миф не могут служить основой для современной городской идентичности.

Тема исторического прошлого Прикамья актуализировалась и через творчество писателя А. Иванова, изначально подхватившего тему 1920-х гг. о горнозаводской цивилизации. В идейных спорах и баталиях с новой культурной политикой пермских властей его концепт «горнозаводской цивилизации» переоформился в «квинтэссенцию уральского образа жизни».

Попыткой обрести новую идентичность через приобщение к европейскому контексту, современному искусству стал «Пермский культурный проект». В рамках проекта «Политика культурного развития» с 1978 по 1983 гг. было проведено системное исследование 21 европейского города. Наиболее популярным концептом 1980-х гг. в Европе стала идея «возрождения городов через культуру», частью этого явился проект «Культурная столица Европы».

С 1990-х гг. появляется концепция «культурного планирования городов для устойчивого развития». Город понимается как культурная реальность, ежедневное существование в которой формирует идентичность и образ жизни. При таком понимании основой городского развития видится культурный плюрализм, допускающий многие идентичности и образы жизни. Поддержка культурного разнообразия мыслится и как среда для развития креативной экономики.

Началом новой концепции развития культуры Пермского края считается выставка «Русское бедное» (2008 г.), а также Пермский экономический форум. Пермский культурный проект («пермская культурная рево-

люция») поставил задачу перепрыгнуть в другую эпоху, другую парадигму в отношении к культурному наследию, от провинции – к столице, то есть к культурной столице России, а потом и Европы. Можно с полной уверенностью констатировать, что данная культурная инициатива стала своего рода катализатором в осмыслении не только настоящего и будущего Пермского края, но и прошлого. Актуальным является и направленность культурного проекта «от «работников культуры» – к пермякам» [7, с. 24].

Слои пермской культурной символики

В рамках количественного социологического исследования «Пермь как стиль»¹ жителям города был задан ряд вопросов, касающихся символов и культурных деятелей Перми и Пермского края. Перед нами стояла задача выявить символы, памятные места, фамилии исторических деятелей, с которыми у населения ассоциируется город.

В анкете были представлены вопросы закрытого и открытого типа. Закрытый вопрос был задан с целью определения той условной исторической эпохи, с которой в исторической памяти пермяков чаще всего связана Пермь. Респондентам было предложено выбрать три наиболее значимых символа Перми из трех групп: символов досоветского времени (пермский звериный стиль, пермская деревянная скульптура, пермская ротонда); символов советской эпохи (пермский балет, памятник уральскому танковому добровольческому корпусу, памятник «Вышка I»); символов современной культуры (фестивали, пермский балет, буква «П» и «красные человечки», музей PERMM). Этот «шорт-лист» символов был определен по результатам фокус-групп как наиболее значимый и легко читаемый в разных слоях пермского сообщества. По аналогии с рейтинговыми политическими опросами можно сказать, что это рейтинг пермских символов по «узнаваемости».

Открытые вопросы, напротив, нацелены на «вспоминаемость» символов. Они формулировались следующим образом:

- Кто из исторических, политических и культурных деятелей, на Ваш взгляд, является символом Пермского края?
- Какие памятники культуры являются, на Ваш взгляд, символами Пермского края?
- Какие памятники природы являются, на Ваш взгляд, символами Пермского края?

Начнем анализ ответов с закрытого вопроса.

---

¹ О параметрах исследования см. введение.

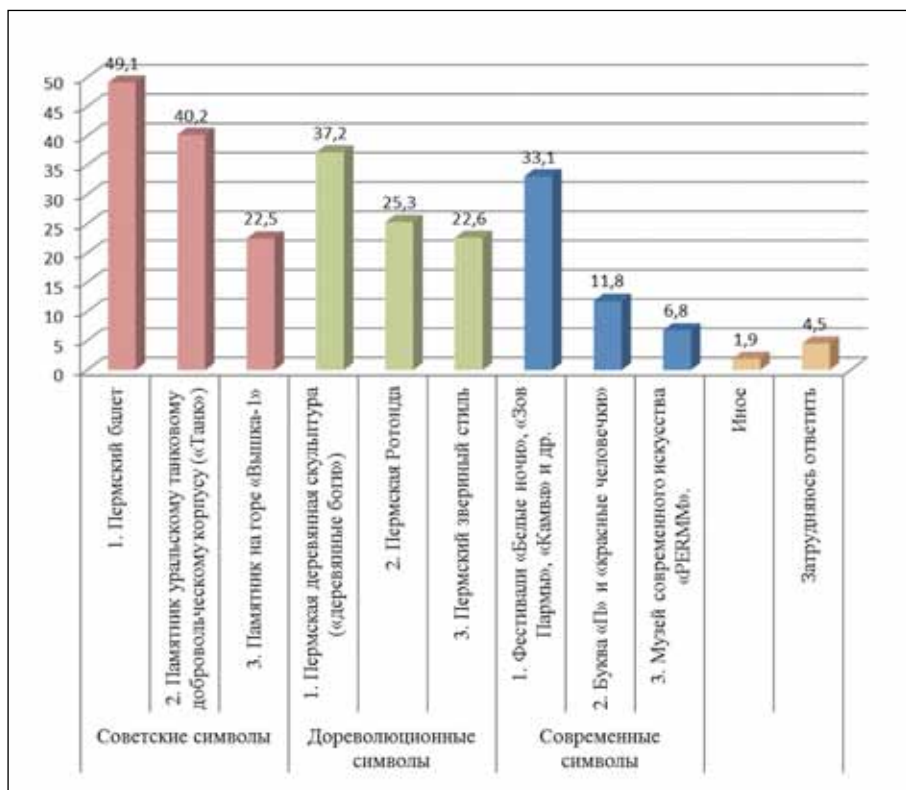

Рисунок 5.1. Выбор пермских символов, в процентах (закрытый вопрос)

На первом месте по влиянию на региональную идентичность среди всех эпох стоит советская: «Советский пласт в культурном ландшафте в России ... частично законсервировался, стал еще одной своеобразной дополнительной традицией», «вошел в плоть и кровь региональной идентичности» [10, с. 140]. Это подтверждается и ответами респондентов. Именно символы советского времени выбраны большей частью опрошенных в рамках исследования пермяков, а именно: пермский балет (49,1%), памятник уральскому танковому добровольческому корпусу (40,2%), памятник «Вышка I» (22,5%). При этом тематика культуры и военного времени явно поощряет революционную.

На втором месте стоят символы досоветского времени: пермская деревянная скульптура (37,2%), пермская ротонда (25,3%), пермский звериный стиль (22,6%). Явное доминирование «пермских богов», занявших третье место в общем рейтинге символов, объясняется достаточно просто: они яв-

ляются символом второго, после балета, знакового учреждения культуры Перми – Художественной галереи, и широко пропагандировались еще в советское время.

Современные символы (**фестивали – 33,1%**, буква «П» и «красные человечки» – 11,8%, музей PERMM – 6,8%, всего – 51,7%), несмотря на многочисленные баталии в СМИ и Интернете, а также неоднозначные оценки со стороны населения, все же стали значимым элементом пермской идентичности.

Конечно, всякий символ, запечатленный в сознании горожанина, обладает множеством смыслов и оттенков, а потому отнести его к тому или иному «пласту» исторической памяти можно лишь условно. Равно как условны и эпохи, обозначенные символами в этом вопросе. И тем не менее, по результатам ответов на этот вопрос можно сформулировать некоторые выводы:

- очевидно, что символы, доставшиеся Перми от советского прошлого, доминируют;
- во всех «пластах» исторической памяти пермяков побеждают символы, связанные с культурой в самом обыденном ее значении, то есть наиболее понятные и признанные «шедевры»: балет, «деревянные боги» и фестивали; символы со специфическим смыслом (связанным с особой современной или архаической эстетикой) воспринимаются населением с трудом;
- на восприятие символов накладываются отпечаток личный опыт людей, условия их социализации, иные социальные и культурные обстоятельства.

Это подтверждается анализом сопряженности ответов с социально-демографическими характеристиками опрошенных. Так, заметна гендерная обусловленность выбора. Для женщин более характерен выбор символов, связанных с культурой: пермского балета, деревянной скульптуры, пермского звериного стиля – некий благогороженный, «возвышенный» образ Перми. Мужчинам более свойственно выбирать милитаризированные символы: памятник уральскому танковому добровольческому корпусу, памятник «Вышка I».

Большое влияние на выбор символов оказывает и возраст. Молодежь и респонденты начального среднего возраста более склонны выбирать символы, относительно недавно появившиеся или актуализированные в культурном пространстве города. Молодые люди чаще выбирают пермский звериный стиль – 28,4% (наименьшая доля указавших его среди пенсионеров – всего 15,8%), фестивали – 49,3% (среди людей старше 60 лет – всего 10,9%), букву «П» и «красных человечков» – 23,1% (среди людей старшего возраста – всего 2,5%).

Напротив, чем старше возраст отвечающих, тем чаще выбираются символы, давно укорененные в культурном и социальном пространстве города. Выбор пермской деревянной скульптуры среди людей, старше 60 лет – 43,6%, и эти цифры постепенно снижаются вместе с возрастом до 24,6% у молодежи. Эта зависимость прослеживается и при выборе в качестве символа пермского балета, хотя и не так явно. Максимально высокий процент выбравших балет в качестве символа Перми наблюдается среди пенсионеров и людей среднего возраста – на уровне 50–54%. Минимальный – среди молодежи (41%).

И только пермская ротонда, стоящая посреди излюбленного места гуляния пермяков – Горьковского парка, одинаково почитаема во всех возрастных группах – около 25%.

Изначально можно было бы подумать, что высокий уровень образования должен подталкивать человека к более лояльному отношению к современным символам. Однако результаты опроса этого не подтверждают. **Образованная часть пермского городского сообщества, скорее, находится на позиции защиты традиционных символов культуры**, тем самым подтверждая тезис о существовании локального фундаментализма². И пермский балет, и «деревянные боги», и пермский звериный стиль выбираются людьми с высшим образованием чаще, чем другими категориями населения. И, вместе с тем, современные символы Перми в этой группе выбираются немного реже. Впрочем, символический милитаризм им тоже не свойственен. Особенно это характерно для гуманитариев.

Особого внимания заслуживает зависимость выбора символов от социального слоя и материального достатка. «Средний пермяк» (то есть относящийся себя к среднему слою и с достатком уровня среднего и ниже среднего) чаще остальных выбирает традиционные, укоренившиеся, советские и досоветские символы – скульптуру, звериный стиль. Напротив, люди с более высоким достатком и относящие себя к высокому слою, а также представители «низов» общественной иерархии чаще склонны к символам новым. Исключением тут является только балет, как наиболее престижный с точки зрения культурного потребления, продукт. Он наиболее часто выбираем в качестве символа «верхами».

Аналогично обстоит дело и с частотой выбора символов между «пермяками» и «не пермяками». Те, кто не считает себя пермяком, чаще выбирают символы современные, «пермяки», напротив, традиционные. Это, безусловно, связано с особенностями локализации в социальном пространстве города пермской идентичности, что было указано в главах 3 и 4 настоящего издания.

---

² См. главу 7 данной монографии.

Чтобы точнее выяснить уровень локализации тех или иных символических пластов исторической памяти, мы выделили семь групп респондентов по типам выборов ими символов.

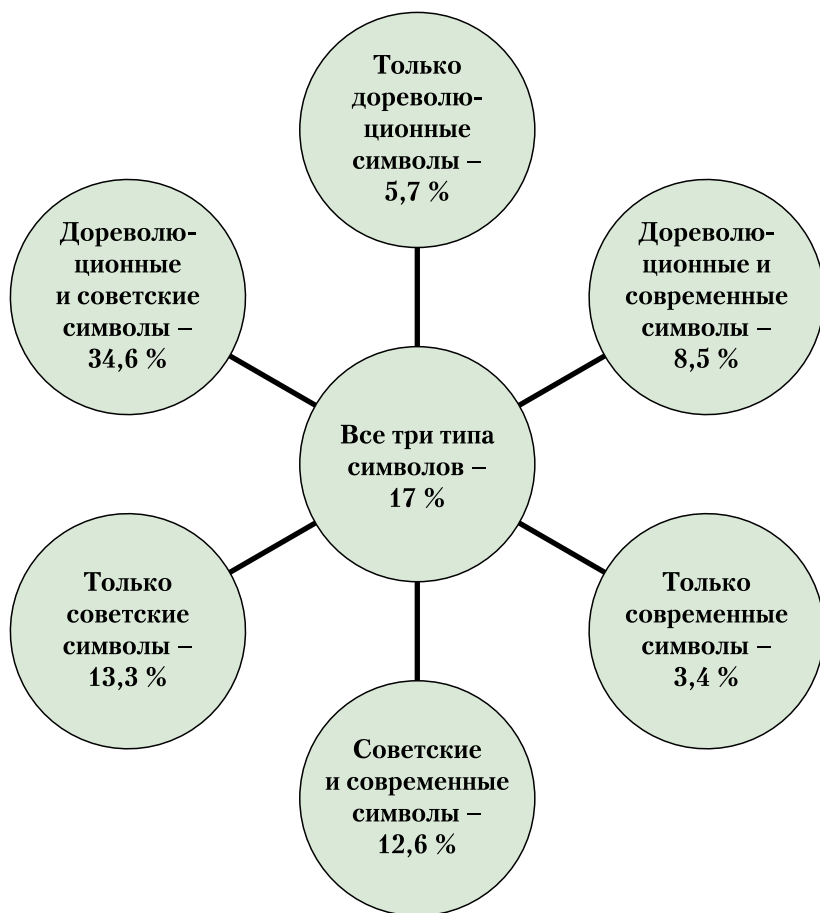

Схема 5.1. Выбор наиболее значимых символов Перми (закрытый вопрос)

Как мы видим, при сопоставлении разных символических пластов пермяки отдают предпочтение, скорее, сочетанию дореволюционных и советских символов как наиболее соответствующих их мироощущению. Это, разумеется, ничего не говорит ни о реальном политическом поведении, ни о реальном содержании городского пространства. Скорее, это индикатор стиля, доминирующего в массовом сознании. **Это стиль мифологизированного прошлого с нотками ностальгии.**

В принципе, мы уже давали характеристики групп респондентов, выбирающих однородный набор символов (советский, дореволюционный или современный). Отчасти эти характеристики присущи и группам «смешанного стиля». Советско-дореволюционный набор символов наиболее присущ старшим возрастным группам, людям с высшим образованием и средним материальным положением, в особенности – предпринимателям, специалистам, госслужащим, пенсионерам. Современнo-советский и современно-дореволюционный стиль скорее присущ студенческой молодежи, представителям либо высокодоходных, либо низкодоходных групп.

Как и следовало ожидать, самым трудноопределимым с помощью традиционной социологической методики оказалась центральная группа, выбравшая символы из всех трех типов. Никакие общие характеристики (кроме, разве что, возраста) ее не определяют. Единственный индикатор для выделения, видимый на данный момент, – это культура. Но об этом – в заключительном разделе главы.

Как выясняется, практически ни одна социально-демографическая характеристика не является определяющей в этих группах.

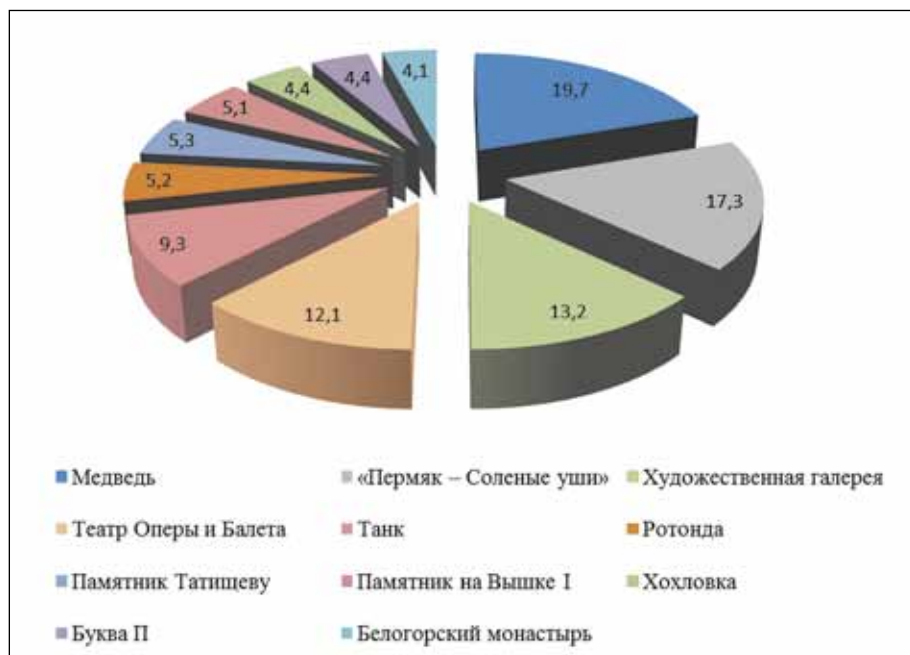
Пермские герои и символы в исторической памяти

Анализ ответов на открытые вопросы дает возможность по-иному взглянуть на культурный ландшафт города, выстроить его более точную символическую карту. В приведенной ниже таблице указаны наиболее значимые варианты, набравшие более 4% ответов.

Прежде всего следует отметить, что открытые вопросы показали иную картину культурного ландшафта. Если подсчитать частоту упоминаний всех символов, связанных с советским, дореволюционным и современным периодами истории Перми, то получится, что доминируют досоветские символы – 84,9% (к ним мы отнесли и современные памятники, посвященные событиям и людям дореволюционной поры). Советские символы составили всего 58,6%, современные – 8,9%.

Многие исследователи отмечали, что первым, наиболее значимым символическим слоем, доминирующим над всеми остальными слоями культурного ландшафта, является природа. При всем многообразии культурного наследия Пермского края, в котором представлены практически все исторические эпохи от палеолита до актуального искусства, пермяки чаще всего предпочитают конструировать свою региональную идентичность через природный компонент. В рамках проведенного нами исследования «Пермь как стиль» мы специально разделили вопросы про природные и культурные символы, а также про исторических деятелей. И, тем не менее, природная компонента проступает даже в ответах про культурные памятники. Еще в

2008 г. было проведено исследование, согласно которому «самым востребованным символом пермской уникальности выступает символ медведя» [6]. Наш опрос подтвердил популярность этого символа для пермяков, т.к. именно памятник медведю стоит на первом месте среди всех памятников культуры, с которыми местное население готово идентифицировать Пермский край. Всего его назвали в рамках открытого вопроса 19,7% опрошенных. Конечно, архаические символы самые устойчивые и «каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики» [5, с. 241]. Тем более что образ медведя, хорошо знакомый по сюжетам пермского звериного стиля, входит в региональную геральдику и символику.

Рисунок 5.2. Пермские символы культуры, в процентах

На втором месте «Пермяк – солёные уши» – 17,3%. Несмотря на относительную молодость этого арт-объекта, его смысл восходит к историческому прошлому пермской земли. Среди других значимых культурных символов дореволюционного периода истории – кафедральный собор (галерея), Хохловка, Белогорский монастырь, дореволюционные здания.

Советский пласт памяти представлен в таких пермских символах, как Театр оперы и балета, памятник «Вышка I», памятники военному времени («Танк», Памятник героям фронта и тыла, Скорбящая мать), памятник Лени-

ну. Интересно отметить, что советские символы встречаются достаточно часто, но они, в отличие от символов дореволюционных, как правило, набирают небольшое количество ответов, просто их много. Часто встречаются единичные упоминания, например, катера на судозаводе, бюстов Ф. Э. Дзержинского и Я. М. Свердлова, «Катюши» на ДК Кирова, «Трус, Балбес и Бывалый» и т.п.

Современные символы в открытом вопросе сильно проигрывают. Только буква «П» набрала сколько-то значимое количество ответов, выходящее за пределы статистической погрешности. Остальные символы заслужили только единичное упоминание.

Аналогично обстоит дело и с историческими/ политическими/культурными деятелями Перми. Число опрошенных, назвавших дореволюционных деятелей, составляет 88,4%, советских – 22,4%, а современных – 23% (респонденты могли давать несколько ответов, поэтому сумма превышает 100%).

Среди наиболее часто упоминаемых персонажей – Татищев, Дягилев, Трутнев. Примечательно, при всей «раскрутке» темы Б. Л. Пастернака в Перми, его имя упоминается только один раз, как и имя М. Романова, Стефана Пермского (2). Зато вполне внятно звучат имена, связанные с балетом (Сахарова, Павлова), детских писателей, советских деятелей, именами которых названы улицы.

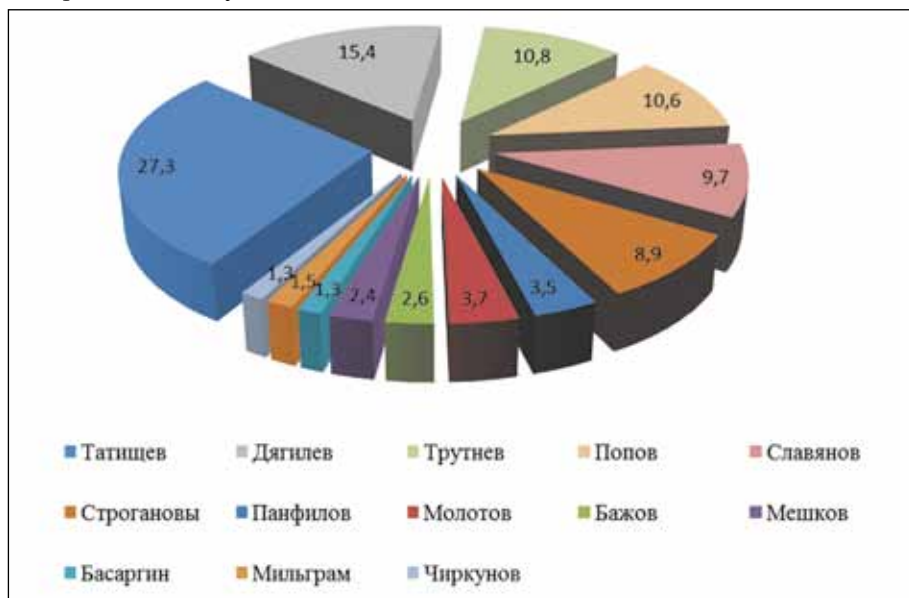

Рисунок 5.3. Исторические, политические и культурные деятели – символы Перми, в процентах

Доминирование В. Н. Татищева в этом рейтинге логично. Символический груз основателя города, равно как и монументальное закрепление этого имени в городском пространстве, сделали свое дело. Гораздо интереснее второе место – С. П. Дягилев.

В постсоветское время, когда с особой остротой обозначился вопрос региональной идентичности, поиск актуальных символов в Пермском крае велся достаточно интенсивно. Именно в это время в пермском тексте нашлось место для С. П. Дягилева, а на карте города появились гимназия им. С. П. Дягилева, музей, среди событий – международный симпозиум «Дягилевские чтения», «Дягилевские сезоны» в Театре оперы и балета, воссоздание дягилевских постановок на пермской сцене. Представляется, что С. П. Дягилев как культурный герой пермской сцены вполне прижился в массовом сознании горожан.

Кстати, на одних из последних «Дягилевских чтениях» Т. Лебедева предлагала объединить усилия власти и общества по брендингованию Пермского края через С. П. Дягилева как культурного деятеля, известного как в мире, так и в России. Эта фигура вполне может быть связующей для всех трех эпох – досоветской, советской (популярность пермского балета) и современной.

Почему в исторической памяти пермяков досоветский слой оказался более значимым, чем советский? Этот факт может быть объяснен следующим образом.

Во-первых, за последние 20 лет именно в символическом пространстве Перми городскими и региональными властями предпринимались наиболее активные попытки формирования новой пермской идентичности. Причем основное направление политики «нового символизма» задавалось общероссийской политической конъюнктурой – легитимацией дореволюционного прошлого с примесью реабилитации предпринимательства. Именно тогда были возведены памятники Татищеву, Славянову, Попову, Гралю, начали возрождаться забытые доктрины «пермскости», связанные с деятельностью Строгановых, Мешковых, религиозных деятелей.

Во-вторых, советское прошлое оказалось не столь ярким, особенно в региональных памятниках и героях. Напомним, уже в позднее советское время исторические здания, дореволюционные деятели, не связанные с властью (Попов, Славянов) начинали подниматься на щит. Их выгодно отличало от деятелей советских ярко выраженная связь с Пермью, «приспособленность» для включения в доктринальное ядро локального стиля. Даже губернаторы постсоветской эпохи оказались в этом смысле более «вспоминаемыми» жителями Перми.

Что касается природных символов Перми, то здесь безусловным фаворитом является Кунгурская ледяная пещера, известная как объект туризма

и экскурсий еще с дореволюционных времен. Даже р. Кама существенно проигрывает этому объекту.

Рисунок 5.4. Памятники природы – символы Перми и Пермского края, в процентах

Интересным фактом, выявленным в ходе проведенного нами исследования, является то, что 17% опрошенных пермяков одинаково принимают в качестве символов Перми досоветские, советские и современные символы. Видимо, именно для этой категории пермяков характерно «движение от моностилистической культуры к полистилистической», характерен свободный выбор в отношении жизненного и культурного стиля [2, с. 190].

Л. Г. Ионин, характеризуя аудиторию, для которой свойственно стремление к стилизации жизни и ее проявлений на общественном уровне, описывает ее следующим образом. Это является свойством средних слоев общества, т.к. «высшие слои не стремятся к стилизации жизни, очевидно потому что они не испытывают необходимости ограничивать себя «сверху». Их жизненный стиль демонстрирует свободу и естественную независимость по отношению к общественным конвенциям, благодаря чему,

они без всякого насилия над собой остаются в рамках собственной традиции. Они располагают безграничными возможностями стилизации, но не проявляют стремления к ней; их стиль – это их традиция. Низшие слои остаются такими, каковы они есть, совсем по другой причине: они не могут жить иначе, поскольку постоянное давление материальных обстоятельств диктует им такой образ жизни, который не оставляет возможностей для стилизационных экспериментов» [2, с. 254].

По данным исследования «Пермь как стиль», все три типа символов (досоветские, советские, современные) в большей степени выбирают пермяки из среднего и ниже среднего социального слоя – 40,1%.

Как пишет Л. Г. Ионин: «Наиболее высоки как стремления, так и шансы стилизации в юности и в период взрослости. Напротив, в старости многие жизненные стили становятся просто физически и биологически недоступными, снижается то, что можно назвать стилизационным темпераментом, социальные факторы все более уступают место биологическим» [2, с. 254]. Проведенное нами исследование полностью соответствует данному утверждению. Так, выбор всех трех групп символов снижается по мере увеличения возраста: с 22% среди пермяков в возрасте от 18 до 45 лет, до 5,4% среди пермяков старше 60 лет.

Л. Г. Ионин отмечает, что «чем выше уровень образования, несущего с собой знание альтернатив жизни, тем больше возможности, а зачастую и стремления к стилизации» [2, с. 255]. В отношении выбора всех трех групп символов Перми пермяками эта тенденция также подтверждается, такой выбор наиболее актуален для респондентов со средним и высшим образованием.

Таким образом, можно сказать, что определенная часть пермяков включает в свою индивидуальную идентичность символы всех исторических эпох, своего рода «ландшафтный коктейль» из пермских символов, образов и текстов. Как можно охарактеризовать эту аудиторию?

В исследованиях Абрамова Р. Н. и Зудиной А. А. введена социальная группа, усилиями которой в обществе распространяются новации – «социальные инноваторы» [1]. Авторами данная группа выделяется с точки зрения включенности в современные практики по пяти позициям:

- 1) приобщенность к информационным технологиям;
- 2) активное финансовое поведение;
- 3) стремление к расширению горизонта;
- 4) оптимизация своего времени;
- 5) забота о себе и своем здоровье [1, с. 136].

В рамках исследования Абрамова Р. Н. и Зудиной А. А. выявлено, что 13–17% взрослого населения современного российского общества более активно участвуют в потреблении материальных и культурных продуктов

[1, с. 136]. Для социальных инноваторов, среди прочего, характерно повышение ценности свободного времени, превращение досуга в одну из основных жизненных потребностей. Именно эта социальная группа активно пользуется институтами культурыиндустрии, активно участвует в потреблении культурных продуктов. Так, около половины из них (47%) регулярно посещают театры, концертные залы [1, с. 136], они чаще ходят в музеи и на экскурсии, демонстрируя активное культурное потребление.

Среди зарубежных исследований наиболее известна концепция креативного класса Р. Флориды. По подсчетам исследователя, 30% работающих американцев можно отнести к креативному классу. Ядром креативного класса являются люди, «занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания» [11, с. 5]. Кроме того, к креативному классу Р. Флорида относит «креативных специалистов» из сферы бизнеса, финансов, права, здравоохранения, «эти люди занимаются решением сложных задач, для чего требуется значительная независимость мышления и высокий уровень образования и человеческого капитала» [11, с. 5].

Основное отличие креативного класса от представителей рабочего и обслуживающего класса заключается, по мнению Р. Флориды, в том, что «креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая что-то новое, и делает это с большей степенью автономии и гибкости, чем два другие класса» [11, с. 5].

Основная конкуренция городов, по мнению Флориды, осуществляется за представителей креативного класса. Конечно, выявление креативного класса в Перми не было целью исследования в рамках проекта «Пермь как стиль». И утверждение о том, что выявленные среди опрошенных 17% пермяков, одинаково воспринимающих в качестве символов Перми досоветский, советский и современный культурный ландшафт, и являются носителями «креативного этоса», требует дальнейшей верификации.

Пермский культурный проект делал ставку на появление творческих индустрий и креативного класса в Пермском крае, с этой целью инициировались новые культурные практики. Мало кто из пермских деятелей культуры всерьез поверил в это начинание, скепсис и неверие в «культурную революцию» захватили местное сообщество, любимой темой стала – «про варягов и про пермяков».

С одной стороны, трудно было не заметить те изменения, которые произошли по инициативе «варягов». Как их воспринимать? В качестве вызова Перми как провинции? И тогда «основную проблему пермской модернизации мы выразили бы так: в какой мере пермская консервативная почва готова воспринять предлагаемые инновации?» [8, с. 26].

По мнению В. М. Ракова, одним из условий «перерастания провинциальности» является «наличие достаточно многочисленной публики, творчески воспринимающей культуру и заинтересованный в существовании сильного творческого слоя – своего коррелята» [8, с. 28].

Возможно, эти 17% пермяков, готовых отказаться от противостояния современных и традиционных символов пермского культурного ландшафта, и есть тот самый шанс для Перми «превратиться в самодостаточный региональный культурный центр, отличающийся от провинции наличием собственного языка и стиля, развитого творческого слоя и многочисленной сотворческой публики»? [8, с. 29].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

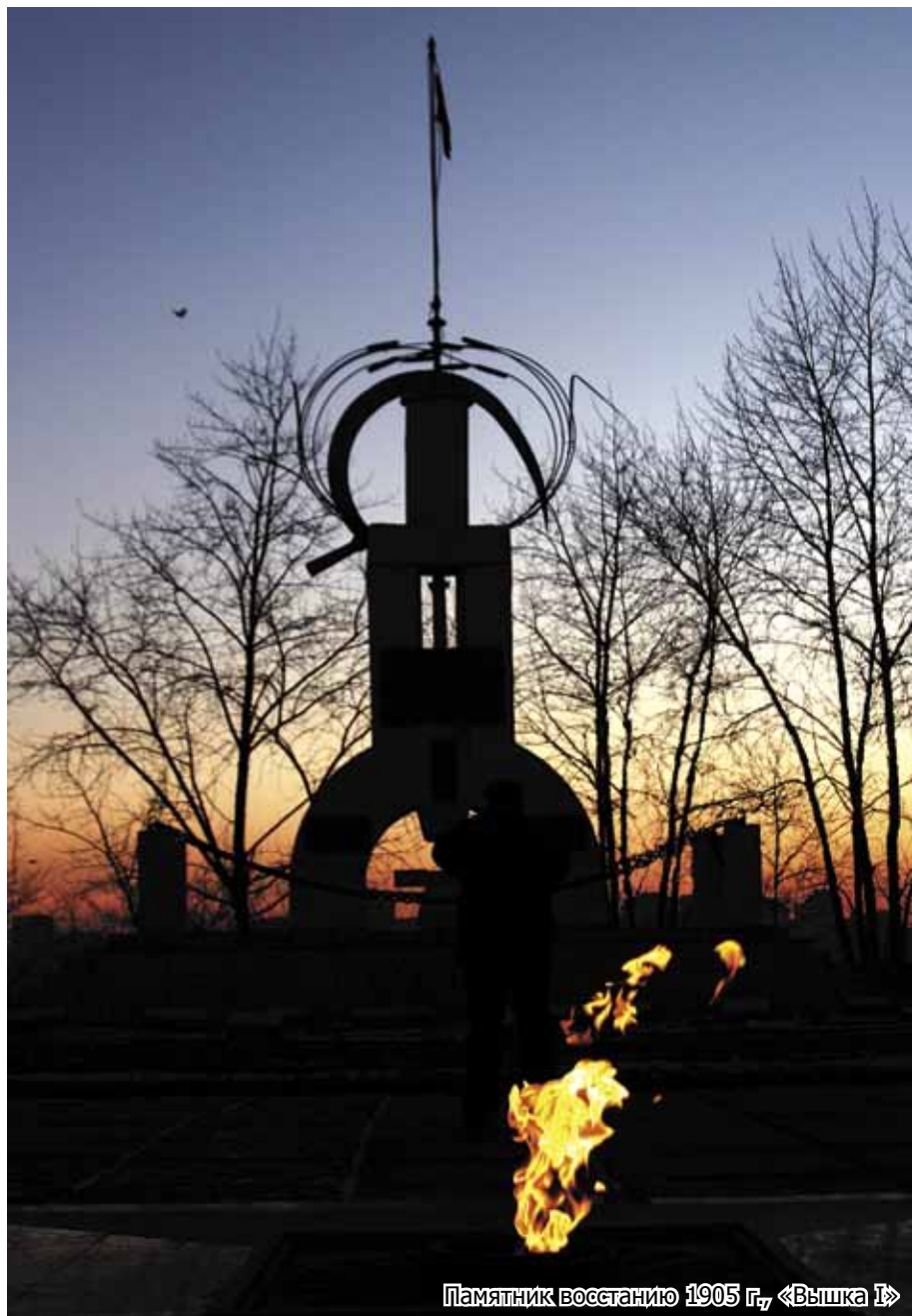
1. Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1. 64–76 с.
2. Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
3. Каменский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Автореферат диссертации на степень кандидата культурологии. Екатеринбург, 2009.
4. Крупенин А. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. Кн. 1. М., 1859. 1–45 с.
5. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2001. 240–250 с.
6. Назукина М. В. Особенности региональной идентичности Пермского края: социокультурный аспект // polit.psu.ru/identichnost/statqq_Nazukinoj_rnc.doc
7. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. Пермь, 2010.
8. Раков В. М. Провинциальная культура в поисках идентичности (пермский случай) // Искусство Перми в культурном пространстве России. Век XX. Исследования и материалы. Пермь, 2000. 23–31 с.
9. Раков В. Пермь в координатах современности // Живая Пермь. Книга. Пермь, 2009. 22–29 с.
10. Туровский Р. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. 139–173 с.
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

Стела возле железнодорожного вокзала.
Памятник советской эпохи

Пермский медведь

Памятник восстанию 1905 г., «Вышка I»

Пермская художественная галерея

Пермский краеведческий музей. Дом Мешкова

Пермский звериный стиль. Из экспозиции музея

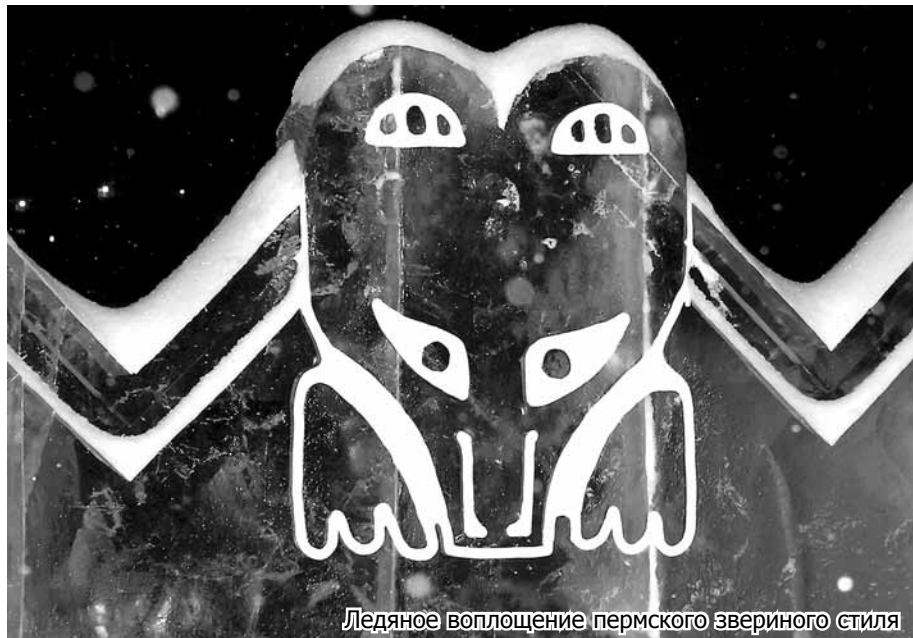
Пермский государственный театр оперы и балета

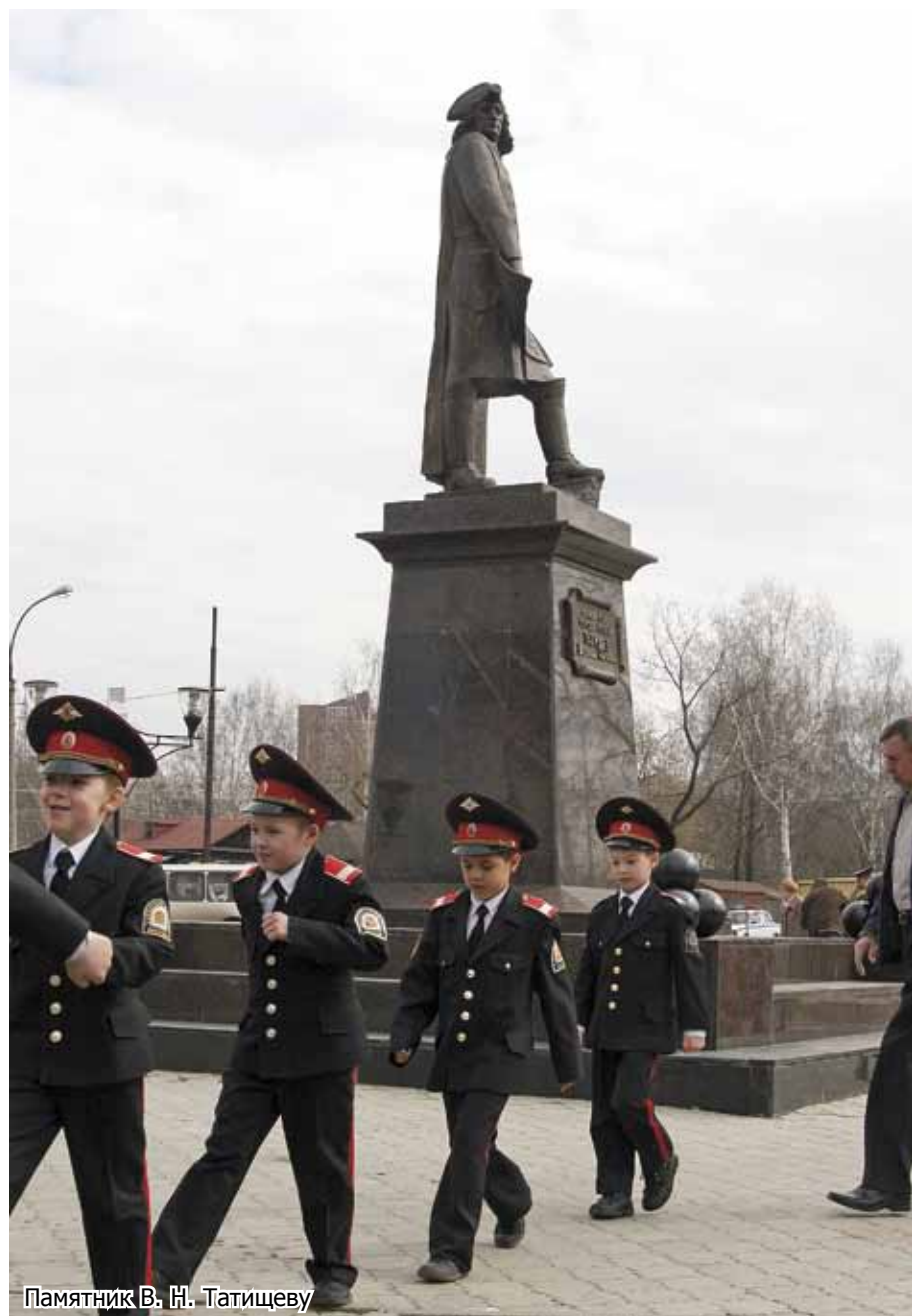
Особняк Грибушиных. Памятник модерна.

Ротонда в парке им. Горького

Ледяное воплощение пермского звериного стиля

Памятник В. Н. Татищеву

Танк. Памятник бойцам пермского добровольческого танкового корпуса

Памятник героям фронта и тыла

«Красные человечки». Арт-объект времен пермской культурной революции.

Еще один арт-объект эпохи Гельмана, прозванный пермяками «Обгрызенное яблоко»

Памятник «Пермяк – солёны уши»

Фестиваль «Белые ночи в Перми», 2012 г.

Фестиваль «Белые ночи в Перми», 2012 г.

На фестивале «Живая Пермь»

Н. Полисский. Арт-объект «Пермские ворота»,
прозванный пермяками «Табуретка»

ЧАСТЬ 3. ГОРОДСКИЕ СТИЛИ

ГЛАВА 6. ЕВРОПЕЙСКИЕ ЧЕРТЫ ПЕРМСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

М. А. Оболонкова

*Город Пермь стоит на Каме,
И зовут нас пермяками,
И живем мы все в Европе,
А не где-нибудь там... около.*

В. Виниченко

Пермский писатель Владимир Виниченко в своем шутовском четверостишии точно подметил одну из черт, характеризующих самовосприятие и самопредставление пермяков. Для обозначения этой грани пермской идентичности не так легко найти удобопроизносимый и прочно укорененный в языке термин. «Европейскость»? «Европеизм»? Еще более причудливо, на первый взгляд, звучит словосочетание «пермский европеизм». Однако, оправдывая себя тем, что термин «российский / русский европеизм» уверенно вошел в научный оборот гуманитарных наук благодаря работам В. К. Кантора, В. А. Хорева, Н. И. Цимбаева, А. О. Чубарьяна, В. Г. Щукина и других ученых, рискну предпринять попытку ввести термин «европеизм» применительно к характеристике стилистических особенностей пермской городской идентичности.

«Термины «идентичность» и «память» находятся сегодня в широком и неоднозначном обращении», – подметил американский историк А. Мегилл [18, с. 133] В XX в. на основе трудов М. Хальбвакса, Я. Ассмана, П. Нора, П. Хаттона и других, разрабатывавших концепты «коллективной памяти», «исторической памяти», «культурной памяти», в системе гуманитарного знания возникло целое междисциплинарное направление – *memory studies*.

Л. П. Репина определяет историческую память как «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [38, с. 42]. И. М. Савельева и А. В. Полетаев под исторической памятью понимают «представления о прошлом, существующие в обществе как на массовом, так и на индивидуальном

уровне, включая их образный, когнитивный и эмоциональный аспекты» [39, с. 431]. Историческая память, которую М. Хальбвакс метафорически обозначил как «багаж исторических воспоминаний», является важным фактором самоидентификации социальной группы. «Рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самоидентичность во временном измерении» [47]. Процесс коммеморации, который «мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, ... служит выражением солидарности группы» [21].

Признанные в академическом сообществе специалисты в области исторической эпистемологии А. Мегилл, Л. П. Репина, И. М. Савельева и А. В. Полетаев, независимо от своего отношения к исторической памяти как к научному понятию или как к метафоре, отмечают, что «представления о прошлом занимают ключевое место в структуре идентичности» [37, с. 8].

На фоне сегодняшних поисков российской идентичности в оси координат «Запад–Восток», поисков, имеющих глубокие исторические корни, мой интерес вызывает цивилизационное измерение пермского варианта идентичности, отраженное в калейдоскопе исторической памяти.

Характеризуя феномен исторической памяти, следует подчеркнуть ее актуальность и избирательность. Ж. Т. Тощенко расценивает историческую память как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [43]. По словам Х. Вельцера, «память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [5]. С точки зрения А. Мегилла, «память так же много сообщает нам о сегодняшнем сознании того, кто вспоминает, как и о самом прошлом. Память – это образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем» [18, с. 124].

Формирование социальной идентичности как на национальном, так и на территориальном уровне идет в процессе соотнесения с историческим опытом. Рассматривая социокультурные явления прошлого, нашедшие отражение в исторической памяти пермского городского сообщества, попытаемся проанализировать, как они соотносятся с типом цивилизационной модели идентичности. И. С. Семененко и ее соавторы на основании ярко выраженных социокультурных различий «систем ценностных ориентаций и менталитета, картин мира и политической культуры» выделяют базовые модельные типы идентичности, обозначая их как «западный» и «незападный» [41, с. 46].

Маркеры «западной» идентичности – индивидуализм, рациональность, частная собственность, правовое сознание, идея нации и представ-

ление об универсальном характере институтов либеральной демократии и свободного рынка». «Незападную» модель характеризуют «примат групповых начал и коллективизма, доминирование регламентирующих образ жизни клановых и личных неформальных отношений, опора на исторически сложившиеся религиозные традиции..., на культ государства и этической традиции...» [41, с. 47]. В рамках этой типологии отмечается неоднородность идентичности «западного» типа: в американском варианте преобладает культ индивидуального успеха, а в европейском – сгенерированы и закреплены ценности социальной ответственности и социальной солидарности [41, с. 47].

Российская идентичность характеризуется наличием типологических компонентов идентичности как «незападной», так и «западной», точнее говоря, «европейской» модели. Пермская городская идентичность, формируясь в контексте российской, тоже многокомпонентна. Есть основания полагать, что пермское городское сообщество характеризуется наличием существенных элементов европеизма. При наличии разных подходов к изучению феномена европеизма [4], предлагаю рассматривать его в ключе тех исследований, где это явление трактуется в цивилизационном контексте как набор специфических европейских ценностей (и такой трудноуловимой субстанции, которую В. Г. Щукин замечательно определил как «умонастроение» [53]), норм, институтов, впервые распространившихся на территории Европы.

Одной из пространственно-географических характеристик Пермского края является его расположение на границе Европы и Азии. Географам сегодня удалось преодолеть бытовавшее в отечественном общественном мнении о том, что «в социальных науках пространство можно вывести за скобки» [42, с. 180]. Можно сказать, что частью ответа на вопрос «кто мы?» является представление о том, «где мы».

Граница Европы и Азии, проходящая по Уральскому хребту, впервые была зафиксирована В. Н. Татищевым, и этот факт запечатлелся в исторической памяти [1]. Наглядным «местом памяти», если можно буквально применить формулировку П. Нора, стала, например, памятная плита вблизи г. Первоуральска, расположенная около нынешнего обелиска, с надписью: «Географический знак «Европа–Азия» установлен в 1837 году... Уральский хребет – это главный водораздел, естественная граница между двумя частями света, научно обоснованная в начале XVIII века русским историком и географом В. Н. Татищевым» [8]. Более 50 разнообразных обелисков, символизирующих границу «Европа–Азия», зафиксировано любителями географии и туризма. Часть из них расположена на территории Пермского края. Среди них – размещенные в 1878 г. при строительстве Горнозаводской железной дороги по обе стороны полотна одинаковые

металлические фермы с указателями, направленными в стороны Европы и Азии. Есть и установленный в 2003 г. у дороги Качканар – Чусовой 16-метровый обелиск по проекту пермского скульптора А. Залазаева с начерченной на асфальте линией, символизирующей границу частей света. Эти знаки – «места памяти» – фиксируют факт территориального расположения региона вблизи границы между Европой и Азией, закрепляя в пространственно-географическом пласте структуры пермской идентичности статус принадлежности к европейскому пространству.

Путешественники разного рода, прибывая в Пермскую губернию, отмечали свои пространственно-географические ощущения. Так, известный мемуарист начала XIX в. Ф. Ф. Вигель в своих воспоминаниях писал: «вступили мы в переднюю Сибири, в Пермскую губернию», или – «здесь, в преддверии Азии...» [6, с. 31, 34].

Среди современных пермяков 52,2% считают, что Пермский край находится на стыке Европы и Азии, 47,7% заявили, что Пермский край располагается в Европе, и только один человек из тысячи ответил, что Пермский край находится в Азии [9].

Однако, как справедливо заметил географ М. П. Крылов, недостаточно обращать внимание лишь на пространственную составляющую идентичности. Территориальная идентичность, подчеркивает он, «характеризует тонус, стиль, уклад, «внутреннюю энергетику» местной жизни» [15 с. 213].

Какие паттерны пермской и европейской идентичности в исторической памяти отражаются как общие?

Думаю, что существенная часть «пермского европеизма» – чувство принадлежности к европейской культурной общности. Одно из исторических свидетельств тому – маленький, но весьма показательный штрих из мемуаров Ф. Ф. Вигеля, который в своих записках о пребывании в Перми в начале XIX в., отзываясь об одной из дочерей губернатора К. Ф. Модераха, подчеркнул, что эта молодая женщина была «просвещеннейшая из всех», коих он дотоле видел; «свободно выражалась на иностранных языках, наслаждалась всеми цветами литературы и в преддверии Азии, читая журналы, знала всё, что происходит в Европе» [6, с. 34].

Европейская образованность и высокая ценность образования, взгляд на мир через призму западной культуры, осознание своей принадлежности одновременно к России и всей Европе – это те признаки европеизма, которые сформировались в структуре идентичности пермяков как жителей университетского города. М. А. Осоргин, побывавший в Перми в 1916 г. на открытии университета, ощущал себя как «европеец, вернувшийся в захолустье» [26], таким было его восприятие «провинциального русского города, спящего в передней культуры» [26]. Однако молодые столичные профессора и приват-доценты, прибывавшие в пермский университет,

внесли в городскую жизнь свою энергетику. Оценивая роль университета в изменении атмосферы города, часто приводят воспоминания английского путешественника Гринвальда: «Центром всей культурной жизни явился университет. Это обстоятельство накладывает отпечаток на лицо города, ставшего своеобразным уральским Кембрижем» [29].

По словам нынешнего ректора университета И. Ю. Макарихина, Перми была сделана «многообещающая прививка интеллектуальной элитарности европейской культуры» [34]. Многие ученые до своей работы в Перми проходили обучение или стажировку в европейских университетах. Среди них историк Б. Л. Богаевский, два с половиной года слушавший лекции ведущих антиковедов Германии, Италии и Греции; Г. В. Вернадский, который учился в Германии во Фрайбургском и Берлинском университетах. Физик А. А. Фридман стажировался в Лейпциге, физиолог Б. Ф. Вериги три года находился в заграничной командировке, гистолог А. А. Заварзин учился год в Гейдельбергском университете, затем преподавал в Женевском медицинском институте. Биолог А. Г. Генкель работал в лабораториях Триеста и Берна. Этот профессор ботаники, владевший английским, немецким, французским, греческим, скандинавскими языками, кроме собственно научной работы занимался переводами, среди которых были не только труды Э. Геккеля и других биологов-эволюционистов, но и «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы и др. Европейская образованность благодаря этим людям влеталась в ткань городской жизни. Как точно заметил В. К. Кантор, подлинные русские европейцы не берут из Европы готовые результаты ее мышления, а формируют у себя такое же отношение к знаниям, к науке, какое существует там [12].

Этот «университетский фон» города запечатлен в городской исторической памяти при помощи разных, по формулировке Пьера Нора, «мест памяти»: мемориальные доски на здании корпусов университета с именами выдающихся ученых А. Г. Генкеля, Б. Д. Грекова, А. А. Заварзина, В. В. Вейдле, В. Н. Беклемишева; учрежденная в университете в 2010 г. медаль «За фундаментальные работы и перспективные исследования» имени А. А. Фридмана; Ботанический сад им. Генкеля, отметивший 90-летие в 2012 г.

Среди части университетской профессуры более позднего советского периода черты европеизма удивительным образом продолжали сохраняться, проявляясь в сохранении таких ценностей, как свобода мысли, творчества, свобода от жестких идеологических рамок и ограничений. В культурно-исторической памяти разных частей пермского сообщества устойчиво зафиксированы яркие образы людей, воспринимающихся носителями этих ценностей. Среди способов сохранения этих образов – устные и письменные воспоминания. Эти люди не были буквально диссидентами, однако, по

точному замечанию Л. А. Фадеевой, «если вводить диссидентство в более широкий контекст диссинтерства и нонконформизма», по диссидентской поведенческой модели в несвободной стране они вели себя как свободные люди [45; с. 134]. В этом смысле в коллективной памяти сообщества пермских историков (и не только историков) «работает» образ профессора Л. Е. Кертмана, чьи методологические гипотезы и научный стиль органично укладывались в русло европейской научной продукции, раздвигая жесткие идеологические рамки официального дискурса гуманитарных наук [23; с. 31-32]. Подобным образом, актуализируя ценность свободы в коллективной памяти пермского естественно-научного сообщества, «работает» образ профессора И. Г. Шапошникова, основателя кафедры теоретической физики. Один из его учеников и коллег Ю. А. Непомнящий в поэтической форме охарактеризовал атмосферу, созданную профессором на кафедре:

*Был физики пленительный туман.
Идеи в творчестве, и в жизни – идеалы.
И также дань была – бумаг пустых буран,
Идеологии казенной ритуалы.*

*Но здесь не допускали клевету
Из демагогии злодейского закваса,
Что превращает мир преданий и мечту
В злоеущий миф с названьем «класс» и «раса» [28].*

Помню, как другой его аспирант как-то в шутку мне сказал: «Я ученик Шапошникова, Шапошников – ученик Капицы, Капица – ученик Резерфорда. Значит, я – ученик Резерфорда!» Эта шутливо сформулированная логика – свидетельство ощущения включенности в европейский универсум.

Чувство принадлежности к европейской культурной общности находит многообразные проявления. Так, успешное присвоение Пермью фигуры мецената и антрепренера С. П. Дягилева, уроженца города, стало возможным не только и не столько благодаря целенаправленной политике памяти, проводимой в городе, сколько вследствие этого исторически сформировавшегося ощущения общности с европейской культурой. Набор способов, с помощью которых в исторической памяти горожан сохраняется, фиксируется и передается дальше память о С. Дягилеве как части общего прошлого, разнообразен: международный фестиваль «Дягилевские сезоны» в Перми; расположенная в родовом доме Дягилевых гимназия № 11, носящая его имя; созданный там мемориальный музей; не осуществ-

вившаяся, но обсуждавшаяся идея назвать пермский аэропорт «Дягилев» и др. Традиционно среди практик коммеморации немалую роль играют юбилейные даты, становясь своеобразным катализатором в «работе» исторической памяти. 140-летний юбилей С. Дягилева в 2012 г. был отмечен многочисленными выставками, организованными в музеях, архивах и библиотеках города: «Гражданин Перми», «Сам Дягилев», «С. Дягилев и художественная культура XIX–XX вв.» и др.

Инъекции европеизма в пермский социокультурный организм зачастую были связаны с редкими добровольными и гораздо чаще – вынужденными перемещениями в город людей европейской культуры, чьи следы пребывания в Перми многочисленными вкраплениями присутствуют в городской исторической памяти.

Мемориальная доска на здании на углу бывшей ул. Покровской и Сибирской напоминает о первом в Перми книжном магазине, открытом здесь ссыльным поляком Юзефом Пиотровским. Участник Польского восстания 1863 г., оказавшись в ссылке в Перми после каторги, стал настоящим пермским просветителем, заметно повлияв на атмосферу города. В воспоминаниях краеведа В. В. Молодцова отмечено, что магазин Пиотровских «несомненно, являлся «очагом культуры», хотя и очень скромно выглядел в сравнении с другими магазинами, витрины которых манили яркими огнями и товарами». Запомнились автору мемуаров «продавцы, пожилые люди интеллигентного вида, более похожие на врачей или провизоров» [13]. Сегодня лучший книжный магазин города взял себе название «Пиотровский», подчеркивая стремление на своей культурно-коммуникативной площадке объединять пермских и столичных интеллектуалов-гуманитариев, сохраняя таким образом память о Ю. Пиотровском в историческом сознании горожан.

Значительные миграционные потоки в Пермь (тогда Молотов) были связаны с эвакуацией периода Отечественной войны. С началом войны в Молотовскую область было эвакуировано с рабочими и инженерами 124 промышленных предприятия. 64 из них разместились в областном центре. Вместе с предприятиями эвакуировались рабочие и инженеры. С заводами перемещались конструкторские бюро, среди которых были и так называемые «шарашки», где работали осужденные по 58-й статье ученые-изобретатели, часть из которых после освобождения осталась в Перми [52].

В Кировском районе Перми есть улица, названная в честь одного из них, талантливого инженера-химика Д. И. Гальперина, который много сделал для развития порохового производства, стал впоследствии главным инженером завода им. Кирова. Затем Давид Израилевич в годы усилившегося государственного антисемитизма покинул пост главного инженера, но, будучи профессором, возглавлял научную работу в связанном с этим

заводом НИИ, где за это время 100 сотрудников стали кандидатами и докторами наук.

В составе другой известной «шарашки» из тюрьмы «Кресты» в 1942 г. в Молотов был доставлен ведущий конструктор особого технического бюро (ОТБ) М. Ю. Цирульников, специалист по артиллерийским и ракетным системам. Группой инженеров-заключенных под его руководством были разработаны легкие и особо меткие пушки, за что Цирульников был по ходатайству наркома вооружения досрочно освобожден, но не реабилитирован. Уже после войны он вернулся из Ленинграда в Пермь, в 1947 г. утвержден главным конструктором завода № 172 им. Молотова, несмотря на такие анкетные данные, которые, как заметил О. Лейбович, цитирующий анкету Цирульникова, «привели бы в оторопь любого кадровика» [16; с. 30]. Работая потом многие годы главным конструктором машиностроительного завода им. В. И. Ленина и КБ «Машиностроение», М. Ю. Цирульников сделал блестящую профессиональную карьеру ракетчика. Позднее, перейдя работать в Пермский политехнический институт, профессор Цирульников создал научную школу проектирования ракетных двигателей на твердом топливе.

Если пройти по ул. Луначарского, то, миновав Технический университет, на торце дома 62б можно увидеть мемориальную доску с именем Михаила Юрьевича Цирульникова. На одном из Интернет-форумов есть страница «Ракетостроители. О всех ли мы знаем?», где размещен информационный материал о кафедре, основанной знаменитым конструктором. Неожиданно проницательное впечатление на фоне написанного официальным языком биографического текста производят заключительные слова: «Этот странный человек, обожженный лагерями, всю жизнь прожил под чужим именем (настоящее его имя – Моисей Юхнович). Он избежал фотографов, не торопился заводить друзей, самым тщательным образом уничтожал любые записи. Михаил Цирульников не отдал в жертву эпохе только одно – свой гениальный талант» [36].

В 1942 г. в Пермь был эвакуирован Ленинградский военно-механический институт. Он работал в 3 смены с 8 утра до 23 часов вечера и за военные годы подготовил 145 инженеров для оборонной промышленности. [25]. Возможно, очень тонок слой исторической памяти об этом эпизоде. Но из семейных рассказов моего отца, военного инженера Александра Михайловича Кобелева, хорошо запомнилось, как он, простой лысьвенский паренек, заканчивающий школу в последний военный год, мечтал учиться в «Военмехе», в настоящем питерском (интонационно это звучало почти как в «Кембридже») вузе, который волею судьбы оказался так рядом. В 1945 г. институт был реэвакуирован в Ленинград, и вчерашнему школьнику пришлось отправиться на учебу за ним следом. После окончания инсти-

туда он был направлен в Пермь, где многие годы с какой-то особой добросовестностью проработал в ракетной отрасли, за что даже получил редкий для мирного времени орден Красной Звезды. Отец на всю жизнь сохранил вкус к знаниям и очень уважительное отношение к образованию.

Я солидаризируюсь с Л. А. Фадеевой, которая в своем социокультурном и кросснациональном исследовании, посвященном интеллигенции, размышляя о профессиональной идентичности в ценностном измерении, точно подметила: «Профессиональная идентичность в широком понимании распространяется на разные категории профессий, но из *англосаксонского образца* (курсив мой – М. О.) в данное понятие вошли ценности профессионализма, компетентности, образования, репутации» [44; с. 134].

Важной частью пермской социокультурной реальности является творческая среда в самых разных ее проявлениях. Пермская городская идентичность в этом смысле находит себе опоры в прошлом. В исторических представлениях жителей Перми как театрального города присутствует факт пребывания здесь в военные годы эвакуированного Мариинского (тогда Кировского) театра. В связи с эвакуацией в наш город Ленинградского хореографического училища возникло и Пермское хореографическое, благодаря чему и сформировалась пермская балетная школа. «Дудинской пленительный взлет» [35], о котором писал В. Радкевич, присутствует в обыденном историческом знании небольшой части горожан, но имена А. Вагановой и Г. Улановой для пермяков – совсем не чужие. Памятная доска, посвященная трехлетнему пребыванию Маринки в Пермском оперном театре и установленная в 2011 г. на фасаде здания к 70-летию эвакуации, – одна из форм коммеморации этого эпизода пермской истории. «К сожалению, память имеет свойство стирать события и памятные, и трагические. Сейчас далеко не все уже помнят, что три года здание оперного театра было домом для ленинградцев», – заметил директор театра А. Пичкалев [3]. Восприятие городским сообществом пермского театра как части европейской культуры окрашено в этом случае чувством, если можно так сказать, «исторической благодарности» за тот последующий взлет пермского балета, который без ленинградского участия вряд ли мог состояться.

Фильм Б. Караджева «Эвакуационный роман», представленный пермякам в 2011 г., – другой способ сохранения и передачи представлений о прошлом, отличается и иной интерпретацией своеобразного эвакуационного десанта артистов, писателей, композиторов, художников, который рассматривается режиссером не только как культурный стимул, но и как вызов, приведший к столкновению столичной и провинциальной культур. В этом случае можно увидеть аллюзию на события «пермского культурного проекта», инициированного столичными культуртрегерами и краевой

властью в 2009 г., вызвавшего сильное сопротивление части пермского общества. Можно согласиться со многими исследователями памяти, которые признают, что «релевантность события обусловлена не историческим прошлым, а постоянно меняющимся настоящим, иначе говоря, «история памяти» анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого» [2; с. 55].

Европейский компонент общественно-политического пласта пермской идентичности представляется еще одним аспектом, заслуживающим рассмотрения в контексте исторической памяти. На рубеже XX–XXI вв. в пермской общественно-политической лексике зазвучало пришедшее извне метафорическое определение Перми как «родины российского либерализма». Именно так назвал свою книгу пермский журналист А. Никитин, оттолкнувшись от характеристики города, данной директором Московской школы политических исследований Е. Немировской, имевшей в виду «не только Петра Струве и Михаила Осоргина, родившихся здесь, а давние традиции пермского управления, пермского купечества и пермского общества вообще, со всеми его атрибутами гражданственности: массой свободной и независимой прессы, всяческими неформальными – вплоть до масонов – сообществами, почитанием судебной власти и уважением частной собственности» [20; с. 19]. В 2001 г. известный экономист и общественный деятель А. А. Аузан в отношении Перми предложил такой образ: «если географической столицей России является Москва, культурной – Петербург, то столицей гражданского общества – Пермь» [20; с. 20].

Автор первой метафоры опирается на историческое прошлое Перми, а автор второй в качестве аргументов подчеркивал разнообразие, инновационность и успешность современных пермских гражданских практик. Инструментализация названных метафор в процессе конструирования мифа о Перми как «либеральном городе» строилась на актуализации ряда пермских исторических особенностей, обозначившихся в конце XIX – начале XX вв. Это Пермское губернское земство, имевшее более демократичный состав, чем другие земства центральных губерний; самостоятельные органы городского самоуправления; гласность деятельности этих структур, обеспечивавшаяся регулярной публикацией отчетов и протоколов; активно действовавшие неформальные пермские сообщества (купеческие, попечительские, экологические и др.). Эти и другие проявления либеральных общественно-политических практик прошлого, от которых протягивается нить к уровню электоральной поддержки либеральных партий в конце XX – начале XXI вв., выделявшему Пермь среди других российских городов, стали «кирпичиками» для конструирования мифа о либеральном характере Перми.

Однако этим интерпретациям не хватало символического оформления.

Процесс городской символизации либеральных ценностей в начале 2000-х годов был инициирован и реализовывался либерально-ориентированной частью представителей краевой власти, гуманитарного научного сообщества, местных политиков. В деятельность по формированию либерального символа Перми активно включился московский историк, философ и политолог А. А. Кара-Мурза, бывший тогда одним из лидеров партии СПС и руководителем проекта «Либеральное наследие». Культурно-политическим героем пермского мифа, либеральным символом политического пласта пермской идентичности была призвана стать фигура крупного социального мыслителя, экономиста, политика – П. Б. Струве, уроженца Перми, сына Пермского губернатора. Замечено, что такая символическая модель – известный исторический персонаж, родившийся в территории и получивший впоследствии мировое признание – очень часто встречающаяся основа локального мифа о культурном герое [19; с. 63-64].

Продвижение избранного символа в пермское социокультурное пространство и вовне шло разными путями. Так, в Перми был проведен ряд международных конференций по проблемам истории, теории и практики либерализма, связанных с именем П. Б. Струве, а также с именами других либеральных мыслителей, имеющих пермские корни: 2003 г. – «Либерализм в России» (памяти П. Б. Струве и М. А. Осоргина); 2005 г. – «Россия в XX–XXI веках: долгое возвращение в Европу?» (памяти В. Вейдле); 2010 г. – международный семинар «Петр Струве и современность», посвященный 140-летию П. Струве; 2012 г. – научно-практическая конференция «Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры» (Пермь – Москва), московская сессия которой была посвящена идейному наследию П. Струве. В научных обсуждениях принимали участие крупные российские и зарубежные ученые, в частности, известный американский историк и биограф П. Б. Струве – Р. Пайпс.

Можно отметить и менее традиционные форматы продвижения данного либерального символа города. В ходе VIII Пермского форума 2012 г. был реализован независимый проект измерения доминант общественной жизни за прошедший год. В честь автора концепции «личной годности» и личной ответственности как основы экономического прогресса, социального благополучия и всестороннего развития страны проект получил название «Струве-рейтинг». Ранее в рамках другого проекта – «Имя Перми Великой» – в 2009 г. кандидатура П. Струве была предложена для голосования, однако пройти в финальную «семерку» шансов у кандидата не оказалось.

Можно ли говорить, что продвигаемый в течение более чем десяти лет символ пермского либерализма в лице П. Струве органично вписан в миф

о Перми как либеральном городе и эффективен для поддержки этой грани пермской идентичности? Очевидно, нет.

В отличие от других «культурных героев» Перми (например, С. П. Дягилева, Б. Л. Пастернака, В. П. Астафьева, А. С. Попова, продвигаемых системой образования, сферой культуры, общественными организациями), образ П. Б. Струве слабо закреплен в коллективной памяти жителей региона. Можно сказать, что он присутствует только в сознании небольшой части политической и гуманитарной региональной элиты, которая сама его генерировала и пыталась продвигать. Несмотря на немалое распространение либеральных ценностей в пермском массовом сознании, о чем свидетельствует электоральное поведение, этот образ оказался слишком сложным для принятия его в качестве политического символа.

Для эффективного использования символического капитала, полагают социологи, «политические символы непременно должны соответствовать своему содержанию» [32; с. 23]. Между тем сама система социально-политических взглядов П. Струве на протяжении его жизни претерпела такую значительную трансформацию и была такой «многослойной», что исследователи не устают спорить о том, либеральные или консервативные компоненты его мировоззрения были для него ключевыми. «Либеральный консерватор» или «консервативный либерал» – эти определения повсеместно встречаются в исследованиях наследия П. Струве [7; 10; 31]. Пожалуй, только Р. Пайпс, даже судя по названиям томов его двухтомной биографии П. Струве, видит в нем, прежде всего, либерала [27]. Тем не менее, противоречивость либеральных и консервативных компонентов системы взглядов П. Б. Струве затруднила присвоение его образа в качестве политического символа либерально-ориентированной частью пермского сообщества. Неслучайно, вероятно, установка мемориальной доски к 125-летию Струве на доме губернатора в Перми еще в 1995 г. была инициирована активистами пермского отделения Конгресса русских общин.

Среди источников формирования обыденного знания пермяков о прошлом особое место занимают те, что связаны с ценностью свободы. Пермская губерния с XVII в. надолго стала местом как уголовной, так и политической ссылки. В массовом историческом сознании жителей региона присутствует один из символических образов своей территории как края ссылок, лагерей, пересыльных тюрем, т.е. «территории несвободы», где ценность свободы имеет большой вес.

Свою роль в процессе конструирования исторической памяти пермского сообщества в контексте ценности свободы играют пространственные объекты, наделенные своими культурными смыслами и являющиеся буквально, по формуле П. Нора, «местами памяти»: «Королёвские номера», где провел последние дни Великий князь Михаил Александрович, убитый

большевиками в 1918 г.; пересыльный замок для этаплируемых заключенных, превращенный впоследствии в «Тюрьму НКВД № 2» (здание Пермского театра кукол); музей «Пермь-36» на территории лагеря для политзаключенных; памятник жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище и др.

Инструментализация памяти о прошлом происходит при помощи разнообразных коммеморативных практик, актуализирующих ценность свободы в структуре пермской идентичности. Среди них есть как формы, относящиеся к устойчивым традициям конструирования, сохранения и передачи памяти (научные конференции, чтения, выставки и др.), так и формирующие новые традиции (книги памяти жертв политических репрессий, подготовленные Пермским отделением общества «Мемориал»; поисковые экспедиции «По рекам памяти» молодежного «Мемориала», включающие как исследовательский компонент в формате устной истории, так и собственно коммеморативный – фиксацию бывших лагерей и поселений ГУЛАГа, установку там временных мемориальных знаков). Традиционным для пермского общественно-политического календаря стал День памяти жертв политических репрессий.

Среди аудиовизуальных источников конструирования этого сегмента коллективной памяти о прошлом – опера А. В. Чайковского «Один день из жизни Ивана Денисовича» в Пермском театре оперы и балета; опера Л. Бетховена «Фиделио», поставленная на территории музея-лагеря «Пермь-36»; документальный фильм «Огонь пылающий» об архиепископе Андронике; экскурсионный тур «Пермь ссыльная» и др.

Очевидно, что процессы, происходящие с исторической памятью, тесно связаны с «политикой памяти». И. М. Савельева и А. В. Полетаев полагают, что «историческая память», в контексте «политики памяти», трактуется прежде всего как функция власти, определяющей, как следует представлять прошлое» [40; с. 57]. Курс на десталинизацию, обозначенный в «политике памяти» российской власти в конце XX в., в начале нового тысячелетия сделал поворот на 180 градусов. В этих обстоятельствах акторами альтернативной «политики памяти» стали представители той части общества, для которой ценности свободы и институтов демократии, безусловно, приоритетны (либеральная интеллигенция, гражданские общественные организации и др.).

В рамках европейской ценностной системы находится и отражающаяся в пермской коллективной памяти одна из значимых черт – чувствительность к социальному, выражающаяся в том, что «человек в своей ипостаси свободного индивида не забывает о социальной стороне жизни» [24]. Пермские дом Грибушина, дом Мешкова, дом Любимовой символизируют не столько успешную экономическую деятельность предпринимателей

прошлого, сколько такие ценности, как социальная ответственность, социальная солидарность. Маркером пермской истории благотворительности в коллективной памяти о прошлом стал Пермский университет. На мемориальной доске университета высечено имя предпринимателя и мецената Н. В. Мешкова, чья энергия и настойчивость во многом обеспечила Перми в 1916 г. статус университетского города. Передача Н. В. Мешковым городу в дар для университета ранее построенного им ночлежного дома на Заимке заложила своего рода фундамент для будущего развития университета.

Этот сегмент исторической памяти заметно актуализируется в сегодняшней ситуации, когда благотворительность вновь начинает становиться все более заметным социальным трендом. Хорошо известны в регионе акции волонтеров молодежного «Мемориала» «Чистые окна» – помощь репрессированным по ремонту и уборке квартир. Современные коммуникационные технологии дают возможность быстрого доступа к информации о тех, кто нуждается в помощи, оперативного взаимодействия и поиска эффективных форм деятельности. Такова акция «Поможем Губахинским бабушкам!» [22], возникшая, когда в Сети появились сведения о том, что после расформирования дома престарелых 20 одиноких старушек, забытых государством, остались жить коммуной в непригодном помещении старой школы. Сразу после наводнения на Кубани летом 2012 г. в социальных сетях возникли группы «Помощь Крымску из Перми» [33], «Пермь помогает Крымску» [30], участниками которых была быстро собрана и отвезена гуманитарная помощь, а приехавшие из Перми волонтеры помогли пострадавшим от наводнения справиться с его последствиями, регулярно оповещая участников группы о наиболее острых потребностях в помощи.

Одним из ярких примеров чувствительности к социальному стала акция «Дедморозим», инициированная молодым активистом Д. Жебелевым и широко подхваченная пермской Интернет-средой. Индикатором общественной оценки этой благотворительной деятельности стало присуждение в 2012 г. координатору проектов «Дедморозим» Дмитрию Жебелеву «Строгановской премии» пермского землячества. Номинированный на эту премию гражданский активист победил в общественном голосовании с огромным отрывом. Своеобразным подтверждением высокой ценности социальной ответственности и социальной солидарности в структуре пермской идентичности может служить отклик на этот факт пермского журналиста и блогера О. Коневских: «Когда-нибудь люди скажут, что горды знакомством с Димой. Ну, или тем, что жили с ним в одном городе» [14].

Обращение к содержанию исторической памяти позволяет говорить о том, что европейский компонент вплетен в структуру пермской идентичности. Как сформулировал А. Мегилл, «если память – побочный про-

духт прошлого опыта, то коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [18; с. 116].

Признаюсь, что все, предложенные вниманию читателей выше размышления, на самом деле были попыткой ответа на вопрос, который сформулировал Дэвид Лоуэнталь в своей книге «Прошлое – чужая страна»: «Какие аспекты былых времен позволяют нам утверждать и расширять нашу идентичность, приобретать и поддерживать свои корни, обогащать жизнь и окружающую нас среду, принимать или же бежать от подчас невыносимого настоящего?» [17; с.106].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Архипова Н. П. В. Н.Татищев – первопроходец уральской географии // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Вып. 5. Екатеринбург, 2003.

2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

3. В Перми появилось место душевного единения пермяков и питеццев. Сайт 59.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://afisha59.ru/text/today59/464393.html> (дата обращения 22.05.2013).

4. Вахрамеева Е. Е. Феномен российского европеизма и его ранняя история в свете современной историографии/ Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(18).

5. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы //Неприкосновенный запас, 2005. №2-3(40-41) [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>.

6. Вигель Ф. Ф. Воспоминания. Ч.1. М., 1864.

7. Гайденко П. П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) / Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой, В. К. Кантора. М., 2012.

8. Европа – Азия. Демаркация границы // География. ИД Первое сентября 2002. № 42 [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200204205.

9. Европа или Азия? // Социологическое ведомство оперативных исследований [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://svoi.org/264-evropa_ili_azija.html.

10. Жукова О. А. Единство культуры и политики: либерально-консервативный проект П. Б. Струве в созидаании России / Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой, В. К. Кантора. М., 2012.
11. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М. 2006.
12. Кантор В. К. Феномен русского европейца. М., 1999.
13. Книжный магазин Петровских. Сайт «О земле Уральской» [Электронный ресурс] Режим доступа: URL http://www.uralhistory.ru/zhivaya_nitj_vremen/knizhnyj_magazin_petrovskih (дата обращения 22.05.2013).
14. Коневских О. Гордости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://reportperm.livejournal.com/903712.html> (дата обращения 22.05.2013).
15. Крылов М. П. К теории региональной идентичности (по материалам европейской России //Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября, 2010 г.) М., 2010.
16. Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М. 2008.
17. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб. 2004.
18. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
19. Нечаев В. Д. Региональный миф в процессе становления российского федерализма /Полития. 1999. №11. 63-64 с.
20. Никитин А. Пермь – родина российского либерализма. М. 2004.
21. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб. 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.
22. Нужны волонтеры в дом престарелых [Электронный ресурс] URL: <http://teron.ru/index.php?showtopic=1114970&st=80> (дата обращения 22.05.2013).
23. Оболонкова М. А. Европейский гуманист в Перми // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». Вып. 2. (19). Пермь, 2012.
24. Орлов Б. Европейские ценности в контексте глобальных процессов// Вестник Европы. 2002. № 7-8 [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/orlov.html> (дата обращения 22.05.2013).
25. Основные вехи истории университета в картинках и лицах. Сайт Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» [Электронный ресурс] URL: <http://www.voenmeh.ru/university/history/story> (дата обращения 22.05.2013).
26. Осоргин М. А. Времена. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=152233>.
27. Пайпс Р. Струве – Биография. Т 1: Струве: левый либерал, 1870–1905.; Т.2: Струве: правый либерал 1905–1944. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

28. Памяти Ивана Григорьевича Шапошникова // Пермский университет. 2000 г № 9 (1696)
29. Пермский университет. Спецвыпуск, июнь 2012 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0435/gazeta_DOD_12.pdf (дата обращения 22.05.2013).
30. Пермь помогает Крымску. Открытая группа [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/club40850740> (дата обращения 22.05.2013).
31. Полторацкий Н. П. П. Б. Струве как политический мыслитель. Лондон, Онтарио. 1981.
32. Помозова Н. Б. Символы как инструмент управления формированием гражданской идентичности: сравнительный анализ России и Китая Автореф. дисс. на соискание уч. степени кандидата социологических наук. М., 2012., 23 с.
33. Помощь Крымску из Перми 12.07 [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/club40805016> (дата обращения 22.05.2013).
34. Приемная кампания в классическом университете. Гость ректор Пермского государственного национально-исследовательского университета Игорь Макарихин [Электронный ресурс] URL: <http://www.echoperm.ru/efir/4/32204/> (дата обращения 22.05.2013).
35. Радкевич В. Семизатка [Электронный ресурс] URL: <http://metrosphera.ru/history/streets/?pub=68> (дата обращения 22.05.2013).
36. Ракетостроители. О всех ли мы знаем? Сайт «Российская военная техника». [Электронный ресурс] URL: <http://russianarms.mybb.ru/viewtopic.php?id=1014> (дата обращения 22.05.2013).
37. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 21. М., 2007.
38. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
39. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом. Теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
40. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008.
41. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития. // Полис, 2010, № 3.
42. Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). М., ИМЭМО РАН, 2011.
43. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния// Новая и новейшая история. 2000,

№ 4. [Электронный ресурс] Url: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/NIMEM.HTM> (дата обращения 22.05.2013).

44. Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигентские рефлексии на фоне перестройки // Вестн. Перм.ун-та. Сер. «История». 2012. Вып. 2 (19).

45. Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., 2012. 134 с.

46. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/NIMEM.HTM>.

47. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007;

48. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

49. Хорев В. А. Русский европеизм и Польша / Славяноведение. 2004, № 1.

50. Цимбаев Н. И. Европеизм как категория национального сознания (К пониманию западничества и славянофильства) // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003.

51. Чубарьян А. О. Российский европеизм. М., 2005.

52. Шевырин С. Пермские «шарашки» [Электронный ресурс] URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/permskie-sharashki.html> (дата обращения 22.05.2013).

53. Шукин В. Историческая драма русского европеизма // Вестник Европы. 2002. № 4.

ГЛАВА 7

ЛОКАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ КАК СТИЛЬ ПЕРМСКИХ ДЕБАТОВ О КУЛЬТУРЕ

Г. А. Янковская

Культурные войны по поводу региональной культурной политики, осуществляемой в Пермском крае с середины 2000-х гг., стали мощным стимулом для споров и столкновений по поводу «подлинной» и «навязанной» пермякам идентичности (см. десятки публикаций в рамках проекта кафедры политических наук историко-политологического факультета ПГНИУ «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации» [5, 10, 24]), «своей» и «чужой» культуры, «пришлых» захватчиков и «униженных» пермяках. За последние 5-6 лет бесперебойно работала индустрия по производству публицистических текстов, шли виртуальные потасовки в блогосфере, пробудился интерес к изучению феномена «пермской культурной политики». Ее содержательные приоритеты и практика во многих аспектах еще не изучены.

В самых общих чертах зафиксирована хроника «пермской культурной революции», дана обобщенная характеристика аргументов противостоящих сторон, рассмотрены первые результаты влияния новых культурных проектов и практик на городскую среду [21]. Отдельного внимания заслуживает риторический стиль лидеров мнений «лагеря» последовательной и непримиримой оппозиции пермского культурного проекта. Поскольку именно они продвинули в публичное пространство, дали голос определенному виду ксенофобии, имя которой – «локальный фундаментализм».

Ассоциации первого ряда с термином «фундаментализм» связаны с пространством веры и церкви. Фундаментализм в религиозно-культурном смысле обозначает определенные установки, стратегические цели и тактические принципы. Такие, как непримиримое следование канонам веры, сохранение традиций, апология священных текстов и авторитетов, строгий морализм, черно-белую картину мира, в которой нет места противоречащим ей суждениям и фактам. Любой фундаментализм отличается крайней нетерпимостью к оппонентам, милитаристской лексикой прямого конфликта и угроз (см., например, обзор историографии у К. Костюка [21]).

В последние десятилетия ряд явлений в социальной, культурной и политической жизни современных обществ был обозначен и осмыслен как фундаментализм в широком, светском смысле. На страницах социологических и политологических исследований, прессы, Интернета и других медиа постоянно встречаются высказывания о фундаментализме «гражданском»,

«культурном», «политическом», «большевистском», «либеральном», «рыночном», «научном» или, скажем, «пищевом» [13]. Можно было бы принять формулировки такого рода за семиотический шум, за риторический штамп. Но, как показывают исследования экспертов в различных областях гуманитарного знания (психологии, социологии, политологии, культурных исследований), фундаментализм нерелигиозного типа – это не просто фигура речи, это важная характеристика функционирования современных обществ.

Л. Г. Ионин рассматривает культурный фундаментализм как форму реакции на полистилистическую культуру эпохи модерна, как «тотализацию» какого-либо культурного стиля с его специфической доктриной, чувствами, нормами, опытом. Поскольку движения, ориентированные на преодоление релятивизма, проникающего во все поры современных обществ, предоставляют человеку возможности четкой идентификации, обретения под ногами «почвы», любой культурный стиль может быть фундаментализирован [11].

В той же логике развивалась аргументация П. С. Гуревича, для которого фундаментализм представляет собой одну сторону противоположных ориентаций в культуре – фундаментализма и модернизма. Он видит в нем проявление антропологической закономерности, обусловленной реакцией человека на растущую сложность жизни и ее постоянное обновление. «Не будь в культуре неизбежной, отчаянной погони за инновациями, не проступал бы фундаментализм в его навязчиво директивных формах», – подчеркивал П. С. Гуревич [7].

С точки зрения Э. Гидденса, светский фундаментализм состоит в жесткой оппозиции космополитизму и соотносится с развернувшимися в последние десятилетия во многих странах, регионах и городах битвами за идентичность: «Сегодня идет борьба между, по сути, различными формами фундаментализма и бережным сохранением принципа космополитизма. Фундаментализм этот не обязательно религиозный. Фундаментализм заключается не в том, во *что* вы верите, но в том, *как* вы верите в это и как вы относитесь к другим людям, верующим иначе. Я определяю фундаменталиста как человека, который в принципе отказывается вступать в диалог, кто считает свой образ жизни совершенным и достойным, а чужой – сравнительно низшим и недостойным» [6].

Именно таким фундаменталистским стилем аргументов и коммуникации отличается позиция лидеров мнений, публичных интеллектуалов и местных деятелей культуры, занявших непримиримо критическую позицию по отношению к «пермскому культурному проекту» 2008–2012 гг., в ходе которого в Перми и Пермском крае реализовывался эксперимент по выработке новой региональной культурной политики. Ее важнейшей ча-

стью было продвижение новой модели локальной идентичности: «Пермь – современный город, столица культурных инициатив, мегаполис культуры и искусства».

Импровизации местной власти в сфере культурной политики раскололи общество, чему было много причин, в том числе и потому, что новая модель пермской идентичности не сопрягалась с уже существующими мифами «пермистики».

Под этим термином сегодня подразумеваются очень разные явления: работы в области филологии пермских языков, социально-туристические проекты, литературное фэнтези, традиционное краеведение Прикамья. «Пермистика» представлена множеством разнородных исторических, этнографических, филологических, художественных, географических текстов и событий, продвигающих образы и смыслы региональной идентичности для Западного Урала и его столицы.

Многое из того, что сегодня сторонниками «пермской аутентичности» воспринимается как извечное, издревле этой территории присущее, есть результат активной деятельности в последние тридцать лет небольшой группы интеллектуалов, представителей творческих профессий, науки и СМИ, сумевших донести свои идеи до власти и общества. Так имя С. П. Дягилева – важнейшего компонента «пермистики» – стало ассоциироваться с Пермью только в конце 1980-х гг., после этапной выставки в Пермской художественной галерее, посвященной великому импресарию. Мифология «Пермь – родина писателя Пастернака» еще моложе, она утверждается в 2000-е. Не все эксперименты по продвижению новых маркеров пермской идентичности заканчивались успешно. Так не удалась попытка сделать из Перми «родину писателя А. Грина». Писатель А. Иванов был очень успешен в продвижении мифа «Пармы», образов героического и таинственного вогульского, финно-угорского прошлого Пермского края. Впоследствии им была очень успешно развернута мифология «горнозаводской цивилизации» как матрицы всего уральского региона. Однако его попытка укоренить образ «Пермь – родина Бабы Яги» потерпела неудачу. В одной из своих статей 2004 г., затем многократно цитировавшейся, А. Иванов утверждал, что Баба Яга появилась в русском фольклоре в XV веке, в то время, когда русские соприкоснулись с угорскими народами, населявшими Урал, и были свидетелями их обрядовых ритуалов. Для многих экспертов в истории фольклора эта идея не менее радикальна, чем тезис о «Перми – столице современного искусства» [8].

Одним из наиболее укоренившихся представлений пермяков о самих себе стал стратиграфический патриотизм, в соответствии с которым предметом особой региональной гордости выступает термин «Пермская система», заимствованный из стратиграфии – отрасли геологической на-

уки. Стратиграфия придает геологическим (и не только) представлениям масштабность и историчность, т.к. изучает напластования горных пород в историческом, временном разрезе. Стратиграфическая шкала служит своеобразным ориентиром, осью координат для многих отраслей знания и, как теперь стало очевидно, для визионерства населения целого региона.

Использование собственных имен, топонимики мест, где впервые были выявлены типы геологических разрезов, традиционно для геологии. В этой науке широко представлена вся географическая карта мира. Среди стратиграфических названий встречаются такие города и местности, как Вятский и Аквитанский, Северодвинский и Датский, Уржумский и Маастрихтский, Соликамский и Коньякский, Стерлитамакский и Оксфордский, Пражский и другие ярусы и горизонты. Если ни Оксфорду, ни Северодвинску, ни городам Коньяк или Маастрихт палеогеологический патриотизм не характерен, то именно из стратиграфии черпают аргументы творцы новых символов Прикамья.

Еще в 1970-е годы, когда в ответ на унификацию советского культурного пространства в регионах начинают культивировать приметы местной самобытности и праздновать юбилеи индустриальных городов, в альбоме о Перми можно было прочесть: «Есть несколько всему миру известных названий, которые употребляются с эпитетом «пермский» в единственном в своем роде значении: «пермские боги», «пермский период Земли», «Великое Пермское море»» [14, с. 63]. Позднее эта мысль будет выражена еще более категорично: «В этих названиях и сказывается самобытность Перми, ими, если хотите, она и красна» [15, с. 5].

Столь необычное обоснование уникальности Пермской земли было чуть позже дополнено не менее экзотическим тезисом о Перми – месте обитания звероящеров пермского периода. Стремление построить на геологии образ, с которым себя лично отождествляют жители Пермского края, вошло в традицию, широко представлено в краеведческих и глянцевого изданиях. В многочисленных публикациях последних десятилетий именно геология служит доказательством исключительности Перми по сравнению с другими российскими территориями, поскольку «имя города лежит в основе единственного русского названия в мировом геологическом календаре – «Пермской геологической системе» [18, с.1].

Стратиграфия помогает обосновать историческое значение Перми. Для многих пермяков геологическая древность территории компенсирует относительную историческую молодость города: «В истории Земли существует пермский возраст. Более 300 млн. лет назад здесь плескалось море, росли экзотические деревья, бродили гигантские ящеры. Потом море отступило, и начали вздыматься горы... С 1845 г. условный знак «Пермь» присутствует на всех геологических картах мира» [20, с. 9].

Автор процитированной «Поэмы о городе», говоря об исключительности Перми, допустил массу неточностей и ошибок. Начиная с того, что хронологические рамки «более 300 млн лет» соответствуют в геохронологической таблице совсем не пермскому, а каменноугольному периоду. Не были до сих обнаружены в пределах пермской системы гигантские ящеры. Да и «Пермь» как сокращенное наименование для геологической системы получило массовое распространение гораздо позже указанного 1845 г.

Но эти частности не имеют особого значения для носителей стратиграфического патриотизма. Геология, по мнению творцов современной городской мифологии, делает Пермский регион неповторимым даже в планетарном масштабе: «Более ни один город на планете не удостоился такой высокой чести, чтобы его именем был назван огромный пласт жизни планеты, пермский период, шестой и последний период палеозойской эры в истории Земли» [15, с. 27].

Примеры стратиграфического патриотизма пермяков можно без труда продолжить. Хотя эта особенность современного самосознания локальной культуры у стороннего наблюдателя может вызвать скорее снисходительную иронию, поскольку никакой заслуги жителей Прикамья в том, что некий период в геологической истории Земли получил название «пермский», нет. Появление этого термина – результат случая, пример ситуационной условности научных понятий.

Как сейчас уже широко известно, в 1841 г. Прикамье посетил шотландский ученый Родерик Мурчисон, который обнаружил здесь красноцветные отложения, не относящиеся ни к одной из известных на тот момент геологических систем Земли. Позднее Р. Мурчисон пришел к выводу, что эти напластования представляют собой новую геологическую систему, которую он и назвал по имени, где было сделано открытие, – «пермская система» палеозоя. Приоритет Родерика Мурчисона на открытие пермской системы и включение ее в глобальную стратиграфическую шкалу может быть и не состоялся бы без существенного содействия и помощи русского горного инженера, впоследствии – академика Н. И. Кокшарова, который перевел на русский язык и опубликовал в Горном журнале частное письмо Р. Мурчисона, в котором впервые говорилось об особой самобытной геологической системе. Позже аналогичные отложения были обнаружены на всех континентах. Если бы маршрут научной экспедиции Р. Мурчисона сложился иначе, пермская система могла бы носить совершенно другое имя.

Но шотландский геолог посетил именно Прикамье, и с тех пор изучение пермской системы является одним из приоритетных научных направлений геологической науки. Институт Пермской системы функционирует в штате Айдахо (США), в Интернете общаются «пермофилы» – исследователи пермской геологической системы. Прежде закрытый город Пермь стал

местом проведения международных конгрессов, посвященных изучению одноименной геологической системы [Пермская система земного шара. 1991]. Здесь ведет исследовательскую работу Международный институт геологии пермской системы при Пермском государственном университете.

Политтехнологи в начале 2000-х гг. – в пик популярности пермского стратиграфического патриотизма – говорили о пермской системе и пермском периоде как о «системном бренде» города и области. По их мнению, это позволяет продемонстрировать неповторимое своеобразие всего региона, связанное с героической эпохой великих открытий в геологии первой половины XIX века, а также «привлечь дополнительные инвестиции в региональные экономические, образовательные, просветительские и экологические программы» [17].

Этот и другие примеры демонстрируют, что ориентирами для пермской политики идентичности до старта «культурного проекта» были события, образы прошлого (далекого или не очень), но никак не актуальной современности или будущего.

Эта особенность представлений пермяков о самих себе и своей территории является одной из содержательных предпосылок негативной реакции на новую культурную политику. Для фундаменталистской культурной установки возврат к истокам, восстановление традиции является базовой характеристикой, упрощение, редуцирование традиции – специфическим качеством, алармизм, нагнетание ощущения угрозы, нетерпимость – стилистикой, стремление вернуться к утраченному любой ценой – целью.

Локальный фундаментализм оппонентов новой культурной политики в пермских идентификационных войнах проявлялся и проявляется в следующем:

- апелляция к пермской традиционной идентичности, что бы под этим ни понималось, критика всего того, что не считается своим, местным, убежденность в том, что необходимо пестовать и взращивать исключительно местные инициативы, пермскую или уральскую идентичность;

- коммуникативные практики и риторика «холодной культурной войны» (отказ от компромиссов, переговоров, милитаристская лексика, прокурорский тон и стилистика дискуссий и т.д.);

- призывы к прямому действию (одним из результатов таких призывов стали спровоцированные критиками культурной политики акты вандализма, выразившиеся в попытках сжечь объекты пермского публич-арта: «Ротонду» А. Бродского (в дальнейшем представляла российское искусство в Лувре и Милане) и «Пермские ворота» Н. Полискового);

- высокая степень персонификации социально-политических процессов (демонизация М. Гельмана, Б. Мильграма и других лидеров «пермской культурной революции». Типичное высказывание А. Иванова на этот счет

звучит так: «Не хочется демонизировать Гельмана, но с ним, как с дьяволом, сделок не бывает. Компромисс недостижим». – Из ответов на вопросы читателей на официальном сайте писателя Алексея Иванова в сентябре 2010 г. [22]);

- риторика героизма и самопожертвования;
- апелляция к «священным текстам» (авторитетам «пермистики»);
- категоричное априорное неприятие действий и намерений другой стороны, выразившееся в «провинциальной ксенофобии» (формулировки И. Аверкиева из цикла статей «Пермь слишком долго прощается с Пермским культурным проектом [19]).

Противники «пермского культурного проекта» внедряли в публичное пространство риторику гибели «пермского эксклюзива». Так, волна паники была поднята в связи с гастрольной выставкой пермской деревянной скульптуры во Франции. Распространялись слухи, что «для деревянных скульптур это катастрофа: их даже с места на место в зале передвигать нельзя». Стенаниями и уничижительной критикой сопровождалась история открытия Музея пермских древностей (на основании того, что профессионалов, представителей Московского музея палеонтологии, привлекли к его проектированию, а пермских геологов – нет). Ежегодным пиар-ходом в Прикамье стали алармистские слухи о закрытии этнофутуристического фестиваля КАМWA.

Вместо сверхамбиций культур-реформаторов выдвинули «теорию малых дел» и умеренных амбиций (ведь изменения в сфере культуры на уровне повседневности происходят, как доказал Ф. Бродель, во временных рамках «большой длительности»). Пермь должна стать городом, адекватным своему (т.е. не столичному) культурному потенциалу.

Еще одна идея, сформулированная А. Ивановым летом 2009 г., заключалась в отказе от коммуникации с деятелями «пермского культурного проекта»: «Надо игнорировать их «культурную» деятельность, ни в коем случае не участвовать в их мероприятиях, не пытаться с ними договариваться» (цитируется по статье «Нового компаньона» [16]).

Идея бойкота сопрягалась с идеей «мобилизации на отпор врагу» и мускулинизацией лексики. «Тревога! НАС ИСПОЛЬЗУЮТ. Это чувствуют все, в ком есть *хоть капля тестостерона... Отпор* «культурным революционерам» – это один из шансов для города стать самим собой» (развернутую аргументацию см. в серии статей И. Аверкиева [3]).

Эти лозунговые призывы были сформулированы одним из самых эмблематичных символов и действующих лиц локального фундаментализма – ярким публицистом и полемистом, гражданским активистом и правозащитником Игорем Аверкиевым. Ему принадлежит идея и авторство «Манифеста правозащитного фундаментализма», опубликованного еще

14 января 2007 г. в канун экспериментов региональной власти в сфере культурной политики [2]. В манифесте был задекларирован именно тот стиль дискуссий и действий, который стал неотъемлемым компонентом полемики вокруг «пермского культурного проекта».

Представление об особенностях активизма такого рода можно составить по обширной цитате из того документа (фундаменталистская лексика обозначена курсивом): «Правозащитный фундаментализм – это радикальное, *бескомпромиссное возвращение к истокам, к основам, к изначальному смыслу*. Фундаментализм в российской правозащите – это возвращение или переход: *от борьбы с режимом к преследованию* врагов прав человека, от защиты прав человека к *возмездию* за их нарушение, от обороны к *нападению...* *Возмездие – это наказание как общественное благо*. Правозащитный фундаментализм конкретен: индивидуализация, *персонификация врага* прав человека, адресность *возмездия...* Правозащитный *радикализм*, правозащитная *жесткость* – это *упорство в возмездии, стойкость в сопротивлении, бескомпромиссность* в заступничестве... *Только искреннее раскаяние нарушителя* прав человека может остановить правозащитного радикала... Наказание не только и не столько как судебное возмездие, но и как *моральное обличение*».

И. Аверкиев, писатель А. Иванов, журналисты В. Бубнов и Ю. Баталина и многие другие фундаменталистские критики «пермского культурного проекта» следовали этому кодексу «*бойца правозащитного сопротивления*», последовательно выстраивая дискурс «колониального захвата», «культурной интервенции», «московской экспансии», «унижения туземцев-провинциалов», «циничного истребления исконной пермской культуры», «вымирания пермских культурных продуктов». Рядом отстраивались цепочки мемов «провинциальное / подлинное vs столичное / суррогатное», «московские ловкачи облапошивают местных», «пермская клика сподвижников Гельмана», «культурный оффшор».

Важно подчеркнуть, что публичные ристалища по поводу защиты «пермскости» имели четко сформулированное прагматическое целеполагание – перераспределение бюджетных средств, переориентацию финансовых потоков на реализацию местных культурных инициатив. В чеканной формулировке А. Иванова этот тезис звучал и в вульгарной версии («хватит пилить бюджетное бабло»), и в концептуальной: «У власти есть определенный и очень простой критерий – свое и чужое. Вот на свое мы деньги тратим, на чужое – нет. Для бюджета, регионального бюджета, для власти главное – это местное. Развивать местное, вкладывать в местное, покупать местное» [16]. Если А. Иванов под местным понимал региональную мифологию, «местную цивилизационную специфику», то аргументация других adeptов пермской исключительности очень часто строилась на «праве поч-

вы» – тезисе о том, что уроженцы и жители Перми должны иметь преимущественное право на поддержку, внимание и финансирование своих культурных инициатив просто потому, что они являются резидентами этой территории.

Ряд придуманных и реализованных «захватчиками» проектов, когда вызывавших непримиримую критику, был фундаменталистами символически присвоен, маркирован как «свой» и теперь представляется публике как результат действий не культур-реформаторов, но «суровой пермской общественности» (реконструкция Пермского краевого музея и появление Музея пермских древностей, фестиваль «59 фестивалей 59-го региона», фестиваль современного искусства «Живая Пермь», фестиваль «Движение», успехи Пермского театра оперы и балета под руководством Т. Курентзиса).

В нигилистском запале фундаменталистской риторики теряются критические рассуждения о состоянии и характере пермского культурного контента. Скажем, поздние статьи-выпады И. Аверкиева «Пермский культурный пузырь» (сентябрь 2009 г.) и «Пермь слишком долго прощается с пермским культурным проектом» (декабрь 2012 г.) заслонили его высказывание весны 2009 г.: «Любая внешняя инъекция в застойный организм пермской культуры полезна: или для развития организма, или для тренировки иммунитета. «Московские проекты» в Перми – это, как минимум, вне зависимости от вкуса и пристрастий наблюдателя, повод для расширения кругозора пермской публики, для ориентации в мировых культурных контекстах и т. п.». Что касается не всегда свежего «московского продукта», то здесь, по-моему, не обойтись без одной неприятной для пермяков правды. Даже если «москвичи» привозят «б/у», «второй сорт» и прочее, то, в отличие от нашего «второго сорта», их «второй сорт» почти всегда качественно и мастерски исполнен. Это всегда более или менее современный «второй сорт» или, как минимум, не архаичный, как многие образчики пермского «второго», а иногда и «первого сорта» [1].

Потонули в криках блогеров о «вражеском нашествии» и взвешенные рассуждения писателя Владимира Соколовского: «Как ни парадоксально это звучит, но, как мне кажется, в Перми культурные «верхи и низы» сейчас, по сравнению с советскими временами, диаметрально поменялись местами. Если раньше власть стремилась «держать и не пущать», то теперь некоторые пермские люди от культуры, рангом пониже, стремятся сделать то же самое. Не в этом ли суть их призывов «не пускать варягов», «сохранить самобытность местного культурного ландшафта?» [23].

Безусловно, в том, что культурное противостояние приняло столь открытые и радикальные формы, ответственность лежит на всех участниках конфликта. Творцы «пермской культурной политики» стали объектом

критики за стилистические, смысловые, административные, технологические ошибки, допущенные ими в ходе реализации реформаторского курса, за созданную ими ауру переворота, за фаворитизм и кулуарность принятия решений, за нежелание или неумение работать с местными сообществами.

Но то, что в публичном пространстве и в обыденных представлениях пермяков утвердился язык и культурные смыслы локального фундаментализма, – это уже ответственность адептов «пермистики» и местных публичных интеллектуалов. Было бы продуктивно, если бы они как представители определенного сообщества, стремящегося в рамках борьбы за идентичность реализовать определенные цели, смогли бы услышать голос Э. Гидденса: «То, против чего я решительно выступаю, – это против положения о том, что политика идентичности должна быть превыше всего. Я думаю, что это и невозможно, и нежелательно. Должен существовать предел, грань, за которой вы должны отказаться от какой-то черты своей культурной идентичности» [5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверкиев И. Алексей Иванов прав, но... // Новый компаньон. 28 апреля 2009.
2. Аверкиев И. Да здравствует правозащитный фундаментализм // <http://www.hrights.ru/text/b24/Chapter2%201.htm>.
3. Аверкиев И. Пермский культурный пузырь // <http://www.pgpalata.ru/page/persons/culture#n11>.
4. Борьба за идентичность и новые институты коммуникации / Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М., РОССПЭН, 2012. 263 с.
5. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность // Отечественные записки. 2003, № 1 // http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_05.html.
6. Гуревич П. С. Фундаментализм как культурные ориентации // Общественные науки и современность. 1995 // http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf.
7. Иванов А. Угорский архетип в демонологии сказов Бажова // «Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире» Екатеринбург, январь 2004 г. http://www.arkada-ivanov.ru/ru/my_articles/UGORSKIJJARKHETIPVDE.
8. Игорь Аверкиев точно описал, что все знают, но... молчат // Новый компаньон. 3 ноября 2009.
9. Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). М., ИМЭМО РАН, 2011.

10. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., Логос, 2000.
11. Костюк К. Православный фундаментализм: социальный портрет и истоки // Полис, 2000. № 3.
12. Латынина Ю. Защита прав людоеда, или Либеральный фундаментализм // [Электронный ресурс] <http://www.novayagazeta.ru/society/6563.html>; http://www.xliby.ru/delovaja_literatura/potrebiteli_budushego_kto_oni_i_kak_ih_ponjat/p3.php.
13. Михайлюк В. Город мой Пермь. Пермь, 1973.
14. Михайлюк В. Пермский лексикон. Пермь, 2001.
15. Новый компаньон. 14 июля 2009.
16. Ожигбесов В. П., Минаев С. И. Парк Пермского периода в виртуальном пространстве и реальной экспозиции сада камней города Перми / Тез. докл. Всеросс. науч.-практ. конф. Ассоциации естественноисторических музеев России (14 – 18 окт. 2002 г.). М., 2002.
17. Пермь на ладони. Путеводитель. Пермь, 2001.
18. Пермь слишком долго прощается с Пермским культурным проектом // 13 декабря 2012. сайт Пермской гражданской палаты // <http://www.pgpalata.ru/averkiev/0114>.
19. Пермь. Поэма о городе. Фотоальбом. Пермь, 1998.
20. Пунина К., Ромашова М. Визуальные маркеры города: к вопросу формирования городской идентичности // Вестник Пермского университета. Серия Политология. Выпуск №4 (12), 2010.
21. Сайт Алексея Иванова. <http://arkada-ivanov.ru/ru/faq>.
22. Соколовский В. Мы не слышим друг друга // Новый компаньон. 30 июня 2009.
23. Специальный выпуск журнала «Вестник Пермского университета. Серия Политология», 2011.

ГЛАВА 8. МРАЧНЫЙ И НЕУДОБНЫЙ ГОРОД (ОЦЕНКА ПЕРМСКИХ РЕАЛИЙ В БЛОГОСФЕРЕ)

С. Г. Дюкин

Постиндустриальная реальность формирует собственные методы коммуникации, являющиеся частью новых социальных технологий, которые, в свою очередь, и составляют сущность обозначенного исторического типа общества. Безусловный интерес представляет проблема репрезентации смысла через текст, помещенный в информационном пространстве. Вопрос появляется там, где заканчивается конкретный субъект, использующий виртуальное пространство как техническое средство передачи сообщений, и возникает коллективный разум, заменяющий собой реальный социум. В этом случае складывается новая дискуссионная ситуация, оторванная от субъекта и помещенная в искусственные условия бытования. При этом в данной системе отражаются те же самые реалии, что и в сфере заинтересованности субъектов.

Оторванность обновленного дискурса от субъектности наделяет информационно-цифровой текст дополнительной привязанностью к общему содержанию культуры. Ярким примером подобного текста служит Интернет-сайт, заполненный блогами – электронными дневниками и сообщениями, доступными для посетителей сайта и служащими объектами для комментирования. Блог как источник информации располагается посередине между традиционным письменным текстом, вбирая свойства публицистической прозы, отражающейся в таких жанрах, как дневник или эссе, и коллективным обсуждением в сети определенной проблематики (Интернет-форум).

При работе с блогосферой значительно облегчается задача интерпретатора, который более не должен решать проблему соотношения в тексте общего и единичного, то есть социально-культурного и индивидуального. Весь текст становится вместилищем исключительно общекультурного содержания.

Концепты, указывающие на ментальные константы культуры, как правило, выявляются через дискуссионные темы, обсуждаемые в блогосфере. К таковым относятся архитектурный облик города, отношение пермяков к культурным инновациям, осмысление природы девиантности в регионе, отношение к региональной инфраструктуре, видение пермяками внутренней сущности собственной территории.

Критическая установка в отношении региональной сущности предопределяется социальными функциями блогосферы, одной из важнейшей

среди которых является самоутверждение. История и культура региона, местные реалии становятся тем *Другим*, на фоне которого должны проявиться личностные качества авторов. Немаловажной в проявлении критического посыла является симуляция вертикальной социальной мобильности. В данном случае асоциальная деятельность сублимируется через приписывание негативных черт «ближнему» социуму. Авторы блогов симулируют повышение собственного положения в обществе, занижая значение общепризнанных фактов.

В аспекте региональной рефлексии выделяется рационализованная критика и критика, апеллирующая к трансцендентному. В случае с Пермским краем, который выступает устойчивым объектом рефлексии в силу явного характера имиджевой политики, проводимой региональными властями (особенно во время губернаторства О. Чиркунова, между 2004 и 2012 годами), мы видим, каким образом сосуществуют два указанных направления.

Рационализированный критический дискурс складывается вокруг «импорта культуры». Имеется в виду активная деятельность московских культуртрегеров в Перми, их значительная роль в осуществлении культурной политики. Данная ситуация характерна для периода осуществления «Пермского культурного проекта», фактически завершено в 2012 году. Однако инерция обозначенной культурной политики осуществляется и по его завершении. По сей день остается актуальным противостояние местных «западников» и «почвенников», двух групп, одна из которых отстаивает приоритет внешних инноваций в культуре Прикамья, а другая защищает его исконную сущность.

Обозначенная деятельность сталкивается с активным сопротивлением части пермской интеллигенции, транслирующей свою позицию в обыденный дискурс. В блогосфере публицистическая и повседневная рефлексия органично соединяются. «Мне неприятно, что кто-то кричит обо мне (о моем городе), что я самый крутой и культурный чуть ли не во всей Европе. Я знаю свои недостатки, недостатки своего города. И хорошо понимаю, что это не так. Конечно, я бы хотел, что бы эти крики специально нанятых людей были правдой. Но это не правда. И мне стыдно» [24]. Таким образом формулирует свое негативное отношение к «чужакам» один из блогеров. В данном случае автор явно осознает, что служит причиной его дискомфорта. При этом, не пытаясь драматизировать ситуацию, он все же приписывает *выходцам извне* трансцендентные, мифологизированные черты.

Тип дискурса, формируемого в рамках обсуждения обозначенных проблем, имеет исключительно обыденный характер. Блогеры исходят из повседневного толкования названных явлений, подчас имеющего мифологическую основу. Речь идет о таких характерных признаках мифологического

сознания, как алогичная и конкретно-чувственная природа, а также отрицание необходимости в доказательствах. Носитель такого сознания уверен, что знает истину. В силу данного фактора, присутствующая в блогосфере модальная личность пермского регионального сообщества с достаточно высокой степенью редуцированности эксплицирует ментальные основы данной региональной культуры. Первым значимым элементом региональной картины мира можно назвать *социальный пессимизм*. Данная социокультурная установка носит субстанциональный характер. Она определяет прочие ментальные основания пермской культуры. Неверие в достижение возможных целей, бессмысленность деятельности эксплицируются в обсуждении пермского культурного проекта. Блогеры противопоставляют прогрессивную направленность культурной политики с ее постмодернистской направленностью бессмысленности Пермского края, отвергающего все новое и прогрессивное. Один из авторов характеризует причины отторжения идей «культурной столицы» следующим образом: «Это и фобия по отношению к инородцам-захватчикам (на этот раз их демонизируют через фашизм, что ещё более прекрасно), и откровенное нищесбродство. Нищесбродство, как мы знаем – это не отсутствие денег, а взгляд на любое явление через денежную призму» [16]. Один из блогеров заключает: «Можно любить женщину, а можно – почти женщину: резиновую женщину. Можно занять первое место в командном зачете на Олимпиаде, а можно – почти первое. Почти Европейский город может пытаться стать почти культурной почти столицей. Мне кажется «почти» и есть наша экзистенциальная периферийная характеристика» [6]. Близкую позицию высказывает продюсер движения Камва Наталья Шостина: «у нас, в Пермском крае, любая творческая мысль-идея-дело оседает в культурный слой. Там где подземные ходы – проваливается, там, где болото – тонет» [11]. Именно в данном сегменте отношения к проекту формулируются основные характеристики пермского социокультурного пространства: *неполнота, условность, искусственность, неустроенность, неукорененность*. Пермский культурный проект и Пермь одновременно противопоставляются друг другу и соединяются в невозможности собственной реализации.

Важное место в контексте, создаваемом вокруг пермского культурного проекта, занимает противопоставление *своего* и *чужого*. Активные действия адептов проекта (московский галерист М. Гельман, бывший министр культуры Пермского края Б. Мильграм, московский театральный режиссер Э. Бояков и др.) а priori воспринимаются как неприемлемые и бессмысленные. Апологетика проекта – удел исключительно его адептов. О. Чиркунову и М. Гельману свойственно форсировать ситуацию, что выражается в позиции, направленной на закрепление Перми позиций за пределами себя самой. Пермь и все пермское в этом аспекте нуждается в признании

«большими», *состоявшимися* объектами. Более явно эта позиция представлена в реакции на материал о пермских проектах в сфере культуры в одном из московских СМИ.

Риторика самого М. Гельмана, коего принято считать ведущим проводником идей «Пермской культурной революции», нанизана на установку о деградации Перми как о закономерном процессе, имеющем статичную форму. Его естественное существование – это потенциальный регресс. Для спасения необходима повышенная активность. «По моему мнению, город, если все оставить как есть – тихо угаснет. Согласны. Но тогда почему в стратегии нет острых, переломных моментов. Получается стратегия «замедления угасания», – пишет в своем блоге М. Гельман [20].

Однако оппозиция в отношении пермской культурной революции имеет еще одну сторону. Речь идет о сопротивлении центру, то есть столичному влиянию. Популяризация новых идей напрямую связывается с влиянием московской богемы во главе с галеристом М. Гельманом и дизайнером А. Лебедевым. Таким образом, рефлексия по поводу проекта вновь возвращается к попытке осознать социокультурную сущность собственного региона и приписать ему некоторые характеристики. В данном случае вырисовывается образ жертвы, третируемого субъекта. Пермь воспринимается тем, что должно вырваться из рамок вечной дихотомии «Москва–периферия», однако эта оппозиция навязывается Перми адептами нового культурного проекта. «Очевидно, губернатор попал в некую зависимость от «аппетитов» столичных «культурных деятелей». Он, видимо, вообще мало понимал, с кем имеет дело. И теперь ему сложно, да практически – невозможно дистанцироваться от этого профессионального московского арт-тусовщика!..» [7] – пишет на блоге губернатора один из пермских политиков и крупных бизнесменов. Москва превращается в *культурного врага*, влиянию которого необходимо сопротивляться.

Таким образом, апологетика проекта держится на видении Перми и пермского региона как догоняющего субъекта, нацеленного на реванш и на признание состоявшимися партнерами и соседями. Данная установка предельно тесно коррелирует с самовидением субъекта вторичной модернизации, каковым является Россия. Ситуация в Пермском крае в аспекте культурной политики представляет собой мини-модель обозначенной российской макроситуации. Существенным отличием является то, что необходимость экономического развития заменяется нацеленностью на преобразования в сфере культуры, что свойственно постиндустриальному обществу.

«Пермская культура сегодня опустошена, разобщена и унижена. Провинциальная культура – это живая ткань. На фоне всеобщей глобализации и сетевого маркетинга, мы с трудом отыскиваем артефакты местной куль-

туры, истории, быта. Как бы москвичи не смеялись над нашей аутентикой, ценность провинции именно в этом. В ней колорит, особенность, наив и уникальность. Столичным культуртрегерам это непонятно» [12], – подводит итог данному противостоянию Наталья Шостина. Через подобную позицию выдает себя противостояние «пермских почвенников» и «московских западников».

Критическая позиция в отношении пермской культурной революции, в отличие от апологетики проекта, дифференцирована. В блогосфере присутствуют, во-первых, те, кто уверен в невозможности осуществления потенциально плодотворных идей на пермской почве, во-вторых, противники проекта и, в-третьих, те, кто нивелирует как сами идеи, на которых строится региональная культурная политика, так и социокультурное содержание Перми и Пермского края.

Первая позиция отражена в трех из тридцати блогов, в той или иной мере затрагивающих исследуемую проблему. В данном случае блогеры противопоставляют прогрессивную направленность культурной политики с ее постмодернистской направленностью бессмысленности Пермского края, отвергающего все новое и прогрессивное. По их мнению, Пермь – символ отвержения всякого созидательного начала. Пермь наделяется блогерами такими характеристиками, как *пустота*, *бесплодность* и *неполнота*.

Один из авторов устраняет возможность интеграции идей «культурной революции», в основе которой лежат постмодернистские принципы, в собственном регионе. Виной тому – экономизм, характеризующий культуру индустриального типа. Другая причина потенциальной неудачи кроется в разрыве между культурами, прививаемыми властями, и презентационными возможностями города. «Хочется написать всякого про пермский аэропорт (на крыше речного нужно сделать свою взлётно-посадочную полосу, чтобы у гостей города была возможность как-то миновать этот ...)» [18].

Противники самого проекта, базирующегося на идеологии, которая не вписывается в пермскую культурную традицию, в наибольшей степени пользуются рационализированными аргументами, содержащими экономико-финансовую риторику. Именно такую же позицию занимают противники проекта в реальной сфере, возглавляемые писателем Алексеем Ивановым: нельзя тратить на эксперименты в сфере культуры огромные бюджетные средства. «Думаю, что НИКТО не станет возражать против того, что даже такие отморозки как тёма и даже такие псевдогалеристы как гельман ИМЕЮТ право на существование. но ПРИ ОДНОМ «НО» – ЗА СВОЙ СЧЁТ!» [8], – написано в одном из комментариев в блоге О. Чиркунова. Подобная позиция наиболее рационализированна, макси-

мально аргументированна и не связана с приписыванием тех или иных экзистенциальных качеств Перми и Пермскому краю.

Проникновение такой узкой, специфической темы, как региональная культурная политика, в блогосферу – пространство обыденной социальной рефлексии – знаменует стремление социума ввести в поле бытовых рассуждений тематику, связанную с постиндустриальными отношениями. На фоне абсолютно новой социокультурной реальности наиболее четко проявляется сущность того пространственного локуса, который рассматривает социум, в данном случае та его часть, в повседневную жизнь которой прочно вошел мир информационных технологий. Однако данная сущность не есть нечто статичное и абсолютное, это образ, сформировавшийся на сей момент и продолжающий формироваться усилиями наиболее активной части регионального сообщества.

На основании сказанного можно вывести такую установку, как ориентация на поражение, на неуспех. В отличие от социального пессимизма, вышеобозначенная черта связана с активностью, имеющей негативную направленность.

В той же рефлексии, связанной с культурной политикой, присутствует самосознание неполноты, недостаточной погруженности в реальность. Болезненное осмысление распада архитектурной целостности города, фатальной обреченности города на статус российской столицы аварий и катастроф, создает устойчивую установку на исключенность из реального, «настоящего» бытия. Данные культуремы пересекаются с социальным пессимизмом и ориентацией на поражение. Переплетение названных установок порождает самосознание обреченности на изоляцию, негативную особость. «Пермь какой-то несчастный город: сначала самолет, потом вот это...» [23], – пишет один из блогеров. Цитируемый пост (отдельное сообщение в блоге) посвящен транспортному инциденту, когда у автобуса, переполненного пассажирами, отказали тормоза, и он пронесся по одной из главных улиц почти до обрыва реки Камы. В эту же часть дискурса, посвященную катастрофам и авариям, прочно вошла тематика, связанная с пожаром в клубе «Хромая лошадь», при котором погибло более 150 человек. Рефлексия на эту тему, как правило, лишена рационального содержания и ориентирована на поиск глубинных причин этих негативных явлений, которые, по мнению блогеров, лежат в сущности самой территории.

Переходя из тематики катастроф к обсуждению общих городских тем, авторы Интернет-дневников стоят на той же позиции, экспонируя позицию обреченности пермского социума на особость, связанную с неудачей и несостоятельностью. «В этом городе дует сильный ветер, и живут пьющие люди» [14], – заключает автор одного из постов, посвященного пермской тематике.

На фоне критики культурной политики претензии в адрес сферы торговли и услуг выглядят более приземленными и редуцированными от трансцендентной реальности. Однако в случае с приписыванием тех или иных качеств региону происходит семиотическое смещение. Иначе говоря, на основе единичных маркеров, имеющих профанную природу, авторы выходят на широкие обобщения, используя коннотативные приемы. Например, один из блогеров делится информацией о нарушении законодательства одной торговой сетью. «Добрыня» продолжают продавать огурцы и помидоры из стран Евросоюза. И это несмотря на жёсткое распоряжение убрать с прилавков овощи из Евросоюза» [22]. Частный случай становится основанием для приписывания негативных черт городу и региону. Вывод: Пермь – город, в котором нарушаются права потребителей, не соблюдаются законы и т.д. Именно в такой логический ряд выстраиваются комментарии вокруг поста о нарушениях в данной торговой сети. В рассматриваемом нами сегменте блогосферы выстраивается целый мини-дискурс, основанный на подобных фактах, с помощью которых на основании коннотативной связи создается негативный образ Перми и Пермского края. Основаниями для приписывания негативных всеобъемлющих мифологических свойств региону становятся грязь на улицах и во дворах, наличие «долгостроев», задержка с подключением жилого фонда к теплоподаче и т.д.

Облик современного города – проблема не только собственно градостроительная, но и обыденная. Носитель постиндустриального сознания стремится моделировать культурное пространство. Его не устраивает данный ему ландшафт, так как последний, не подвергшись редактированию, есть носитель традиционалистской социальной дескриптивности. А потому на уровне обыденной рефлексии возникает дискурс переустройства городского пространства. Модальная личность современной культуры помещает в городской ландшафт собственное содержание. По мнению, М. Каганского, бесконечной емкостью смыслов обладает любой культурный ландшафт [1, с. 16]. Современная картина мира черпает смыслы из ландшафта городского. Еще одной важной причиной внимания к обитаемому пространству становится символическая роль последнего в социальном структурировании сегодняшней реальности. П. Бурдьё указывает: «Само социальное пространство и различия, проявляющиеся в нем, стремятся функционировать символически как пространство стилей жизни» [1, с. 69]. Типы городской застройки имплицитно становятся именно такими символами различных социальных групп. Отставание различных позиций в аспекте облика города – отчасти сублимация социального конфликта. В результате создается контекст, живущий в неформальных устных обсуждениях, на страницах печатных СМИ, но главное его место в Интернете, в частности, в блогосфере.

В виртуальном пространстве данный дискурс приобретает упорядоченность, сочетающуюся с оперативностью. Участники обсуждений снимают с себя статусные и территориальные ограничения, обзаводятся необходимой им степенью анонимности. Результатом становится многослойный гипертекст, прорастающий глубоко в виртуальный нарратив и укореняющийся в современной дискуссионной культуре.

Обсуждение пермской ситуации в аспекте архитектурного облика города – одна из наиболее устойчивых тем, волнующих блогеров Западного Урала. На основании данной темы во многом осмысливается имидж региона, понимается глубинная сущность территории. Тип застройки города становится критерием дифференциации блогеров, основанием для выстраивания партийности.

Наиболее традиционная из высказываемых позиций заключается в необходимости сохранения исторически сложившегося лица города. Данный тезис имеет два направления аргументации. В первом случае риторика блогеров связана с тем, что наличие исторической застройки в современных условиях является мощным туристическим ресурсом. Характерно следующее замечание: «Раньше было довольно уютно на Сибирской, 25 Октября. Если не «втыкать» туда высотки, то можно было бы сделать очень уютные улочки с подобными домами. Пример – дом на Петропавловской, напротив Деканата Медакадемии. Очень органично вписан в архитектуру» [9]. Архитектура, лишенная функциональности, привлекает внимание, компенсирует недостаток образного и необычного, играет важную роль в современной рекреации.

Второе направление аргументации в пользу сохранения исторической, переставшей быть функциональной застройки построено на связи между историческим обликом города и его культурной константой. Речь идет о традиции, без которой любая функциональность, в том числе касающаяся архитектурного облика пространства, не может быть воспринята социумом адекватно. Перми как типичному российскому городу противопоставляется Европа с ее мощным историко-культурным туристическим ресурсом: «туристы всего мира предпочитают средневековую Венецию «модернизированной» России» [19].

В немногочисленных случаях блогеры, осмысливающие пермский образ, не прибегают к критике, позиционируя город в качестве образца сохранения архитектурной традиции. «Зря вы так про наш город, у нас тоже сохранились еще прекрасные дома, например, на Кирова, Екатерининской, Советской, Петропавловской, Орджоникидзе, Ленина, в области Разгуляя – там вообще целый квартал имеется... На Газете Звезда 24а имеется прекрасный пример реставрации таких домов! К сожалению, мы уже много потеряли таких домов, например, на Пушкина и на Попова! Очень хочу,

чтобы до моей финансовой зрелости ещё остались дома из той эпохи и с тем духом!» [25].

Риторическая борьба за историческую архитектурную среду, подобно последнему случаю, выражается во фрагментации пространства. Историчность сводится к отдельным точкам. В конечном счете, речь может идти о брендинге пространства, то есть о выражении культурной сущности города в единичных символах историко-культурного характера.

Противоположная точка зрения, высказываемая блогерами, базируется на модернизационном подходе к облику Перми. В данном случае авторы постов и комментариев выступают за обновление городской архитектурной среды. Общий смысл их высказываний, как и у их оппонентов, критический. Если последние критикуют власть за равнодушие и попустительство в сохранении исторического центра, то сторонники модернизации застройки недовольны слишком медленной и нерешительной работой по освобождению города от старых зданий. Доминирующей целью провозглашается предельная функциональность городской застройки. Типичны следующие комментарии. «Мне кажется, что разумнее оставить в городе 2-3 таких дома просто как памятники, а остальное застраивать удобными комфортными домами!!! Иначе мы рискуем остаться в 18-19 веке! А жизнь движется в перед!!! Модернизация)))) (не к ночи будет помянута) на дворе!!!» [17], «историческую часть города оставить такую, какая она есть (реставрируя, естественно), а вот центральную часть города, включая набережную, там где уже все давно снесено, застраивать только высотными домами, офисными центрами, придавая городу неповторимый современный облик. Мы живем в современном мире, когда-нибудь наши предки и эти современные дома будут считать историческими и так же сохранять для истории» [21]. В постах и комментариях данного направления присутствует стремление закрыть тему, обозначив ее неактуальность и бессмысленность.

Представленные направления дополняются третьим, в некоторой степени снимающим обозначенные противоречия между указанными позициями. Значительная часть блогеров, озабоченных проблемой архитектурного облика города, указывает, прежде всего, на «серость» и «унылость» застройки города. Отсутствие выразительности и архитектурного лица – главная причина непривлекательности Перми, по их мнению. «5-ти этажная Россия. В любом городе из любого окна примерно одинаково унылый пейзаж» [13]. В данном случае проблема соотношения исторической и функциональной застройки выносится за скобки.

Еще одним из направлений обсуждения пермской городской среды является выявление архитектурно-инфраструктурных девиаций: расположение в центре города психиатрической и инфекционной больниц, множество «замороженных» строительных площадок, неоправданная рас-

тянучесть города, наличие множества отдаленных районов и т.д. Данный сегмент обсуждения пермской городской среды всецело пропитан иронией и игровым началом.

Описанный дискурс, как было замечено в начале, обладает множеством смыслов. В него погружено немалое число акторов. В общей сложности автором статьи обнаружено более пятидесяти блогов, в которых обсуждается данная проблема. Однако вряд ли можно говорить о возможности практической реализации заявляемых позиций. По сути, весь дискурс превращается в игру, в симулякр общественной деятельности. В рамках этой игры функциональность и ее отсутствие заменяют друг друга. Именно этот процесс характеризует отношение пользователей Интернета к архитектурному облику современного российского города, включая Пермь.

Важное место в этом ряду занимают факты, связанные с катастрофами и чрезвычайными происшествиями. К таковым можно отнести авиакатастрофу 2008 года, пожар в ночном клубе «Хромая лошадь» в 2009 году, автобус, пронесшийся по одной из главных улиц города из-за отказавшей тормозной системы, ограбление инкассатора Сбербанка и т.д. Данные события принципиально не рассматриваются блогерами в качестве частных фактов, будучи интерпретированными как проявления потаенной в трансцендентальной сфере негативной сущности региона. Характерен комментарий, данный по поводу крушения под Пермью военного самолета: «Карма у Пермского края такая» [10]. Обобщение, сделанное блогером, имеет явно мифологический характер: ассоциации превращаются автором в причинно-следственные связи, а последние, в свою очередь, подвергаются профанному синтезу, придавая законченный смысл территории. Таким же образом рассматривается криминальный фон Прикамья, которое по этому показателю занимает одно из первых мест в России. Возможность рационализации данной тематики редуцируется из данной сферы полностью, так как потребление и продуцирование новостей о катастрофах обусловлено подсознанием человека. «Благодаря ориентации на негативное, массмедиа вырабатывают в обществе беспокойство, а тем самым – способность приспособления» [2, с. 46]. Подобная установка переносится из привычных СМИ в виртуальную сферу за счет того, что блогеры воспроизводят содержательное наполнение массовой коммуникативной сферы.

Асоциальность пермской действительности подобным образом возникает в блогосфере в своей метафизической форме. Негативные социальные явления не поддаются анализу, авторам, как правило, не интересны причинно-следственные связи, возникающие в данной сфере. Достаточно типичен следующий фрагмент поста: «В Перми есть улица Туринская. К Турину она отношения не имеет, ибо названа в честь Туры. На этой улице

уже давно нет ни одного дома... Раньше на этой улице стояли бараки, а с 1981 года не стоит ничего. Только курят младшеклассники, промышленяющие добычей кожаных сумок и инкрустированных коммуникаторов у незадачливых барышень» [15].

Мифологизация отрицательных фактов пермской жизни способствует формированию всецело негативного образа территории, не поддающегося коррекции и рациональному преобразованию. В конечном счете, данный образ формулируется следующим образом: «Пермь – город смерти» [22]. Данному тезису предшествует обсуждение строительного происшествия (образование трещины в стене крупного торгового центра с последующим закрытием комплекса на ремонт), не повлекшего за собой ни смертей, ни увечий, ни паники. Мы видим, как гиперболизированная критическая установка порождает устойчивую мифологему, приобретающую характер символического содержания региона и его центра. Возникает замкнутый круг. Авторы блогов, тексты которых имплицитно нацелены на попытку исправления ситуации, реанимируют сложившееся у них порой иррациональное представление о регионе, способствуя формированию нового имиджа территории на основе негативных социальных и природных факторов. Город и регион воспринимаются как объект преобразовательной деятельности в силу своей ущербности и культурной невостребованности. Однако методом коннотации авторами высказываются серьезные сомнения в возможности данных преобразований.

Вокруг обозначенной ментальной ситуации возникает несколько вопросов, доминирующее место среди которых занимает проблема соотношения данной культуры с общими социальными настроениями. Что это: реакция местной интеллигенции на собственную невостребованность или устойчивая составляющая «пермской» картины мира? По мнению В. В. Абашева, пермская реальность обладает особой семантикой, в силу чего воспринимается как «место инициационного возрождения, иначе говоря, «Пермь – избранная земля, центр мира, и Пермь – гибельный город связаны неразрывно» [1, с. 143]. Подобная сущность места распространяется на всех, соприкасающихся с понятием *Перми*, вне зависимости от социальных маркеров субъекта восприятия. Одновременно есть ряд источников, указывающих на несоответствие блогерских «концепций» наиболее распространенному видению пермяками сущности региональной культуры. Так, согласно опросу, проведенному в рамках данного исследования, большинство пермяков в числе определяющих качеств местного сообщества называют *доброту, доброжелательность, трудолюбие, дружелюбие и открытость*. Лидирующие среди негативных качеств *некультурность, беспардонность, хамство и грубость* назывались опрашиваемыми в два раза реже, нежели *доброта и доброжелательность* [5].

Социальный пессимизм, негативное целепологание, самоощущение несостоятельности порождают осознание замкнутости местного социума, его оторванности от Большого, настоящего мира. Таким образом, формируется устойчивая картина мира, коррелирующая с культурой традиционного общества с его локальностью, ориентацией на бедность и аскезу. Принципиальным отличием от обозначенной ситуации является осознание ущербности ввиду наличия данных качеств: аскезы и бедность не служат делу религиозного смирения, а отдаляют пермяка от «настоящей жизни», которая обозначается на уровне столиц. Периферийность Прикамья в отношении ядра российской культуры оборачивается консервацией традиционалистского мировосприятия. Однако в условиях формального доминирования культуры индустриального типа традиционалистские культуремы приобретают кризисное состояние и подаются как девиантный тип ментальности, свойственный сообществу, неукорененному в собственном пространстве. Пространство воспринимается в качестве самостоятельного базиса культуры. Социум же становится отчужденным от этой культуры субъектом.

Противоречие такого рода представляет собой основу представления о сущности пермской культуры и пермского социума, зафиксированного в блогосфере. Ввиду того что данная позиция базируется на актуальной тематике (пермский культурный проект, катастрофы 2008-2009 гг.), ее сложно представить универсальной или характерной для длительного периода времени. Однако нельзя в полной мере абстрагироваться от обусловленности того или иного представления ментальными механизмами, которые, как известно, устойчивы в течение длительных периодов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь, 2008. 143 с.
2. Больц Н. Азбука медиа. М., 2011. 46 с.
3. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 69 с.
4. Каганский М. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. 16 с.
5. Опрос в рамках исследования «Пермь как стиль».
6. <http://chirkunov.livejournal.com/233217.html?thread=16847361>
7. <http://chirkunov.livejournal.com/233217.html?thread=16841985>
8. <http://chirkunov.livejournal.com/383966.html#comments>
9. <http://chirkunov.livejournal.com/336341.html?thread=27955413>
10. <http://chirkunov.livejournal.com/377972.html#comments>
11. <http://www.echoperm.ru/blog/expert/34/378/>
12. <http://www.echoperm.ru/blog/expert/34/312/>
13. <http://eugenyd.livejournal.com>
14. <http://grizzlins.livejournal.com/1418202.html>

15. <http://grizzlins.livejournal.com/583789.html>
16. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url>
17. <http://ibar70.livejournal.com/81401.html>
18. <http://kozlov.livejournal>
19. <http://legart.livejournal.com/901985.html>
20. <http://livejournal.com/search/?q=%D0%9B8>
21. <http://make-pic.livejournal.com/446.html>
22. <http://maksim-perm.livejournal.comtagпермь%20-%20город%20смерти>
23. <http://pojirala.livejournal.com/30724.html>
24. <http://pyakimovmihail.livejournal.comskip=10>
25. <http://sega21.livejournal.com/620.html>

ГЛАВА 9.

СТИЛИСТИКА ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ ПЕРМИ: «ГРАЖДАНСКАЯ СТОЛИЦА» VS «ПОЛИТИЧЕСКОЕ БОЛОТО» = «ГРАЖДАНСКАЯ ПОЛИТИКА»

В. С. Ковин

В Перми среди тех примерно 10–15% городского населения, которых можно отнести к современным «креативным», «новаторским» социальным группам и которые формируют городской полистилизм, безусловно, можно выделить группу пермских общественников, правозащитников и гражданских активистов, составляющих наиболее активную часть пермского гражданского общества. При этом само пермское гражданское общество весьма неоднородно, как и в большинстве крупных российских городов. Оно состоит из достаточно большого количества очень разнообразных по видам и направлениям деятельности общественных организаций, инициативных групп и самостоятельных гражданских активистов. Естественно, что в «специализированных секторах» пермского гражданского общества, в его микросообществах складываются и воспроизводятся свои практики, формируются свои стили гражданской и общественной активности. Тем не менее именно пермское гражданское сообщество является одной из тех городских социальных групп, которые находятся в активном поиске своей идентичности, пытаются ее осознанно конструировать и формируют собственную стилистику – т.н. «пермский гражданский стиль». В силу определенных обстоятельств, о которых будет сказано ниже, в Перми на протяжении многих лет наиболее публичным, общественно, а иногда и политически заметным «сектором» гражданского общества является группа правозащитных организаций и организаций, занимающихся так называемой «защитой общественных интересов». Именно в этой части пермского гражданского общества наиболее активно происходят процессы осознанного, в отличие от других общественных групп, конструирования «пермскости». Применяя обозначенные во вводных статьях методологические подходы, вполне допустимо говорить и о своеобразном «пермском гражданском конструктивизме», направленном на формирование «пермской гражданской идентичности», и о процессе своеобразного стилиобразования, т.е. формирования «пермского гражданского стиля». Причем, не особо преувеличивая, можно утверждать, что в данном достаточно узком по своему составу сообществе этот процесс становления стиля носит осознанный

характер как следствие постоянной рефлексии над задачами, эффектами и результатами своей деятельности, а также над способами их презентации вовне, в большую городскую среду. Пермский гражданский стиль активно вырабатывается его носителями.

Как извне, так и изнутри Пермь нередко представляется как своеобразная «территория благоприятствования» для развития так называемого «третьего сектора», для деятельности общественных и правозащитных организаций. Как правило, региональным и местным властям не приходится специально доказывать саму необходимость в их существовании¹. Властями НКО рассматриваются как один из потенциальных ресурсов развития региона. Пермякам, занятым в этой сфере, нередко приходится слышать сетования коллег из других регионов на то, что «у вас в Перми другая ситуация», «у вас к мнению НКО прислушиваются», то, что вы делаете, «в нашем регионе в принципе невозможно» и т.п. В значительной степени это так. Возможно, эта ситуация способствовала формированию «позитивной идентичности» пермских общественников. Идентичности, основанной не на противостоянии с местной властью, не на неприятии «пермских реалий», не «от противного», а на развитии и использовании потенциала «пермских условий» и «пермских возможностей» в интересах «пермского общества». Пермские общественники и активисты именно «пермские», но это не есть традиционное «почвенничество» и консервативный «местечковый патриотизм», их пермская идентичность скорее носит игровой и прогрессистский характер. Пермь – это пространство возможностей для реализации самых разнообразных социально-активных проектов и практик, именно это «пермское разнообразие» и представляется одной из базовых ценностей пермского гражданского сообщества. При этом те, кто не приемлет это «пермское разнообразие», кто проявляет признаки фундаментализма и монополизма в интерпретации пермской городской среды пермским гражданским сообществом отторгаются и маргинализируются.

---

¹ По данным Минюста, в Перми зарегистрировано более 2100 некоммерческих организаций (НКО) (в Пермском крае – более 4 тысяч), правда, подавляющее большинство из них – это спортивные, профсоюзные, ветеранские, религиозные, детские и молодежные организации, а также благотворительные фонды и ТОСы. Значительную часть из них составляют так называемые социально ориентированные НКО, оказывающие различные формы поддержки определенным социальным категориям населения. При этом по стране доля реально действующих НКО от общего числа зарегистрированных, как правило, оценивается в 40%. В итоге к «традиционным» гражданским правозащитным или общественным организациям, ставящим перед собой задачи защиты прав человека и общественных интересов, занимающихся гражданско-правовым просвещением, можно отнести не такое и большое число пермских общественных организаций (вряд ли более 20). Они и их лидеры всем достаточно хорошо известны, и, как правило, именно с ними и ассоциируются успехи в развитии пермского гражданского общества.

Как известно даже не особо посвященным в общественно-политические процессы Прикамья, начиная со второй половины 90-х гг. Пермь достаточно устойчиво ассоциируется с двумя общественно-политическими метафорами: «Пермь – гражданская столица России» [17]² и «Пермь – политическое болото». Первое утверждение принадлежит приезжавшим в Пермь московским экспертам (его авторство обычно предписывают Александру Аузану, затем оно неоднократно повторялось Людмилой Алексеевой [5] и другими московскими общественниками и правозащитниками), а второе является, скорее всего, продуктом внутреннего производства, распространенного в Интернет-среде, среди части пермских СМИ и блогеров.

По поводу первого пермские общественники периодически пытались и пытаются возражать³, но очередной приезд «москвичей» или встречи с представителями из других регионов снова и снова указывают на то, что «в Перми как-то не так, как везде». Скепсис по этому поводу среди части местных гражданских лидеров отчасти можно связать с мнением о том, что «столичность» прямо противопоставлена горизонтально организованному гражданскому обществу как таковому, поскольку предполагает выстраивание некой гражданской вертикали из условного «гражданского центра» к «регионам». Сам по себе отказ от претензий на «столичность» одновременно означает и отказ самим считаться «гражданской провинцией», и считать гражданской провинцией кого-либо в принципе⁴. На этом основании, не претендуя на статус формального центра гражданского общества в России, в свою очередь, пермские общественные деятели активно не приемлют естественный «столичный снобизм» части московских общественников и демонстрируют, по выражению директора Центра гражданского анализа и независимых исследований «Грани» С. Маковецкой «подчеркнутый антипровинциализм»⁵ пермской гражданской деятельности.

---

² Например, об этом сообщает страница о Перми в «Википедии».

³ Сам факт сохранения этой метафоры в «Википедии» и других Интернет-ресурсах, скорее всего, свидетельствует о ее принятии самими пермяками, по крайней мере теми, кто эти ресурсы создает и продвигает, резкая критика в блогосфере идеи «гражданской столицы» также отсутствует

⁴ В целом среди различных пермских кругов и в СМИ идеи о «пермской столичности» весьма распространены: «столица Урала», «столица либерализма», «столица авиадвигателестроения и такой-то промышленности», «третья столица балета», «столица культуры Поволжья», «физкультурстолица», наконец, претензии на «культурную столицу Европы».

⁵ Автор выражает благодарность Светлане Геннадьевне Маковецкой за неоценимую помощь и возможность в тексте использовать данные ей характеристики т.н. «большого пермского стиля гражданских практик».

Кстати, возможно, именно в этом «антипровинциализме» кроется одна из причин крайне осторожного участия, а чаще всего неучастия пермских гражданских деятелей в любых «столичных» попытках каким-либо образом вертикально интегрировать гражданскую деятельность, будь-то «официальные» «общественные палаты» и «советы при...» и т.п. или «неофициальные» «гражданские конгрессы», «координационные советы» и т.п.

Мнение общественников об «особости» Перми в целом разделяется и «рядовыми» пермяками. У пермского сообщества в целом присутствует устойчивое представление о том, что Пермский край и его жители по разным причинам (историческим, политическим, социально-экономическим, культурным) все-таки отличаются от других регионов⁶. И то, что работает и практикуется здесь, не факт, что будет работать даже в соседних регионах, тем более в «настоящих столицах». Таким образом, можно отметить, что пермское гражданское сообщество в целом признает наличие особой **групповой идентичности**, которая отличает «пермские» общественные организации и практики от «непермских», что является «первым источником и предпосылкой формирования стиля...»⁷.

По поводу второй метафоры о «пермском политическом болоте» сами пермяки с некоторым раздражением и сожалением, но все-таки зачастую соглашаются и тем самым опять же признают, что, в отличие от других индустриальных и «столичных» городов, Пермь не является ни ареной борьбы для каких-либо значимых политических сил, ни относится к числу городов с развитым протестным движением⁸. Она также подчеркивает, что то, что происходит в пермской политике, имеет исключительно местный региональный характер. Весьма скромное состояние общественно-политической жизни, которое описывается метафорой «пермского болота», является одним из городских **институциональных условий** для конструирования групповой идентичности среди пермских общественников.

---

⁶ Чуть более половины опрошенных согласились, что пермяки либо «заметно», либо «не очень», но все же «отличаются» от своих соседей. Причем в большей степени эта точка зрения распространена среди активных и «креативных» слоев населения: молодежи, студентов, предпринимателей, лиц с высшим образованием и с более высоким достатком.

⁷ См. первую главу данной монографии.

⁸ В политике название «**болото**» обычно характеризует ситуацию, когда среди большинства ее субъектов доминирует стремление уклониться от реальной борьбы, не примыкать ни к одной из борющихся политических группировок или присоединяться к той из них, которая в данный момент является наиболее влиятельной. Политическое поведение группировок, составляющих т.н. «болото» (например, парламентское), характеризуется колебаниями и нерешительностью.

«Болото» при всей его «застойности», «затхлости» и других недостатках имеет одно из преимуществ в своей самодостаточности: ему достаточно лишь небольшой внешней подпитки, чтобы достаточно долго поддерживать замкнутое, автономное существование. Проблема в том, что активное меньшинство политической региональной элиты, как правило, стремится к большему. И, в принципе, у нее в сегодняшних условиях есть три основных способа самореализации: либо приспособиться к тому, что есть, особо не высовываться и довольствоваться весьма ограниченными, но устойчивыми возможностями; либо самостоятельно вырваться из этого «болота» на «стремнину», на основное течение (неслучайно «пермское землячество» в Москве – одно из самых представительных и активных региональных сообществ, а активная и «продвинутая» молодежь стремится переехать в «столицы» и соседние регионы); либо постараться «освежить» местный водоем массовым запуском в нее и «свежей воды», и новых активных обитателей (что и попытался сделать прежний пермский губернатор своими «культурным» и другими проектами, активным вовлечением края в различные федеральные эксперименты). Проблема последней стратегии в том, что она совершенно не учитывала внутренних условий и ресурсов «пермского водоема», возможного сопротивления среды. Вместо того чтобы модернизировать, «освежить» эти условия, опереться на хоть и небольшие, но имеющиеся, в том числе и гражданские, модернизационные ресурсы, ими просто было решено пренебречь.

Если вернуться к «гражданской столичности» Перми, то обычно она связывается с особенностями функционирования в городе т.н. «третьего сектора» или некоммерческих организаций (НКО), причем преимущественно правозащитных. В различных сравнительных исследованиях регионов «демократичность» Пермской области и Пермского края в значительной степени обосновывалась именно развитостью гражданского общества. Например, в «индексе демократичности», составленном Независимым институтом социальной политики (одним из учредителей которого является известный ВЦИОМ), еще в середине 2000-х именно по показателю «гражданское общество» Пермская область была одним из немногих регионов, который получил максимально возможную оценку в 5 баллов. Интересно, что другой показатель «демократичности», также получивший от экспертов 5 баллов, – это «экономическая либерализация». В целом область тогда входила в первую пятерку наиболее демократических регионов. При этом замеры чисто электоральных критериев демократичности (конкурентность, альтернативность выборов и пр.) сразу отбрасывали регион во второй десяток [19]. Таким образом, можно подчеркнуть, что, по мнению экспертов, демократичность пермского ре-

гиона в первую очередь определялась развитостью гражданского сектора, а не демократичностью выборов, развитостью политической конкуренции и активностью политической борьбы между ними, т.е. можно быть вполне демократичным регионом и в условиях «политического болота». С этим мнением экспертов солидарно и большинство пермяков. Несмотря на то что регион не замечен в прямых фальсификациях результатов выборов, лишь 16,5% пермяков считают, что выборы в Перми проходят более демократично, чем в целом по стране⁹.

Пермский журналист Андрей Никитин еще в 2004 г. в своей небольшой книге «Пермь – родина российского либерализма» [14] под «пермским либерализмом» имел ввиду совсем не какую-то особую демократичность региона, не результаты выборов или активность либеральных политических партий, а несвойственную другим регионам общественную активность и результативность правозащитных организаций. Он обратил внимание на следующие особенности в деятельности пермских правозащитников по сравнению с их «московскими» коллегами. Это готовность «заниматься рутинной», т.е. оказывать ежедневную помощь гражданам в отстаивании их, прежде всего, социально-экономических прав, а не защищать гражданские и политические права россиян вообще (и здесь наиболее яркий пример – это кропотливая и длительная деятельность Пермского регионального правозащитного центра). Это умение договариваться с властью (Пермская гражданская палата)¹⁰; работа с молодежью и на молодежь, на ее будущее (пермский «Мемориал»). При этом автор отмечал, что у пермских правозащитников всегда был *свой путь развития (курсив мой – В. С. Ковин)*, не похожий на других. В ряде принципиальных аспектов их деятельность шла в разрез с общероссийскими гражданскими трендами. Когда по всей стране общественники защищали классические политические и гражданские права, «пермские» оказывали бесплатную юридическую помощь для населения по самым разным вопросам. Когда оказание таких консультационных услуг стало общероссийским трендом¹¹, «пермские» стали постепенно отказываться от них и призывать и обучать граждан самостоятельной защите своих прав, содействовать созданию инициа-

---

⁹ Результаты социологического исследования «Пермь как стиль» (описание исследования см. во введении).

¹⁰ С. Маковецкая так высказалась об этой черте «большого пермского гражданского стиля»: «Высокая, по сравнению со «средним по стране», результативность взаимодействия с органами власти (возможность нахождения локальных оптимумов) в сочетании с подчеркнутой независимостью».

¹¹ Создание бесплатных консультационных пунктов для населения стало повсеместной общероссийской практикой и было легализовано при помощи соответствующего закона. Даже библиотеки подключились к этой деятельности.

тивных групп, самоорганизации граждан. Например, именно ПГП организовала консультационный центр для НКО и начала проводить т.н. «гражданские экспедиции», во время которых лидеры пермских НКО рассказывали о своей деятельности, показывали свои методики и советовали, как самостоятельно или сообща граждане могут отстаивать свои права и общественные интересы.

Еще раз можно подчеркнуть, что стремление к «инаковости», выделиться из общей массы российских общественных организаций – одна из характерных черт пермских общественников, одна из установок **«доктринального ядра»** пермского гражданского стиля.

«Продвинутость» пермского гражданского общества (а точнее, его институтов в виде НКО) обычно характеризуется следующими чертами: разнообразие направлений и форм деятельности, конструктивные отношения с властями, высокое качество гражданских проектов, разработка и мультипликация гражданских методик, *«подчеркнутая технологичность и высокая инновационность предлагаемых подходов (почти всегда самые особенные и передовые в стране)»* (С. Маковецкая) [9]. Уже упоминавшийся известный общественный деятель Александр Аузан, бывший тогда членом Совета по развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, д.э.н., профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа, утверждал, что Пермь – лидер *по спектру* организаций и *уровню* гражданских проектов. В своем докладе на V Пермском экономическом форуме (в 2009 г.) он утверждал, что «Если Москва – политическая столица России, Санкт-Петербург – культурная, то Пермь – гражданская. Многие методики развития гражданского общества создаются и апробируются именно здесь» [7]¹² (*курсив мой – В. С. Ковин*).

Одна из общепризнанных заслуг пермских правозащитников и общественников – это разработка, описание и продвижение (в том числе и в виде правовых норм) т.н. «гражданских технологий»: гражданский контроль, гражданская экспертиза [10]¹³, гражданский мониторинг, гражданские переговоры, гражданские экспедиции и ряд других. Соответствующие методические рекомендации, методики и правила их проведения

---

¹² Автор благодарит Н. В. Борисову, доцента кафедры политических наук ПГНИУ, за возможность воспользоваться материалами ее многолетнего (с 2004 г.) и кропотливого труда по мониторингу общественно-политической жизни региона.

¹³ Классическим примером проведения гражданской экспертизы, не только для региона, но и в масштабах страны стал гражданский экспертный доклад Центра «Грани» «О качестве власти», презентованный в 2009 г. в рамках V Пермского экономического форума. В докладе проанализировано соблюдение общественных интересов при реализации административной реформы в Пермском крае.

размещены на информационных ресурсах пермских НКО¹⁴. Разработанные технологии носят практический инструментальный характер и с небольшими адаптациями готовы к применению по типу «сделай сам». Как представляется, удалось этого добиться в значительной степени благодаря достаточно высокому профессиональному уровню пермских правозащитников. Обязательное и широкое использование гражданских технологий в деятельности НКО для выявления и разрешения различных общественных проблем постепенно становится одним из элементов пермского гражданского стиля, своеобразной формой **институционального давления** на тех, кто желает, чтобы результаты их деятельности были общественно признаны. Если есть желание, чтобы общественная деятельность получила резонанс и была признана властями и «коллегами по сектору», то необходимо представить ее результаты публично и в технологической форме (методики, публичные отчеты, презентации результатов) и так, чтобы ее можно было распространить и мультиплицировать на другие сферы.

Среди гражданских технологий особенно последовательно в крае реализована технология гражданского контроля¹⁵. Начиналось все с акций контроля отдельных организаций в социальной и пенитенциарной системах¹⁶. Затем практика гражданского контроля стала расширяться. Определенной вехой в ее распространении стало состоявшееся в марте 2008 г. Городское гражданское собрание. Оно оказалось достаточно представительным. В Собрании приняли участие более 100 гражданских активистов, представителей власти, журналистов. Участники Собрания обсудили те возможности для гражданского контроля, которые предоставил новый Устав Пермского края и соответствующее распоряжение губернатора о проведении эксперимента по его реализации [21]¹⁷. Были определены направления и сферы, в которых данная технология может применяться. В некоторых из них в течение следующих нескольких лет были проведены полномасштабные акции гражданского контроля (шко-

---

¹⁴ С описанием различных гражданских технологий можно, например, познакомиться с соответствующих разделах сайтов Пермской гражданской палаты <http://www.pgpalata.ru/>, Центра гражданского анализа и независимых исследований «Грани» <http://www.grany-center.org/>, Пермского регионального правозащитного центра <http://www.prpc.ru/>

¹⁵ Светлана Маковецкая: *«Гражданский контроль стал готовым технологией-продуктом, одним из гражданских региональных брендов».*

¹⁶ См., например, материалы на <http://control.prpc.ru/>

¹⁷ Статья 11 Устава Пермского края, принятого при деятельном участии представителей пермских общественных организаций в 2007 г., гласит, что граждане и их объединения вправе «осуществлять гражданский контроль деятельности органов государственной власти Пермского края».

лы, детские дома, социальные учреждения, поликлиники, исполнение регламентов государственных учреждений, уборка улиц города и т.д.), а их результаты доведены до соответствующих органов и презентованы на различных общественных форумах в Перми и других регионах¹⁸. Затем нарабатанная практика была обобщена, что в свою очередь позволило Пермскому краю первому из субъектов федерации принять специальный закон «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае» [11]. Закон разрабатывался экспертами Пермской гражданской палаты и специалистами уполномоченного по правам человека. На его основе создана и приступила к своей деятельности региональная группа по гражданскому контролю в закрытых и полужакрытых учреждениях. Этот результат также можно рассматривать в качестве одной из характерных черт правозащитной и общественной деятельности в Прикамье – стремление облечь зарекомендовавшие себя и отработанные гражданские практики в законопроекты и в правовые нормы.

Как говорилось выше, одним из элементов стиля является наличие **культурных образцов поведения**, приемлемых для данного сообщества. Пермские правозащитники и общественники мало напоминают малообеспеченных романтиков гражданского общества, этаких бесребреников, готовых себя ограничивать ради построения светлого гражданского будущего. Они сознательно и настойчиво на своем примере культивируют позитивный образ успешного гражданского активиста, который благодаря своей активности становится публичной, известной, уважаемой фигурой, делает своеобразную «гражданскую карьеру». И если гражданский активист и не входит в местную элиту (хотя и такие примеры есть), то становится носителем авторитетного мнения, экспертом, к которому власти и СМИ прислушиваются. Игорь Аверкиев из Пермской гражданской палаты, один из лидеров и культурных образцов пермского гражданского движения, в свое время так сформулировал это кредо: *«Гражданский активист» в современной России просто обязан быть интересным, симпатичным и полезным, чего пока, к сожалению, не скажешь о наших реальных активистах и деятелях, за небольшим исключением»* [4].

Прагматизм, продуктивность и инструментальность – характерные черты «пермского гражданского стиля». Это проявляется во всем: от выбора тем проектов (ни в коем случае ни «за все хорошее, против всего плохого») до организации самих мероприятий, где участникам должно быть максимально удобно и комфортно. В процессе своей деятельности общественниками в городе были определены несколько **символических**

---

¹⁸ Самому несколько раз приходилось быть свидетелем того, какое удивление это вызвало у жителей других регионов: «Неужели это в принципе возможно?»

социальных пространств, предназначенных для общественной деятельности. Так, для проведения уличных публичных мероприятий используются площадки в центре города близ органов власти (например, Компрос, у медведя, у Органного зала и ряд других мест; иные, предлагаемые властью, как правило, в принципе не рассматриваются). Точно так же есть несколько мест, где обычно проводятся публичные мероприятия, презентации и пресс-конференции (например, Дом журналистов), при этом практически не используются «официальные» площадки созданных властью общественных центров и «экологосударственных» СМИ.

Как уже отмечалось, пермские правозащитники и гражданские активисты являются именно «пермскими»¹⁹. С одной стороны, лидеры пермского гражданского сектора достаточно основательно укоренены в местном сообществе, с другой стороны, их в первую очередь волнуют местные региональные и локальные проблемы. Не так часто они присоединяются к общероссийским гражданским и тем более к общественно-политическим акциям. Как правило, наиболее остро гражданские активисты реагировали именно на «пермские проблемы». Так, например, еще в 2005 г. общественные организации объединились против утилизации на территории Перми отработанного твердого ракетного топлива. И это стало одним из наиболее острых противостояний общественности и местной власти. В 2008–2010 гг. гражданские активисты принимали активное участие в обсуждении градостроительной политики и практики в Перми (борьба с точечной застройкой, незаконным сносом архитектурных памятников, с «засекречиванием» разработки градостроительных планов развития города), транспортных (затянувшийся конфликт между транспортниками и городскими властями) и экологических проблем (загрязнение пермских рек, возможное строительство АЭС) и многих других.

Даже в тех случаях, когда речь шла об общероссийских социальных и политических проблемах, критической оценке подвергался не столько сам федеральный курс на модернизацию, сколько его зачастую неумелая реализация в регионе. Так, например, было с монетизацией льгот пенсионеров в 2005 г., когда пермский «Мемориал» и ППП активно вмешались в конфликт между властями и противниками монетизации, сыграв роль посредников. Поддерживая в целом монетизацию льгот, они резко выступили против методов ее ускоренной реализации в Прикамье. Примерно такая же ситуация сложилась и с проведением реформы МСУ, административной реформы, реформы социальных учреждений на территории края.

---

¹⁹ С. Маковецкая: «пермский правозащитник – это устойчивая идентификация».

Причем пермские активисты привыкли решать свои местные проблемы, как правило, самостоятельно, своими силами, без «помощи Москвы». Возможно, в силу этой ориентации на «пермские проблемы» в Перми и не так много «филиалов» московских или общероссийских правозащитных и граждански ориентированных организаций (можно вспомнить, прежде всего, пермский «Мемориал»)²⁰. Пермские НКО скептически относятся к участию в общероссийских или «московских» гражданских инициативах²¹. И если участвуют в них, то лишь когда их удастся приземлить на пермскую почву, своего рода «опермячить». Привлечение внешних «московских», «питерских», «екатеринбургских» и иных экспертов приветствуется исключительно ради усиления, подтверждения позиции «местных» в переговорах с местной же властью. При этом весьма ревностно было и есть отношение к случаям, когда власть или кто-либо приглашает или привлекает «не пермяков» «вместо равноценных своих», ради того чтобы противопоставить их пермским общественным деятелям. В определенный момент при губернаторе Чиркунове власть почувствовала весьма критичное отношение к себе со стороны пермских общественников и стала активно приглашать (хотя далеко не только поэтому) в качестве экспертов москвичей, питерцев, представителей других регионов. Приглашенные эксперты нередко «пели дифирамбы» прогрессивности Пермского края в сравнении с другими регионами, что, в свою очередь, зачастую вызывало скептическую ухмылку у «местных». Особенно эта проблема проявилась во время организации различных общероссийских форумов на пермской земле (Пермские экономические, социальные и культурные форумы или даже гражданский фестиваль «Пилорама» в «Перми-36»).

Вообще тема города как сообщества стала одной из самых актуальных в деятельности пермских общественников. С одной стороны, этому способствовало наличие острых нерешенных городских проблем (передача церкви здания Пермской художественной галереи, перенос зоопарка, строительство в центре города, разработка мастер-плана, реконструк-

---

²⁰ Интересно, что и партийные, и «околопартийные» федеральные общественные проекты тоже как-то не очень приживаются на пермской земле.

²¹ Одним из немногих примеров продвижения чисто федеральных тем в Перми стала общественная кампания 2009 г. «За капитальный ремонт милиции!», которая попыталась вписаться в те процессы реформирования органов МВД (Mvdremont.ru). Ее инициаторами выступили ППП и Центр «Грани», которые предложили присоединиться и другим общественным организациям. Несмотря на то что на сайте кампании подписались за предложение реформы системы МВД около 2 тыс. человек, она не получила должной поддержки в Перми. Участники старались подчеркнуть, что это именно общероссийская кампания, но пермские СМИ все равно увязали ее с обострившимся в то время конфликтом между губернатором и руководителем УВД в регионе.

ция набережной, доступная и комфортная городская среда, «пермские дороги» и мн. другое), а с другой – осознание городского пространства как предназначенного не только для работы и частной жизни, но и для жизни общественной. Многие акции и мероприятия были направлены на сохранение и развитие этого социального городского пространства либо на развитие инструментов гражданского влияния на принятие властных решений о развитии города.

Пермские общественники и правозащитники долгое время старались держаться подальше от политики в чистом виде, подальше от выборов. Они неоднократно подчеркивали, что не борются с властью, не стремятся ее подменить и тем более получить, а стараются влиять на нее ради реализации и достижения общественных интересов. Еще в 2005 г. участники одного из первых общественных объединений «Союза за гражданское влияние»²², в своем манифесте заявили, что намерены способствовать широкому, публичному обсуждению и согласованию интересов различных групп и сообществ граждан. При этом было особо отмечено, что члены Союза не имеют права (один из своеобразных видов **институционального принуждения**) занимать государственные и муниципальные должности, выдвигать свои кандидатуры на выборах, быть членами партий. В манифесте также были сформулированы принципы «гражданской политики», которыми в значительной степени пермские гражданские активисты продолжают руководствоваться:

«1. Гражданская политика не преследует цели достижения власти. Цель гражданской политики – не приход к власти группы гражданского влияния, а реализация ее интереса.

2. Гражданская политика исключает заключение соглашений с политическими партиями, кроме выражения общей позиции партии и группы гражданского влияния по конкретному вопросу реализации интереса местного сообщества или механизму учета властью интересов граждан.

3. Гражданская политика реализуется на выборах только через оценку кандидатов на предмет их приверженности принципам гражданской политики и через деятельность по реализации права каждого гражданина на информацию, на прозрачность деятельности и открытость органов власти, на учет его интересов при принятии властных решений» [13].

Таким образом, организаторы Союза попытались сформулировать концепт «гражданской политики» и отделить ее от собственно политики

---

²² В Союз вошли И. Аверкиев, председатель Пермской гражданской палаты, П. Бондарчук, председатель пермского городского Общества защиты прав потребителей, Д. Галицкий, директор Уральского агентства развития предпринимательства, С. Исаев, директор Пермского регионального правозащитного центра, Р. Юшков, руководитель общественной экологической организации «Зеленая Эйкумена».

как борьбы за власть, за место в любых властных структурах. В небольшом словарном приложении к манифесту разъяснялось, что *«гражданская политика – не претендующая на власть деятельность непартийных организаций и групп граждан по формулированию, продвижению, согласованию и защите своих интересов, реализуемая через гражданское влияние (непартийная деятельность организаций и групп граждан в защиту своих интересов, направленная на принятие властных решений, но ставящая перед собой цели прихода к власти)»* [13].

Игорь Аверкиев в своих статьях попытался развить и сформулировать данный концепт «гражданской политики» [3]. Он охарактеризовал гражданскую политику как не претендующее на власть «активное влияние организованных граждан на государство и общество в целях продвижения и защиты коллективных интересов», т.е. это своего рода «неполитическая политика», т.к. ее субъекты не ставят *«перед собой цели завоевания постов в органах власти государственной и муниципальной власти»*. Цель гражданской политики – это реализация определенного общественного интереса, а не достижение власти. Но, тем не менее, эта деятельность имеет политический характер в том смысле, что имеет прямое отношение к власти: *«в рамках гражданской политики группа граждан, отстаивая свой интерес, либо оказывает влияние на носителей власти (добивается принятия или отмены решений, законов и т.д.), либо сама выступает субъектом своего рода «гражданской власти» по отношению к гражданам, группам, коммерческим и некоммерческим организациям (принуждает, договаривается, обеспечивает безопасность, делит сферы влияния, даже судит)»*.

Можно утверждать, что деятельность пермских гражданских активистов и «граждански ориентированных» общественных организаций вполне укладывается в данную парадигму гражданской политики.

В связи с этим, вновь хотелось бы напомнить о метафоре «пермского политического болота», при помощи которой на протяжении 2000-х часто характеризовали собственно политическую жизнь Прикамья, на фоне которой постепенно и разворачивалась гражданская политика общественников. Одним из проявлений застойного характера пермской политики считалось в том числе отсутствие достаточного разнообразия публичных политически самостоятельных сильных фигур или политических групп влияния. Иначе говоря, отсутствие политических субъектов, которые длительное время могли бы выдерживать самостоятельную линию политического поведения, а не колебаться вместе с колебаниями «политики партии» или губернатора. Кроме всего прочего, политическая элита – это те, кто «знает себе цену», те, кого не так-то просто к чему-либо помимо их воли склонить. Исходы тех немногих политических конфликтов с немногочисленными группами «оппозиционных» депутатов в Законо-

дательном собрании и в Пермской Городской Думе, которые все-таки случились в Прикамье, были заранее предreshены и становились показательным уроком для любых потенциальных «несогласных» среди региональной элиты. Парадокс заключается в том, что в определенной степени эта ситуация и способствовала укреплению, распространению и успехам практик гражданского влияния, гражданской политики. Перед гражданскими активистами не стояли угрозы потери бизнеса, депутатских мест, должностей. Иных реальных публичных конкурентов, желающих продемонстрировать возможности своего влияния на действующую власть, часто просто не наблюдалось. Поэтому и стали пермские гражданские активисты, правозащитники главными критиками и «оппозиционерами» действовавшей власти, по крайней мере, по версии пермских СМИ.

В свою очередь, гражданская политика как общественная деятельность, направленная на гражданское влияние на власть, не может не носить публичный характер. Гражданскую активность характеризует, прежде всего, готовность совершить публичный поступок, имеющий социальное значение. Иначе она либо не сможет оказать никакого влияния, либо это влияние будет каким угодно (личностным, лоббистским, административным, даже коррупционным), только не гражданским. Стиль, особенно гражданский, есть нечто формируемое внутри определенной группы, но в то же время презентуемое и направленное этой группой вовне. Стиль не может не быть непубличным.

В определенный момент в пермском политическом пространстве остро стала ощущаться нехватка публичности. Решения, принимаемые властью при прежнем губернаторе, не проходили должных общественных и политических публичных обсуждений. Принципиальные решения принимались путем аппаратных договоренностей. Иногда это оборачивалось демонстративными скандалами со стороны «оппозиционных» депутатов на заседаниях Законодательного собрания, но исход этих конфликтов практически всегда был предreshен. В условиях «непубличности» пермской политики субъекты гражданской политики смогли заполнить этот вакуум, стали чуть ли не единственными ньюсмейкерами, экспертами по ряду острых вопросов для пермских, а иногда и федеральных СМИ. Ряд общественных организаций и преподавателей образовательных и научных учреждений края запустил серии публичных лекций, дебатов, дискуссий, круглых столов на общественно значимые, культурные и политические темы²³. Дискуссии проводились не только ради обсужде-

---

²³ Например, дискуссионные площадки ППП и Центра гражданского анализа и независимых исследований «Грани», ПРПЦ, историко-политологического факультета ПГУ, Центра Гражданского образования и прав человека, пермского «ГОЛОСа», Пермского филиала Уро РАН.

ния актуальных тем, но и как способ коммуникации с представителями государственной власти, которые специально регулярно приглашались на данные мероприятия. Постепенно подобная практика публичных дискуссий с участием общественности и представителей власти в присутствии СМИ стала нормой для пермской общественно-политической жизни. На сегодняшний день существует несколько площадок, связанных с определенными общественными организациями и проводящими обсуждения по самой различной тематике. В конце концов, и политическая элита края осознала значимость публичных обсуждений, о чем свидетельствует возникновение т.н. «депутатских клубов».

В последнее время в пермском гражданском обществе четко проявилась еще одна особенность пермского гражданского стиля – это его «коалиционность», или, по выражению С. Маковецкой, «ассамблейность» и «договоропригодность» лидеров НКО, способных вести совместную деятельность «на значительном отрезке времени». Объединение усилий нескольких общественных организаций для реализации совместных проектов или решения каких-либо общественных задач происходило и раньше (например, Пермская ассамблея – 2004 г., «Союз за гражданское влияние» – 2006 г., коалиция «За капитальный ремонт милиции» – 2009 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что состав уже этих объединений был весьма разнороден по «сферам» приложения основных усилий гражданских активистов и общественников. Еще члены «Союза за гражданское влияние», сознательно или нет, но на личном примере продемонстрировали воплощение одного из «законов» гражданской политики, о котором примерно тогда же в одном из своих публичных выступлений говорил А. Аузан: *«там, где есть способность разных сил прийти к договору о коллективных действиях, решается основная задача демократии. В этом состоит ... первый закон гражданской политики. Демократия рождается там, где есть самоорганизация разного»* [6]. Можно констатировать, что этому своеобразному «закону» гражданской политики пермские гражданские активисты продолжают настойчиво следовать, стремясь для реализации общественных интересов договариваться как внутри гражданского сообщества, так и с представителями других групп (политиками, блогерами, журналистами), сохраняя при этом пермский общественно-политический полистилизм.

Как уже отмечалось, открытость есть один из признаков сообществ, конструирующих свою идентичность: *«новые сообщества открыты для коммуникации с другими аналогичными движениями»*²⁴. Возможность и готовность пермских НКО и отдельных гражданских активистов объ-

---

²⁴ См. главу 2 данной монографии.

единяться, сотрудничать, причем не только с «классическими» правозащитниками, но и с «традиционными» социально-ориентированными организациями ветеранов, инвалидов, а иногда и с близкими к властям общественниками, также стало одной из характерных черт пермского гражданского стиля. Это позволяет добиваться своеобразных «гражданских синергетических эффектов» влияния на власть с целью более эффективного решения актуальных общественных проблем или защиты общественных интересов.

Первое время гражданские объединения в Перми были краткосрочны или были привязаны к некоторым вполне конкретным проектам и темам (например, «Союз защиты пермяков», который стал одним из первых объединений активистов, – из числа членов товариществ собственников жилья). Ситуация изменилась в конце 2009 – начале 2010 гг. в связи с возникновением гражданской коалиции «За прямые пермские выборы»²⁵. Поводом для создания коалиции стали намерения региональной и местной власти отменить прямые выборы мэра Перми и внести соответствующие изменения в Устав города. Изначально это была чисто гражданская коалиция, впоследствии к ней в личном качестве присоединился один из ведущих пермских политологов О. Подвинцев.

Деятельность коалиции стала одним из характерных примеров проявления гражданской политики в Перми. Коалиция использовала весьма разнообразные способы воздействия на власть и общественное мнение: проведение пикетов у здания Гордумы, сбор подписей, участие в первомайской демонстрации отдельной гражданской колонной, распространение заявлений и листовок, участие в публичных слушаниях, проведение экспертных круглых столов с привлечением московских и екатеринбургских экспертов. В пермских СМИ развернулась активная публикационная и дискуссионная кампания. По заказу коалиции социологическим агентством «Левада-Центр» было проведено исследование, согласно которому две трети взрослых пермяков даже не слышали о том, что власть планирует изменить процедуру выборов мэра, но, тем не менее, порядка 79% высказались за сохранение прямых выборов [12]. Уже после отмены прямых выборов и внесения изменений в Устав по инициативе членов коалиции состоялась серия судебных процессов. Несмотря на то что политическое решение об отмене прямых выборов было заранее принято на федеральном и региональном уровнях и продавлено на местном (за редким исключением региональные и муниципальные депутаты, политики и политические партии либо отмалчивались, либо поддерживали предлагаемые изменения), деятельность коалиции продемонстрировала

---

²⁵ Сайт коалиции <http://www.vyborpermi.ru>

достаточно широкие возможности совместного воздействия пермских гражданских активистов на политическую повестку дня и общественное мнение и принесла значительные репутационные потери инициаторам и исполнителям отмены прямых выборов. В дальнейшем члены коалиции продолжали периодически поднимать эту тему в связи с теми или иными социально-политическими событиями в городе (например, во время VII Пермского экономического форума²⁶, во время муниципальных и федеральных выборов 2011 г.), что в итоге привело к созданию более широких общественно-политических альянсов («Совет 24 декабря» и коалиция «За прямые выборы»). В конечном счете эта деятельность естественным образом привела гражданских активистов к участию в работе над Уставом Перми, возвращающим прямые выборы. Интересный момент в том, что это достаточно острое противостояние не привело к разрыву отношений между организациями, участвующими в коалиции и краевыми и местными властями. На фоне этого противостояния продолжали реализовываться совместные с властями различные социальные проекты.

Как уже отмечалось, выборы вообще долгое время воспринимались в пермском гражданском обществе как нечто ненастоящее, а потому и неценное, что не требуется защищать. Достаточно четко эту позицию в середине 2000-х гг. высказал в своих эссе тот же И. Аверкиев, говоря о кризисе современной представительской демократии [3]. К тому же, само проведение выборов в регионе и подсчет голосов не вызывали особого беспокойства. Но к концу нулевых ситуация в пермском гражданском сообществе переменялась. Особенно когда региональная власть вознамерилась лишить пермяков прямых выборов главы города. Развернувшаяся общественная кампания «За прямые пермские выборы» постепенно переросла в кампанию «За честные выборы» во время федеральных выборов 2011-12 гг., а затем в кампанию за возвращение прямых выборов главы города Перми. И здесь уже гражданские активисты играли и играют ведущую роль.

Преувеличивать степень влияния правозащитных и общественных организаций Перми на общественные и политические процессы в регионе и городе, конечно, не стоит. Но можно достаточно уверенно утверждать, что их деятельность стала неотъемлемой частью пермского общественно-политического пространства. Особенно это заметно на фоне сформировавшегося в регионе за последние 10 лет очевидного и острого

---

²⁶ В рамках форума было проведено выездное заседание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества, посвященное развитию местного самоуправления и гражданскому участию в реформах на федеральном, региональном и местном уровнях.

дефицита классической публичной политики. Лишь в последние 2-3 года борьба вокруг «культурного проекта» предыдущего губернатора смогла как-то расшевелить пермское «политическое болото». Стиль управления предыдущего губернатора не предусматривал, что политики могут самостоятельно и свободно высказывать мнение, обсуждать предлагаемые властью решения и тем более сомневаться в них. В итоге эту несвойственную «политическую» миссию борьбы за политические свободы, за свободные выборы, за свободное политическое пространство пришлось на себя взять части общественников. Во многом именно этим можно объяснить тот факт, что в регионе движение «За честные выборы» достаточно быстро трансформировалось в кампанию за отставку действующего губернатора и за скорейшее возвращение прямых губернаторских выборов в регионе как возможность встряхнуть «пермское политическое болото».

Подводя итог этой части главы, «гражданский стиль» можно определить как обозначение способа ведения общественной гражданской жизни или способа организации гражданской жизни в *местном* сообществе. При этом гражданский стиль есть также способ выстраивания презентаций индивидов, групп или сообществ, занимающихся гражданской общественной деятельностью в адрес окружающего социального мира. Под пермским гражданским стилем мы понимаем специфический способ организации гражданской жизни, характерный для ведущих общественных организаций, их лидеров и гражданских активистов Перми, вытекающий из их представлений о «правильном» и «должном» устройстве социума, предполагающий утверждение этого представления в гражданских практиках и риториках и являющийся формой выражения идентичности, характерной для данного сообщества. Основными составляющими пермского гражданского стиля пермской гражданской политики являются: актуальность в тематике, публичность и открытость для внешней среды, технологичность в практиках, коалиционность в действиях, договороспособность с властями, подчеркивая пермскость.

Об электоральной идентичности пермяков

Выборы, безусловно, трудно отнести к тем общественным проблемам, которые интересуют пермяков в их повседневной жизни и за помощью в разрешении которых они зачастую обращаются к тем же правозащитным организациям. Выборы являются одним из институтов системного нормативно-оценочного мира, который обеспечивает воспроизводство социального бытия человека. Этому институциональному, строго упорядоченному системному миру противостоит повседневный мир зачастую «неформальной» частной и социально-групповой жизни человека.

Выборы регулярно и строго периодически вторгаются в этот повседневный мир пермяков, выдергивают человека из частной жизни и предлагают поучаствовать в формировании пермских властных системных институтов. Причем организация власти в стране на сегодняшний день так устроена, что это происходит достаточно регулярно. Если учесть, что на федеральном, региональном и местном уровнях происходит переизбрание представительной и исполнительной властей (особенно с восстановлением выборов губернаторов и мэров), то потенциально в течение 5 лет каждый пермяк может принять участие в 6–8 избирательных кампаниях. Если эти кампании не совмещены, то «походы к урнам» для голосования вполне могут стать для гражданина ежегодным электоральным действием. Поскольку только официально избирательные кампании длятся более 3 месяцев (на практике будущие кандидаты начинают свое воздействие на избирателей намного раньше), то (ранее при наличии двух дней голосования в году) нередко одна кампания плавно может перейти в другую. На протяжении 2011–12 гг. пермяки пережили «долгую избирательную кампанию», когда выборы проводились почти каждые полгода: от выборов депутатов Гордумы в марте 2011 г. до президентских выборов в марте 2012 г., а для некоторых пермяков они продлились еще и на довыборы местных депутатов весной 2013 г.

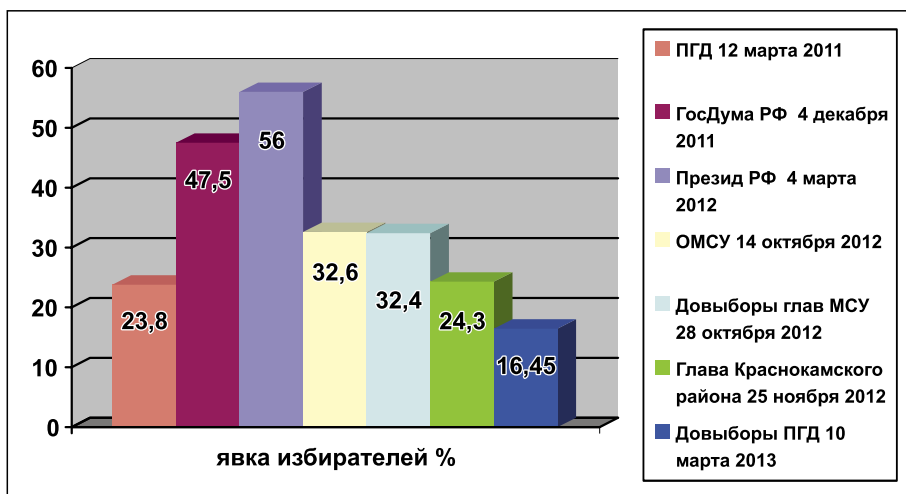
Приближение выборов избиратели, как правило, замечают по появлению в своих почтовых ящиках агитационных материалов и по звонкам настойчивых агитаторов. И то, и другое вызывает раздражение тем, что воспринимается как навязчивое «вмешательство» в частную жизнь. Реакция обывателя на выборы: «Надоели вы со своими выборами», – это реакция повседневного мира человека на кажущимся чрезмерным вмешательство в него со стороны мира системного. К сожалению, в силу ряда причин россияне в целом и пермяки в частности воспринимают выборы как нечто чуждое, «потустороннее», что находится «по ту сторону» их частной жизни. Это далекая «политика», которой они не занимаются, к которой не имеют прямого отношения.

Как показывали многолетние социологические исследования и наблюдения, доверие избирателей к выборам как демократическому институту стабильно находится на достаточно низком уровне [8]. Социологические исследования также подтверждают, что при сохранении значимости выборов в сознании россиян как необходимого инструмента легитимации власти идет заметное снижение доли респондентов, полагающих, что демократию трудно себе представить без политической конкуренции и наличия оппозиции²⁷. Соответственно, значительной части избирателей приходится

---

²⁷ Лишь чуть более трети опрошенных (36%) признают важность партийной системы,

искать дополнительную мотивацию и прилагать дополнительные усилия для своего участия в общественно непопулярном институте. Но как только возникает угроза «потери» самой возможности выбирать, граждане мобилизуются. Уже упоминавшееся исследование «Левада-Центра», проведенное в Перми по инициативе коалиции «За прямые пермские выборы», это отчетливо продемонстрировало. Большинство жителей Перми (79%) тогда не только высказалось за сохранение прямых выборов главы города, но и за возвращение выборов губернатора (65%). При том что доверие к самой Городской Думе как к институту, выражающему интересы жителей Перми, сохранялось менее чем у 20% горожан, а уверенность, что через выборы можно оказать влияние на местную и региональную власть, присутствовала лишь у 35% жителей [15].

Как известно, чем ниже уровень выборов, тем ниже явка избирателей. Отношение граждан к различным органам и уровням власти, уровень доверия и интереса к ним существенно отличаются, поэтому потенциальному избирателю не только каждый раз заново приходится принимать решение об участии в выборах вообще, но и мотивировать себя на голосование именно на данных выборах. Надо признать, что пермякам с трудом удается себя мотивировать на участие в пермских муниципальных выборах.

Например, можно обратить внимание на динамику явки избирателей на выборах в г. Перми и Пермском крае в 2011 -13 гг., где отчетливо и резко выражены приоритеты пермских избирателей.

тогда как 43% считает, что без нее можно обойтись, но при этом 70% считают важным само наличие выборности органов власти. См.: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html

Проведенные исследования²⁸ отношения пермяков к выборам и другим политическим институтам показывают картину, которая существенно не отличается от общей картины по России.

Представление о Перми как «гражданской столице» нередко связывается с другим представлением о Прикамье как о либеральном регионе («либеральной столице»), что должно было бы проявиться в большей лояльности пермяков к либеральной идеологии и к либеральным партиям. В качестве примеров можно привести результаты голосований в Перми за т.н. «либеральные» партии СПС и «Яблоко» в сравнении с общероссийскими результатами и результатами в целом по Пермскому краю²⁹, а также за условно «либеральных» кандидатов в президенты (в 2008 г. таковой отсутствовал, а в 2012 г. им условно считался М. Прохоров).

Результаты показывают, что действительно Пермь всегда была примерно в 2 раза «либеральнее», чем в среднем вся Россия, и примерно в 1,5 раза, чем в среднем жители Пермского края. Наибольшего результата «либералы» добились на выборах в Законодательное собрание Пермского края в 2006 г., когда СПС в крае получил 16% голосов избирателей, а в самой Перми и того больше – почти 20% (ЕР – всего 27%), что вызвало серьезные претензии со стороны федералов к пермскому руководству³⁰.

В принципе результаты пермских выборов вполне соответствуют умонастроениям пермяков. Среди опрошенных в ходе социологического исследования пермяков 9,5% определили себя в качестве сторонников либеральных взглядов³¹. Обращает на себя внимание и то, что в Перми ярко выраженных «государственников» оказалось хотя и примерно в два раза больше (ок. 20%), но не настолько много, чтобы это позволило говорить о доминировании их сторонников. Тем более что около 35% респондентов заявили, что не имеют никаких политических взглядов, а около 20% затруднились ответить.

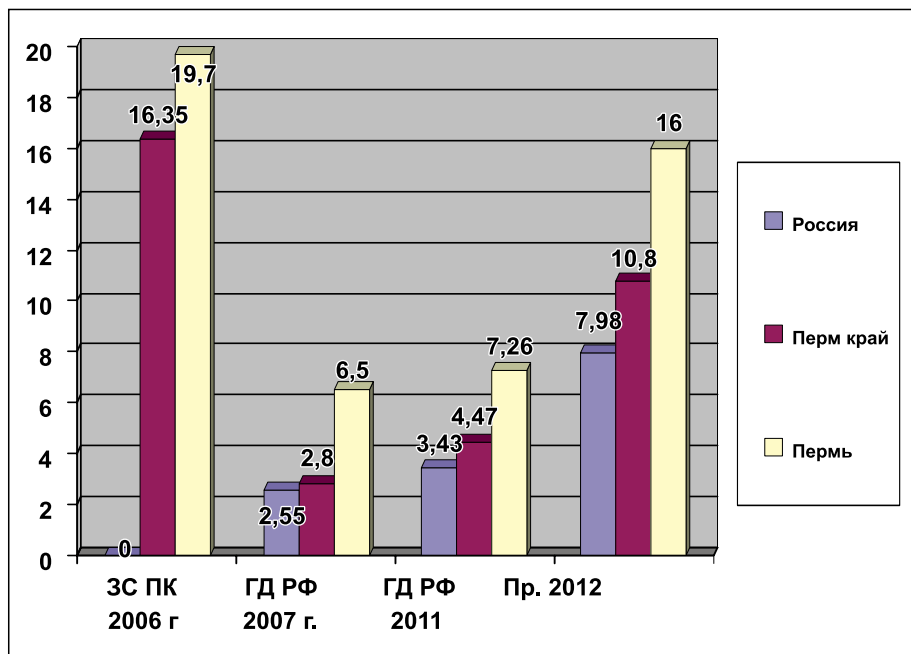
---

²⁸ Имеется в виду исследование «Пермь как стиль» (см. введение).

²⁹ В 2006 г. на выборах в ЗС Пермского края список «Яблока» отсутствовал, в 2007 г. на выборах в ГД представлен суммированный результат СПС и «Яблока», в 2011 г. – уже «Яблоко» в одиночестве отвечало за «либералов».

³⁰ При определенном скепсисе по поводу достоверности результатов голосования по стране результаты мониторингов и наблюдений на выборах по Пермскому краю в целом подтверждают мысль о том, что в Перми итоги голосований на избирательных участках «не фальсифицируют». Различные математические и статистические модели, используемые для исследования электоральной статистики, также подтверждают корректность подсчета «пермских» голосов на избирательных участках.

³¹ Немного больше в Перми число сторонников коммунистических взглядов, что также совпадает со средними результатами КПРФ на выборах в Регине – 10–15% на протяжении практически всех прошедших выборных кампаний в Перми.

Можно предположить, что голосование на федеральных выборах имеет больше отношение к «базовой» политической идентификации избирателя, к национальной (в смысле общегражданской) идентичности, гражданственности вообще, которая соотносит индивида с сообществом и в рамках которой воспроизводится некая картина мира [16]. Голосование на местном уровне, когда речь не идет о решении судеб страны, спасении нации, сохранении стабильности, переводит акцент на политическую идентичность в смысле определенного стиля политического поведения/участия в политическом процессе, т.е. в своеобразное «чистое» электоральное действие [20].

Само участие в федеральных выборах для большинства россиян, в том числе и пермяков, не является особо осознаваемой проблемой и вряд ли может служить маркером сформированности политической идентичности. В этом аспекте стимулирование осознанного и рационального участия/неучастия в муниципальных выборах можно рассматривать как один из механизмов формирования «идентичности места», «локальной идентичности». В настоящее время этот социально-интеграционный потенциал местных выборов фактически не используется, лишь 8,5% пермяков отметили, что ощущают чувство общности с пермяками во время региональных и местных выборов, во время любых выборов – чуть более 17%, и около 8% толь-

ко во время федеральных. Большинство из опрошенных (47,2%) считают, что выборы никакого чувства общности у пермяков не порождают. При этом, голосуя за кандидатов, более 50% пермяков готовы отдать голоса «не пермякам». А если стоит выбор голосовать за пермяка или носителя близких политических взглядов, то примерно в пять раз чаще пермяки готовы отдать предпочтение «своему земляку». Интересно, что за «известного москвича», вне зависимости от его политических взглядов, готовы проголосовать лишь 1,7% пермяков.

Исследования 2000-х гг. показывают интересную корреляцию: примерно 30–35% респондентов устойчиво идентифицировали себя с общностью людей, проживающих в том же населенном пункте, и это примерно в два раза меньше тех, кто идентифицирует себя с россиянами в целом. Примерно такое же соотношение избирателей, голосующих на федеральных и местных выборах. В пермском случае исследование показывает, что более 45% пермяков в первую очередь сознают себя именно жителями Перми, а уже во вторую и в третью – Пермского края и России.

Проведенное в Перми исследование продемонстрировало, что существует весьма серьезный потенциал для закрепления локальной электоральной идентичности пермяков. Так, 56% респондентов положительно ответили на вопрос *«Считаете ли Вы, что местные (муниципальные) выборы важны для развития города и его жителей?»*, причем мнение молодых людей в возрасте 18–30 лет не сильно отличалось – более 50% согласились с этим утверждением. 57% респондентов заявили, что для них не имеет значения, в каких выборах участвовать: в местных, региональных или муниципальных, и лишь 28% – что важными для себя считают только федеральные выборы (для молодежи соотношение 62% на 26% соответственно). На местных же выборах считают важным участвовать те же 30% респондентов.

Таким образом, весьма очевидно проявились приоритеты избирателей Перми, их представление о значимости властных институтов, особенно в связи с отменой прямых выборов Главы города. Тем самым на протяжении года большинство пермяков идентифицировало себя не как «пермских» избирателей, определяющих состав представительной власти родного города, а как российских избирателей, проживающих в данный момент в Перми.

В действительности доля избирателей, осознанно мотивированных на участие в голосовании на муниципальных выборах как форме участия в осуществлении местного самоуправления, еще меньше. Известно, что значительную часть избирателей, пришедших в марте 2011 г. на избирательные участки, составили клиентские группы различных кандидатов в депутаты. Самоидентификация пермяков как избирателей присутствует в лучшем

случае у пятой части жителей города. На практике подтвердилось предположение, которое высказывалось критиками отмены прямых выборов Главы города о том, что ни Пермская Городская Дума в целом, ни городские депутаты в отдельности не способны отождествляться избирателями с городом как с целостным местным сообществом. Общественная кампания за сохранение прямых выборов главы города Перми в итоге также сыграла на понижение явки. На фоне роста электоральной и общественно-политической активности на федеральном и частично региональном уровнях отчуждение от муниципальной власти и «деидентификация» жителей Перми как «избирателей-пермяков» стали еще более отчетливы.

Выборы, особенно муниципальные, в большом городе с очень разнообразным населением являются одним из показателей зрелости местного гражданского общества, гражданской политики. Именно на муниципальных выборах при незначительной явке значимость каждого отдельного голоса, голосования определенных групп возрастает, а значит, возрастают и возможные выгоды, которые избиратель может извлечь для себя из участия в этих выборах. Не те сиюминутные материальные выгоды, которые избирателям в день голосования предлагают некоторые кандидаты и их политтехнологи. А в чем могут быть их настоящие выгоды? Выгоды, видимо, в реализации среднесрочных и долгосрочных интересов, которые есть у разных групп избирателей. Но кто-то эти выгоды и возможности их получения в результате участия в голосовании должен избирателям объяснить и показать. Возможно, это и есть еще одно из мест приложения для деятелей пермской гражданской политики, если этого не в состоянии по каким-то причинам сделать «настоящие политики».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверкиев И. Большая политика простолудинов. <http://www.pgpalata.ru/page/persons/bigpolitics>
2. Аверкиев И. Страна на запе. <http://www.prpc.ru/averkiev/060201.shtml>
3. Аверкиев И. Страна на запе 2. http://www.prpc.ru/averkiev/060201_3.shtml
4. Аверкиев И. Состоится ли в России гражданское общество? 7 октября 2011 г. <http://www.pgpalata.ru/averkiev/0051>
5. Алексеева Л. Пермь – родина русского либерализма. Выступление на «Радио Свобода» 16 июля 2005. <http://www.mhg.ru/smi/5D720CF>
6. Аузан А. «Гражданское общество и гражданская политика» // стенограмма публичной лекции, прочитанной им 1 июня 2005 г. в клубе-литературном кафе *Bilingua* в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». <http://www.polit.ru/article/2005/06/01/auzan/>

7. Борисова Н. В. Региональный Мониторинг Московского Центра Карнеги. Пермский край. <http://monitoring.carnegie.ru/regions/perm/>
8. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М., 2011.
9. Доклад «ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКО ПЕРМИ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОБЛЕМ, НА РЕШЕНИЕ КОТОРЫХ НАПРАВЛЕНА КОНЦЕПЦИЯ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ», разработан Центром «ГРАНИ» по заказу Пермской Городской Думы. 11.10.2012. [http://www.grany-center.org/userfiles/File/analiz_nko_perm\(1\).pdf](http://www.grany-center.org/userfiles/File/analiz_nko_perm(1).pdf)
10. Доклад Центра «Грани» «О качестве власти». 2009 г. http://www.grany-center.org/catalog/buklet/details_435.html
11. Закон Пермского края от 21 декабря 2011 г. «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае». <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW368;n=54866>
12. Левада-Центр. <http://www.vyborpermi.ru/node/213>
13. Манифест Союза за гражданское влияние. <http://www.prpc.ru/alliance/manifest.shtml>
14. Никитин А. Пермь – родина российского либерализма. М.: «Московская школа политических исследований», 2004. 136 с.
15. Отчет об исследовании <http://www.vyborpermi.ru/system/files/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%BE%D0%B1%20%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8.pdf>
16. Панов П. В. Национальная идентичность: варианты социального конструирования мира // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 47–51 с.
17. Пермь. Статья в «Википедии». Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E5%F0%EC%FC>
18. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Институт социологии РАН. М., 2007. Раздел 6. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян. С. 68-69. http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html
19. Социальный атлас регионов. <http://atlas.socpol.ru/index.shtml>
20. Сулимов К. А. Гражданская идентичность и политическое участие на локальном уровне // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 237–239 с.
21. Устав Пермского края от 27.04.2007 N 32-ПК (принят ЗС ПК 19.04.2007) (ред. от 27.11.2012). Электронный ресурс <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW368;n=62820>

ГЛАВА 10.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СТРАТЕГИЯ УСПЕХА ПО-ПЕРМСКИ

А. Г. Кузнецов
С. М. Селезнева

XXI век выдвигает новые требования к конкуренции между людьми, фирмами, регионами, странами. На макроуровне это выражается в том, что страны, способные к самостоятельным инновациям культуры (наличие ценностей, связанных с активной и осознанной творческой самореализацией человека, ответственностью и справедливостью), а также с развитой мотивацией достижения у населения, достигают более высоких темпов экономического развития (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Е. Ясин). А как аксиологические требования к конкурентоспособности личности проявляются на мезоуровне, в условиях конкретного региона? С какими ценностными ориентациями связывается стратегия успеха жителей конкретной территории?

К. А. Абульханова-Славская, вводя понятие «стратегия жизни», доказывает, что у человека существует выбор способов жизни, соответствующих его личности, его декларируемым и реальным ценностям, что приводит к восхождению и отступлению (в смысле переосмыслению) собственного жизненного пространства.

О. В. Ковбасюк назвал три признака жизненной стратегии: выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу–имею», создание условий для творческой самореализации, творческий поиск. Опираясь на труды Т. Е. Резника и Ю. М. Варламова, О. В. Ковбасюк описал следующие стратегии:

- стратегия благополучия (потребительская активность);
- стратегия жизненного успеха (достиженческая активность);
- стратегия самореализации (творческая активность).

В нашей работе исследуется проблема региональной (городской) идентичности в контексте социально-экономического выбора человеком стратегии успешности на примере жителей города Перми.

В общем случае стратегия включает в себя:

- стратегическую цель или их совокупность;
- систему ограничений, рамочных условий, «правил игры», принятых в обществе;
- определение способов, средств, путей, механизмов достижения этой цели.

В жизненной стратегии универсальной стратегической целью является достижение успеха. При этом критерии успеха (маркеры успеха) конкретной личности в существенной степени зависят от ценностных ориентаций этой личности. Ценностные ориентации личности формируются у человека под влиянием как внутренних факторов (физиологические и психические свойства организма), так и факторов внешней среды, и проявляются, в частности, через идентификацию личности в конкретной социально-экономической среде.

Исходя из этого, целью нашего исследования стало определение ценностных ориентиров пермяков, являющихся маркерами их жизненной успешности. Если разложить ценности, влияющие на успешность деятельности в различных сферах, на группы в рамках выбранной методологии, то можно понять специфику стратегий успешности пермяков, в том числе, проявление их городской идентичности.

Маркеры успеха по-пермски

Как пишет Г. Л. Тульчинский, современный человек, имея возможности множества идентификаций – ролевых и проектных – получает широкий спектр возможностей самореализации, а значит, и выбора идентичности.

В качестве методологической основы были выбраны:

- подход П. Бурдье в анализе различных форм капитала;
- гуманистический подход к оценке продуктивных и непродуктивных ориентаций человека Э. Фромма;
- подход к измерению культур Ш. Шварца.

Итак, цель – выявление маркеров успеха. За основу структуры этих маркеров выбран подход П. Бурдье, связанный с выделением форм капитала. Термин «капитал» в отношении человека, культуры, общества стал возможным для доказательства того, что он есть: капитал – это ограниченный ресурс; это накапливаемый ресурс; это ресурс, способный превращаться в ценностную и институциональную формы; это ценность, воспроизводящаяся в процессе непрерывного кругооборота. Это ценности, приносящие новые ценности и формирующие приемлемое для жизни общество; это ресурс, без которого не может функционировать экономический капитал и капитализм в цивилизованной форме [18, с. 52]. Опираясь на труды [7, 8, 18], была составлена таблица форм капитала и соответствующих им маркеров успеха (см. табл. 1).

При формировании таблицы учитывалось требование, что успешность должна определяться на основании минимума четких, однозначных, предельно формализованных критериев [5], а в нашем случае еще и понятных респондентам с различным уровнем подготовки, образования.

Предполагается, что виды капитала конгруэнтны друг другу, т.е. могут трансформироваться и приобретать характеристики друг друга. Отсюда

вытекает, что некоторые маркеры могут характеризовать несколько форм капитала.

Маркеры успеха проявляются не только в формах капитала, но и в ценностных ориентациях человека. Аксиологическая оценка социально-экономического развития стран, опираясь на доминирующие в обществе ценностные ориентации, была проведена Ш. Шварцем. Согласно ему, все общества сталкиваются с определенными проблемами при регулировании человеческой деятельности. Люди по-разному определяют проблемы и находят способы их решения. Способы решения этих проблем могут быть использованы в качестве измерений культурных отличий. Можно описать следующие измерения в аспекте экономической эффективности и социальной справедливости исходя из того, что в разных культурах люди ориентируются на разные ценности.

Ш. Шварц, считает, что там, где отсутствует противоположный полюс, начинаются проблемы. Чрезвычайный акцент на **Принадлежности** (Консерватизме) стирает индивидуальность, а чрезмерный акцент на **Автономии** разрушает жизнеспособные социальные объединения. Слишком сильное значение **Мастерства** ведет к эксплуатации людей и природы, а перевес **Гармонии** в культуре не способствует развитию инициативы и продуктивности. Чрезмерный акцент на **Иерархии** порождает чересчур большое неравенство в социальной власти и потреблении, а преимущественный акцент на **Равноправии** подрывает принятие неравных ролевых обязательств и наград, что является неотъемлемой частью большинства социальных институтов.

Очевидно, что первый полюс ценностных ориентаций рассматривается в плоскости экономической эффективности, а второй – в аспекте социальной справедливости. В нашем исследовании обе плоскости будем рассматривать как иллюстрацию социально-экономического выбора индивидуума в процессе осознания, осмысления собственной стратегии успеха на территории г. Перми.

Соответственно можно выстроить исследуемые социально-экономические характеристики человека в виде ценностных ориентаций в описанных ценностных ориентациях Ш. Шварцем (см. табл. 3).

Ряд маркеров успешности, с одной стороны, отражает идеальный взгляд на вещи. Например, депутат должен находиться, с точки зрения теории Ш. Шварца, в полюсе **Равноправие**. Но в массовом общественном сознании современной России депутат не ассоциируется с ценностными ориентациями полюса **Равноправие** и поэтому этот маркер был отнесен к полюсу **Иерархия**.

Далее полезно обратиться к описанию модели среды, в которой проходило анкетирование и которая существенно влияет на стратегию успеха

Интеграция форм капитала и исследуемые маркеры успешности

Формы капитала	Характеристика капитала	Маркеры измерения капитала
Интеллектуальный капитал	Характеризует человеческий разум, реальное творческое достояние отдельного человека. Включает в себя довольно близкие понятия: ум, разум, интеллект, знания.	Профессионал, мастер своего дела; Доктор наук, профессор
Культурный капитал	Характеризует инкорпорированные состояния (дли-тельные диспозиции ума и тела), объективированные состояния (культурные товары), институционализи-рованные состояния (объективация, образовательные квалификации). В целом, характеризует культуру общества, воспроизводство культурных образцов.	Профессионал, мастер своего дела; Известный, популярный в крае человек; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира
Символический капитал	Характеризует способность людей узнавать или не узнавать, т.е. предполагает влияние хабитуса как соци-ально сконструированной способности человека.	Известный, популярный в крае человек; Депутат;
Социальный капитал	Характеризует совокупность реальных или потенци-альных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных от-ношений взаимного знакомства и признания, что дает человеку опору в виде репутации.	Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира Хороший, добрый человек; Человек, имеющий хороших детей
Экономический капитал	Характеризует денежную сферу и институционализи-руется в права собственности.	Руководитель предприятия, организации; Бизнесмен, предприниматель; Богатый человек
Административный капитал	Характеризует институционализированные формы делегирования прав, лежащих в основе существования группы, одному агенту или группе агентов и наделять их полномочиями представлять всю группу, полно-правно действовать и выступать от ее имени.	Депутат; Руководитель предприятия, организации; Чиновник, служащий государственного аппа-рата
Трудовой капитал	Характеризует демографические, социальные, духов-ные, физические качества и возможности трудоспособ-ного населения.	Профессионал, мастер своего дела; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира; Руководитель предприятия, организации; Чиновник, служащий государственного аппарата

Таблица 2.

Ценностные ориентации Ш. Шварца

Отношения между личностью и группой		Отношения людей к своему природному и социальному окружению		Обеспечение социально-ответственного поведения	
Автономия	Принадлежность	Мастерство	Гармония	Иерархия	Равноправие
Люди рассматриваются как независимые и самостоятельные, положительно оцениваются выражение собственных предпочтений и чувств, идей, широкого взглядов, любознательность, творчество, разнообразие, разное отношение к образу жизни.	Люди рассматриваются как принадлежащие к коллективам. Смысл жизни видится в социальных отношениях, идентификации с группой, важными ценностями являются социальный порядок, уважение традиций, безопасность, долг и мудрость.	Люди рассматриваются как инициативные, активные, амбициозные; положительно оценивается активное саморазвитие человека, стремление его к успеху, компетентность, дерзость, способность изменять себя и окружающий мир.	Люди рассматриваются как оценивающие и понимающие мир таким, какой он есть, мир не пытаются изменить, направить или использовать, важными ценностями являются мир на земле, единство с природой и защита окружающей среды.	Люди рассматриваются как социально ответственные; положительно оценивается принятие иерархического порядка, ценится согласие с обязанностями и правами, авторитетность и подчинение.	Люди рассматриваются как признающие моральное равенство всех людей, важными ценностями являются равенство, социальная справедливость, ответственность, помощь и честность.
Экономическая эффективность	Социальная справедливость	Экономическая эффективность	Социальная справедливость	Экономическая эффективность	Социальная справедливость

Таблица 3.

Интеграция ценностных ориентаций и маркеров успешности

Отношения между личностью и группой		Отношения людей к своему природному и социальному окружению		Обеспечение социально-ответственного поведения	
Автономия	Принадлежность	Мастерство	Гармония	Иерархия	Равноправие
Бизнесмен, предприниматель	Хороший, добрый человек; Известный, популярный в крае человек	Доктор наук, профессор; Профессионал, мастер своего дела; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира		Депутат; Чиновник; Богатый человек; Руководитель	Человек, воспитывающий хороших детей
Экономическая эффективность	Социальная справедливость	Экономическая эффективность	Социальная справедливость	Экономическая эффективность	Социальная справедливость

человека. Мы исходим из того, что в современной России проходят фундаментальные процессы трансформации, связанные с формированием института рынка, соответственно, в сознании и поведении человека формируются рыночные ориентации, а ценности, связанные с конкурентоспособностью, становятся ведущими в экономической деятельности.

Э. Фромм в работе «Человек для себя» выделяет несколько социальных типов характера, преобладающих в современных обществах. Эти социальные типы представляют собой взаимодействие потребностей людей и социального окружения и делятся на два блока: непродуктивный (нездоровые, испытывающие невроз, страх) и продуктивный (здоровые). Интерес представляет непродуктивная ориентация, в которую Э. Фромм включил рыночную ориентацию.

Рыночная ориентация занимает особое место в ряду непродуктивных ориентаций с позиции гуманистической этики в силу масштабности распространения в современном мире. В этой ориентации имеют значение институты рынка, денег, собственности. Ориентацию характера, коренящуюся на восприятии себя как товара, а собственной ценности как меновой, Э. Фромм называет рыночной. Материальный успех зависит от признания личности теми, кто платит за ее услуги или нанимает на работу за жалование, – это ведущий фактор успеха. Э. Фромм пишет, что успех зависит по большей части от того, насколько хорошо человек сумеет себя продать на рынке.

Среди прочих факторов успеха имеют место быть: мастерство, определенные человеческие качества и социальный капитал, в том числе если личность принадлежит какому-нибудь клубу, имеет репутацию, т.е. вовлечена в сеть социальных связей. Своего рода сигналами на рынке для личностей выступают различные виды капитала, наиболее ярко это можно проиллюстрировать по символическому капиталу, который как раз и помогает личности понять, какой человек сейчас в моде. Несмотря на довольно категоричное описание этой ориентации Э. Фроммом, она может рассматриваться как инструмент анализа социологического анкетирования, так как предметом анализа являются стратегии успеха жителей конкретного региона в рыночной экономике.

В результате был сформулирован следующий вопрос для анкеты (см. табл. 4).

Таблица 4.

Вопрос анкеты о маркерах успеха

Успешный пермяк – это... (выберите, пожалуйста, не более 3 вариантов ответа)	
1. Доктор наук, профессор	
2. Профессионал, мастер своего дела	
3. Известный, популярный в крае человек	
4. Хороший, добрый человек	
5. Руководитель предприятия, организации	
6. Человек, имеющий хороших детей	
7. Депутат	
8. Богатый человек	
9. Чиновник, служащий государственного аппарата	
10. Бизнесмен, предприниматель	
11. Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	

Опрос был проведен в декабре 2012 года методом стандартизированного интервью. Опрос проводился поквартирно, шаг – 4 квартиры. Всего опрошено 960 человек в возрасте 18 лет и старше. Применена квотная репрезентативная выборка. В качестве квот взяты пол, возраст, место жительства. В качестве единицы места жительства выбраны избирательные округа Пермской Городской Думы. Погрешность данных исследования составляет не более 3,5%. Частотное распределение ответов приведено в таблице 5. Содержательная интерпретация эмпирической информации основана на анализе данных исследования, обработанных с помощью программы SPSS.

Таблица 5

Частотное распределение ответов на вопрос о маркерах успеха

Успешный пермяк – это... (выберите, пожалуйста, не более 3 вариантов ответа)		
Маркер успешности	Количество ответивших (в% от общего числа)	Место в рейтинге
1. Доктор наук, профессор	12,1	9
2. Профессионал, мастер своего дела	45,4	1
3. Известный, популярный в крае человек	22,5	3
4. Хороший, добрый человек	31,2	2
5. Руководитель предприятия, организации	13,6	8
6. Человек, имеющий хороших детей	20,2	6
7. Депутат	11,4	10
8. Богатый человек	20,5	5

9. Чиновник, служащий государственного аппарата	10,3	11
10. Бизнесмен, предприниматель	19,5	7
11. Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	21,9	4

В массовом сознании пермяков самыми важными признаками успешности являются достижение высокого уровня профессионализма (45,4%) и репутация хорошего, доброго человека (31,2) – 1-е и 2-е места в рейтинге соответственно.

М. А. Шабанова пишет, что понятия «профессия» и «профессионал» тесно связаны с типом общественно-экономической системы и историческими особенностями ее развития. На содержание этих понятий оказывают воздействие доминирующие в обществе социально-экономические отношения, качество экономических и неэкономических институтов, особенности культуры и пр. [21, 22]. З. Бауман формулирует следующий тезис, характеризуя особенности современности, который оказывает влияние на идентичность: «Существовать – это значит расти.... изменяться все время» [5]. Т.е. непрерывные изменения условий жизни – это объективный факт, как и то, что экономические субъекты вынуждены непрерывно развиваться в личностной, социальной и профессиональных сферах. На индивидуальном уровне это значит, что профессиональная самоидентификация и саморазвитие личности является необходимым механизмом приспособления в современном мире следует уточнить, не желаемым, а именно необходимым. А. А. Декач, представитель Московской акмеологической школы в России, считает, что достижение вершин профессионализма стало социальной необходимостью [9].

М. А. Шабанова констатирует, что кардинальные общественные преобразования в современной России актуализируют проблему профессионализации – в обществе ставится задача расширения числа профессионалов [21, 22]. Насколько эта общественная задача отрефлексирована жителями Перми, можно судить по первому месту в рейтинге. Ведущей стратегией достижения успеха считается стремление к профессионализму. Можно предположить, что пермяки идентифицировали англо-американский концепт категории «профессия», в соответствии с которым это понятие охватывает работников, занятых высококвалифицированным исполнительским умственным трудом, обеспечивающим им достаточно высокие социальный статус, уровень и качество жизни, получивших высшее профессиональное образование и ведущих образ жизни, присущий новому среднему классу [23, 24].

Второе место в рейтинге занимает «хороший, добрый человек». Данную характеристику довольно сложно отнести к сфере эффективности, однако, высокое место в рейтинге заставляет тщательно ее проанализировать.

С точки зрения Э. Фромма, успех человека рыночной ориентации зависит и от того, «знается ли он с нужными людьми», т.е. имеет ли он социальный капитал. Согласно мнениям ученых [7, 17, 18], в структуру социального капитала включаются доверие, нормы, ценности, культура, социальная сплоченность, ответственность. Маркер «хороший, добрый человек» иллюстрирует определенный радиус доверия личности, устойчивые нормы человеческих взаимоотношений, гуманистические ценности, соответственно и может рассматриваться как фактор повышения спроса на личность в рыночной экономике. С такой характеристикой личность может успешно «продаваться» на рынке. Н. Н. Федотова полагает, что социальный капитал важен в понимании трансформационных процессов в поддержании идентичности как общества, так и индивида. Индивиду для принадлежности к определенному обществу важна интериоризация ценностей общества, к которому относит себя индивид, проявление доверия и социальной сплоченности к входящим в нее индивидам, а также поддержка норм, присутствующих в группе. Именно благодаря наличию данных налаженных компонентов человек почувствует себя принадлежащим к данному обществу и произойдет самоидентификация и идентификация личности.

С другой стороны, если соотнести конструкт «хороший, добрый человек» с традиционными русскими ценностями, картина получается менее радужная. Успех ценится в традиционной системе русских ценностей, но в несколько иной трактовке, как в западных обществах: ценится ожидание признания со стороны других, быть «первым при раздаче» [25, с. 41]. Близкими по содержательному значению к исследуемой характеристике успешного человека являются традиционные русские ценности: коллективизм, соборность и нестяжательство. Разберем подробнее.

- Коллективизм – как стремление к совместной работе, к сотрудничеству; в этом значении эта ценность продуктивна, т.е. успешна [25].
- Соборность – «личности, объединенные в некое сообщество себе подобных, уважают не только свои права, но и права других. Поэтому они стараются добиваться своих целей и реализовывать свои интересы, не нанося ущерб собратьям, во всяком случае, не нарушая общепринятых норм» [25, с. 40]. Е. Ясин считает, что если остановиться в понимании соборности как реализации гражданского общества, то это вполне продуктивная ценность.
- Нестяжательство – душевность, готовность сопереживать и помогать ближнему, щедрость, бескорыстие, нематериальная заинтересованность. Е. Ясин считает ее непродуктивной ценностью, которая подрыывает стимулы к труду.

Считаем конструкт «хороший, добрый человек» многоуровневым: в нем причудливо соединились традиционные русские ценности, которые

однозначно продуктивными назвать сложно, и западно-европейские ценности, которые более продуктивны. Объединяющим моментом в этой многогранной конструкции является социальная ориентация, направленность на полюса *Принадлежность* и *Равноправие*. «Человек – принципиально социальное существо, он не может в одиночку просто существовать – не то что реализовать некие планы» [17, с. 76].

Накопление символического капитала как стратегия успеха для пермяков считается также важным, судя по тому, что третье место в рейтинге занимает «известный, популярный в крае человек» (21,9%). Достижения в спорте как фактор успешности стабильно в рейтинге важности занимает место около 4 во всех категориях (возрастных, образовательных, половых и т.д.). Можно предположить, что на оценку респондентами спортивной сферы оказывают существенное влияние СМИ (спортивные передачи, спортивные каналы), поэтому нам кажется, что в данном случае спортсмен рассматривается как популярная известная личность, и для респондентов, выбравших данную характеристику, важным фактором успеха является накопление символического капитала.

Менее важны такие признаки успешности, как личное богатство, успехи детей, собственный бизнес (20,5%–19,5%). Попробуем сделать предположение, основываясь на общих чертах, которые содержатся в названных признаках. Во-первых, это стратегический характер, направленность на обеспечение долговременной стабильности и обеспеченности в будущем. Во-вторых, ориентация на личные заслуги, а не на внешние признаки успеха, как формальная слава, размер капитала, величина банковского счета.

В то же время такие признаки успешности, как должность руководителя, чиновника, статус депутата, степень доктора наук (10–13,6%) в общественном мнении как маркеры успешности не столь значимы. Для этих признаков характерным является, с одной стороны, четко определенные формальные критерии их достижения (официальный статус, регалии, кабинеты), высокая степень состязательности при покорении этих карьерных вершин. С другой стороны, относительно высокие издержки при движении по карьерной лестнице (обязательное наличие экономического, социального, культурного капитала). И с третьей стороны, прослеживается особенность ментальных конструкций, присущих традиционному российскому обществу.

Можно констатировать, что в оценке ценностей успеха у респондентов наблюдается биполярность: ориентация на эффективность, с одной стороны, т.е. на такие ценности, как самостоятельность, независимость, творчество, богатство, самоутверждение, амбициозность, компетентность (судя по выбору сфер успеха – профессионал, предприниматель, богатый человек, известный человек, руководитель предприятия); ориентация на справедливость – с другой, т.е. на такие ценности, как коллективизм, социальная

ответственность, традиции, безопасность, забота о других, стабильность, кооперация (сфера успеха – хороший, добрый человек, человек, имеющий хороших детей, депутат, чиновник).

Интерпретация выбора респондентов может быть произведена, опираясь на Э. Фромма. Выбор значимых и незначимых сфер успеха отражает мировоззренческую позицию респондентов, которая является примером непродуктивной рыночной ориентации. Успех человека зависит от того, насколько хорошо он умеет продавать себя на рынке, насколько привлекательна его «упаковка». В современной России привлекательными «упаковками» признаны «профессионализм», «сфера управления», «сфера предпринимательства» [2, 6, 11, 15, 16, 21, 22, 23,24].

Ответы пермяков подтверждают эти выводы в части профессионализма как успешной рыночной стратегии. В то время как «упаковки» **предприниматель, руководитель предприятия** располагаются ниже среднего уровня (7-е, 8-е места). То есть в Перми наблюдается отличие от общероссийской тенденции в выборе стратегий успеха.

Следует отметить, что респонденты определили одних и тех же лидеров рейтинга успешных пермяков, т.е. вне зависимости от возраста, социального статуса, материального достатка выбрали одинаковые приоритетные (1-е место в рейтинге – профессионализм) факторы достижения успеха в городе Перми. То есть эти отличия присущи пермскому обществу в целом и могут рассматриваться как составная часть пермской городской идентичности.

В то же время анализ показывает, что существует определенный разброс мнений и единого понимания успеха в Перми нет. При этом у большей части населения успех не связывается напрямую ни с финансовым благополучием, ни с властными полномочиями. Формальные карьерные достижения для большинства населения также не являются ключевыми критериями успеха. Что оставляет возможности развития пермской идентичности в самых различных направлениях.

Еще одно наблюдение. Разные критерии успеха могут легко ужиться в представлении одного и того же респондента, несмотря на их разнородность. Большинство населения выразило предпочтение не формальным критериям успеха (карьера, богатство), а критериям, основанным на принадлежности, признании в обществе по личным качествам, важным для общества (профессионализм и «хороший человек»).

Профессионализм и поддержание статуса «хороший человек» в динамике достижения успеха могут играть две разные роли в жизни личности. Они или противоречат друг другу, ограничивая развитие личности (известная фраза: «хороший человек – не профессия!»), или гармонизируют, балансируют личность, дают ей толчок в развитии.

Попробуем проследить закономерности в оценке респондентами успешных пермяков в зависимости от нескольких факторов: пол, возраст, образование, род деятельности, материальный достаток.

Существенных различий между полами в оценке признаков успеха нет. Можно предположить, что успех не имеет существенных гендерных различий. В то же время обнаружилось, что несколько отличается оценка: для мужчин важными признаками успеха являются достижения в бизнесе и предпринимательстве, а для женщин – достижение высоких должностей в сфере управления.

Необходимо отметить, что во всех возрастных группах профессионализм является ведущим фактором успеха. При этом профессионализм больше ценится людьми старшего и среднего поколения по сравнению с молодежью: водоразделом в оценке можно назвать 40 лет, приближение возраста Акме.

Вторым по значимости фактором является «хороший, добрый человек», однако в трех возрастных категориях этот фактор безоговорочно на 2-м месте, а в возрастной группе 46–60 этот фактор практически на одном уровне с фактором «известность».

Молодежь фактор известности ценят меньше (на шестом месте по популярности), чем богатство (пятое место в общем рейтинге) и успехи в бизнесе (4-е место). Можно предположить, что у данной возрастной группы завышенные амбиции и зависимость от внешней опеки.

С другой стороны, фактор известности менее значим в старшей возрастной категории (6-е место), уступая таким факторам, как богатство и хорошие дети. Мы трактуем это как важность для данной категории факторов, которые дают уверенность в завтрашнем дне (деньги и дети – это гарантии).

Вполне объяснимой ситуация выглядит с таким фактором, как «спорт»: с возрастом его значимость снижается.

Факторы, которые можно рассматривать как аутсайдеры рейтинга: руководитель предприятия; доктор наук, профессор; депутат; чиновник. Все они характеризуются формальным карьерным положением, т. е. имеет место четкость признаков успешности, по которым можно сразу понять достигнутый уровень успеха.

Профессионализм и «добрый человек» являются самыми значимыми для всех категорий по уровню образования (1-е, 2-е место). Разница в оценке значимости для категории «неполное среднее образование», где «добрый человек» более значим, чем профессионал. Скорее всего, это связано с тем, что люди занимаются неквалифицированным трудом, поэтому видят преимущества в человеческих качествах (социальном капитале), а не в профессионализме, и свой жизненный успех связывают не с повышением

квалификации, а с социальным капиталом (тем более что для этой категории третья по значимости ценность – хорошие дети).

Чиновник стабильно имеет низкий рейтинг у всех категорий. Значимость административной карьеры с ростом образования падает. Значимость научной карьеры имеет разброс: наиболее значима научная карьера для людей с неполным средним образованием, наименее значима для людей со средним образованием. Управленческая карьера находится в нижней части рейтинга примерно в равной доле для всех респондентов.

Для людей с высоким уровнем образования популярность – это значимый показатель успешности (2–3-е место), для людей с неполным средним образованием популярность менее значима (9–10-е место наряду с руководителем предприятия).

Фактор успеха «богатство» с уровнем образования свою значимость теряет (с 3-го места он опускается до 7-го).

Образование является наиболее показательным в ценностной оценке респондентов. Именно здесь ценности и распадаются: можно предположить, что есть определенный ценностный конфликт. Требования современного индустриального общества, где в условиях жесткой конкуренции люди вынуждены постоянно профессионально совершенствоваться, находятся в дисгармонии с личностными ожиданиями, потребностями, представлениями как наследием традиционных русских ценностей. Эффективность требует профессионализма, справедливость – доброты.

Среди опрошенных в аспекте «род деятельности» часть категорий составила очень небольшую долю: офисные работники, руководители, служащие, безработные, подрабатывающие (меньше 3,5% каждый), поэтому мы их не рассматриваем.

Важность профессионализма подтверждается практически во всех категориях, исключением являются домохозяйки (9–10-е место). Но с учетом того, что общая доля домохозяек 3,7% от числа опрошенных, что находится на грани погрешности, можно этот факт расценить как малосущественный.

«Хороший, добрый человек» у респондентов находится в первой тройке, за исключением работников торговли и обслуживания (5-е место) и домохозяек (5–6-е место). Категория работников торговли и сферы обслуживания отличается тем, что для них более высокую значимость имеют успехи в бизнесе (2-е место) и богатство (3-е место), а такие социально значимые факторы, как «хороший, добрый человек» и «человек, имеющий хороших детей», имеют для них относительно низкую значимость (5-е и 8-е место, соответственно).

Известность значима для специалистов с высшим образованием, бюджетников, предпринимателей, что хорошо коррелирует с анализом по уровню образования.

Отдельно скажем о студентах. Доля студентов, оценивших ценности «профессионализм» и «хороший, добрый человек», существенная – очень высокий показатель (40% и 41% соответственно). Это свидетельствует о том, что студенты в качестве фактора успешности отдают предпочтение профессионально-личностным качествам перед формальными карьерными регалиями (доктор наук, депутат, чиновник, руководитель).

Интересный момент связан с пересечением мнения респондента и сферы его занятости: для оценки значимости успешности быть предпринимателем всего лишь на 5-м месте для самих предпринимателей, для служащего государственных органов значимость быть чиновником на 6–7-м месте, а для руководителя предприятия быть руководителем предприятия вообще на 8-м месте. При этом, к сожалению, необходимо отметить, что доля руководителей и служащих слишком мала, чтобы так уверенно делать выводы.

Среди респондентов при оценке своего достатка доля респондентов, которые оценивают свой достаток как высокий или очень низкий, – ниже уровня погрешности, поэтому в анализе не рассматривается (2,9% и 2,6%).

Во всех категориях лидируют «профессионализм» и «хороший, добрый человек» с той тенденцией, что разрыв между ними увеличивается в сторону профессионализма с ростом материального достатка.

Необходимо отметить, что известность оценена относительно низко категорией респондентов с низким материальным достатком (6-е место) по сравнению с категориями более высокого достатка (3-е место).

Значимость богатства снижается с 3-го места для категории с низким достатком до 7-го места для категории со средним достатком.

Относительно высоко оценена значимость депутатства и государственной службы в категории с низким достатком (5–8-е места против 10–11-х).

Особняком стоит существенная доля респондентов (8,6%), которая затруднилась ответить об уровне своего достатка или не захотела этого сделать. В этой категории те же самые лидеры по значимости «профессионализм»; «хороший, добрый человек».

Следующими по значимости в данной категории респондентов являются богатство и успехи в бизнесе (3–4-е места, в то время как популярность на 8-м месте в рейтинге, что не совпадает с тенденциями в категориях, когда респондент оценил свой достаток.

Мы предполагаем, что от ответа уклонились те респонденты, которые ориентированы на материальный достаток.

Далее проведем анализ, опираясь на Ш. Шварца. Изначально «правила игры» в анализе были заданы следующие: культурные полюса **Мастерство, Иерархия, Автономия** (блок экономической эффективности) содержательно были более наполненными (по 3-4 характеристики успеш-

ного пермяка), в то время как полюса *Принадлежность*, *Равноправие* заполнены были менее (по 1–2 характеристики), полюс *Гармония* вообще не был содержательно заполнен (блок социальной справедливости). Содержательный перекокс объясняется целевыми установками исследования – выявить стратегии успешности пермяков, – что предполагает в большей степени ориентацию на экономическую эффективность, нежели на социальную справедливость.

По результатам опроса наблюдается дифференциация внутри блока «экономическая эффективность». Культурный полюс *Мастерство* занимает лидирующие позиции, несмотря на то что характеристика «профессионал, мастер своего дела» заняла 1-е место, характеристика «спортсмен» – 4 место, а характеристика «доктор наук, профессор» – 9-е. Мнение респондентов относительно характеристики «профессионал, мастер своего дела» являются довольно согласованными. Получается, что в решении проблемы по регулированию отношений людей к своему социальному и природному окружению пермяки предпочитают и поощряют активное самоутверждение, направленное на изменение природной и социальной среды для достижения групповых или личных целей. Ценности амбиций, успеха, дерзости, компетентности важны и поощряемы, с точки зрения Ш. Шварца. Ценятся способные люди, успешные, честолюбивые, выбирающие собственные цели.

Полюс *Автономия* занимает общее второе место в полюсе экономической эффективности: характеристика «бизнесмен, предприниматель» стабильно занимает в разных группах респондентов 5–8-е места. Пермяки знакомы с такими ценностными ориентациями, как независимость и самостоятельность, но их отношение не является столь согласованным.

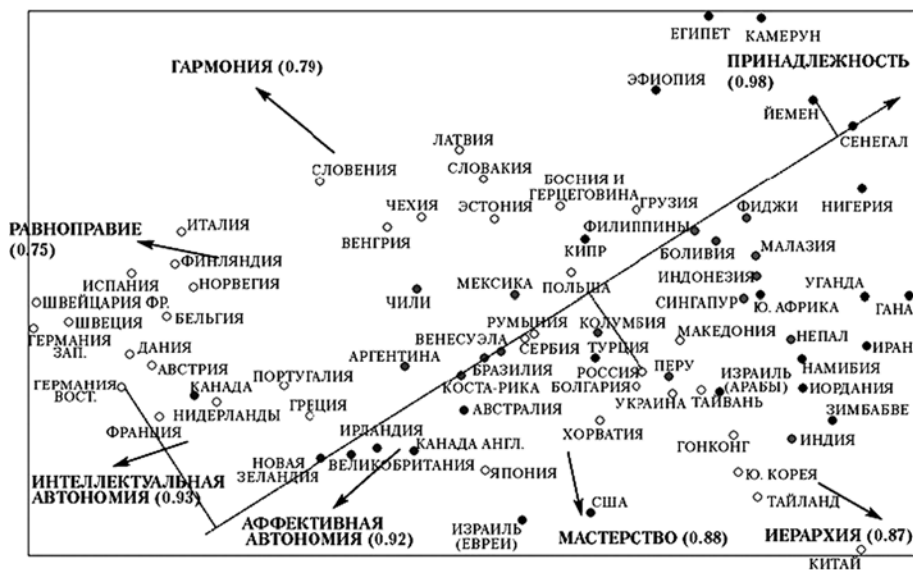
Последнее место занимает полюс *Иерархия* в блоке экономической эффективности. Данный полюс основан на иерархической системе ролевых предписаний, обеспечивающих социально ответственное поведение. Получается, что социальная власть, авторитетность, подчинение, богатство не столь значимы в стратегии успеха пермяка. И здесь назвать строго согласованными мнения респондентов в отношении проблемы обеспечения социально ответственного поведения сложно.

Обратимся к блоку социальной справедливости. Ценность *Принадлежность* занимает более высокую позицию в общем рейтинге успешного пермяка, чем ценность *Равноправие*, т.е. смысл жизни пермяки видят в социальных отношениях, идентификации себя с группой и стремятся к групповым целям. Для них должны быть значимыми социальный порядок, уважение традиций, безопасность, долг, мудрость. И соответственно, менее значимыми согласие кооперироваться, заботиться о благе других, равенство – как выражение ценностных ориентаций полюса *Равноправие*.

Обратимся к карте культурных дистанций по семи культурным ареалам между нациями, составленной Ш. Шварцем (2008 г.), который опрашивал студентов и учителей из 67 стран, используя технику многомерного шкалирования. Так как у нас нет аналогичной карты по регионам России, а есть по странам, попытаемся соотнести результаты локального анкетирования жителей региона и общемирового. Векторы в пространстве показывают направления, по которым увеличиваются баллы по каждой ценностной ориентации. Например, нации в правом верхнем углу демонстрируют максимальные показатели по **Принадлежности**, в нижнем левом углу – минимальные показатели. В России, судя по ее расположению на этой карте, должны быть более выраженными ценности **Принадлежности**, **Иерархии**, **Мастерства** и слабее **Гармонии**, **Автономии**, **Равноправия**. В локальном анкетировании, если подсчитать среднее по совокупности характеристик успешного пермяка в каждом культурном полюсе, получится, что на первом месте у пермяков стоит **Принадлежность**, далее **Мастерство**, **Равноправие**, **Автономия**, **Иерархия**.

Схема 1.

Карта 67 наций по семи культурным ориентациям (Шварц, 2008)

Однозначно можно сказать, что пермяки ориентированы на социальное окружение в достижении успеха и факт наличия связей, социального капитала для них значим. Одновременно пермяки ориентированы и на свои силы, на себя, свой потенциал. Причем в индивидуальной стратегии

все равно значимыми считаются социальные институты (например, институт образования, имеющий право присваивать квалификацию, а вот институт власти не значим). Индивидуальным сознанием и поведением тяжело управлять в масштабах даже отдельной фирмы, тем более отдельного района и уж тем более города. А вот ориентация пермяков на социальное окружение, потребность в принадлежности выступает своеобразным фактором, на который можно влиять.

Самооценка личного успеха пермяками: претензии и достижения

Насколько удовлетворены пермяки выбранными стратегиями успеха (осознанно или неосознанно) в важнейших сферах общественной жизни, показывает еще один вопрос. Удовлетворенность связана с оценкой респондентом своих притязаний и своих реальных достижений. Вопрос был связан с выявлением уровня самооценки и уровня притязаний респондента в отношении стремления и обладания разными формами капитала.

Как мы отмечали ранее, в стратегию успеха входит целевая установка. О. С. Анисимов полагает, что «принципиальную роль в целодостижении играет способность субъекта к самокоррекции для приведения себя к соответствию целодостижению и форме целесоответствия» [3, с. 180]. То есть самооценка выступает «стержнем всего процесса саморегулирования» [10, с. 142], является обязательным элементом, образующим все другие свойства и способности, связанные с самоосуществлением человека вообще.

Учитывая тот факт, что понятие «самооценка» сверхмногозначное [10], попытаемся выделить видовые характеристики, раскрывающие сущность самооценки и имеющие принципиальное значение для данного исследования [10, с. 19]:

- самооценка является связующим звеном, выражая критическую позицию субъекта по отношению к тому, чем он обладает, «оценка имеющегося потенциала» [10, с. 141] и «подготовка к реализации Я в действии, к осуществлению (самоосуществлению) в деятельности как деятельного субъекта» [10, с. 142], т.е. «характеризует не только достигнутый человеком уровень Акме, но и в большей мере степень его оптимальности в самореализации и потенциал для дальнейшего самосовершенствования» [9, с. 104];
- самооценка связана с оценкой себя через определенную систему ценностей – с критическим отношением к себе;
- самооценка находится на разных уровнях устойчивости, адекватности, зрелости;
- самооценка влияет на мотивацию, увеличивая эффективность деятельности.

С самооценкой тесно связан уровень притязаний человека, т.е. «желание достичь успеха на том уровне сложности или трудности решаемой

Соотнесение сфер жизнедеятельности личности и форм капитала

Моя семья	Мое место в обществе	Мое место в организации	Самореализация в профессии	Материальное благополучие
Социальный капитал Хороший, добрый человек; Человек, имеющий хороших детей	Символический капитал Известный, популярный в крае человек; Депутат; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	Административный капитал Депутат; Руководитель предприятия, организации; Чиновник, служащий государственного аппарата	Культурный капитал Профессионал, мастер своего дела; Известный, популярный в крае человек; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	Экономический капитал Руководитель предприятия, организации; Бизнесмен, предприниматель; Богатый человек
	Трудовой капитал Известный, популярный в крае человек; Депутат; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	Символический капитал	Интеллектуальный капитал	
	Социальный капитал Хороший, добрый человек; Человек, имеющий хороших детей	Известный, популярный в крае человек; Депутат; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	Профессионал, мастер своего дела; Доктор наук, профессор	
	Трудовой капитал Известный, популярный в крае человек; Депутат; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	Известный, популярный в крае человек; Депутат; Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	Трудовой капитал	

задачи, на которой он считает себя способным или которого по его мнению заслуживает» [14, с. 211]. Уровень притязаний формируется под влиянием субъективных переживаний успеха или неуспеха в деятельности.

По аналогии с психологической методикой А. М. Пригожина, которая, в свою очередь, представляет собой вариант известной методики Дембо–Рубинштейна, был разработан следующий вопрос анкеты.

Мы исходили из того, что каждый человек оценивает свой жизненный успех через оценку своего капитала по отношению к семье, социуму, экономике, профессии. В каждой из этих сфер есть крайние полюса, которые характеризуют состояние индивидуума как полное отсутствие капитала и как максимально возможное наличие капитала. Диапазон между крайними точками мы разбили на 10 уровней. Респондентам было предложено отметить на получившейся шкале в порядке самооценки уровень своих жизненных притязаний и достигнутый на данный момент уровень успешности.

Формы капитала были соотнесены с положением индивидуума в семье, обществе, организации, профессии, уровнем финансового благополучия. Представлено 5 таких линий (см. табл. 6).

Таким образом, был сформулирован и предложен респондентам вопрос на самооценку об уровне их жизненных притязаний в различных сферах жизни и достигнутом уровне на настоящий момент.

Таблица 7.

Вопрос анкеты об уровнях притязаний и уровнях достижений

Галочкой «V» отметьте на графике точку, в которой Вы находитесь сейчас, а крестиком «X» точку, которую вы будете считать своим успехом. Отметку сделайте в каждой строке.		
1	Моя семья	
Я – один	1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9 . 10	У меня хорошая, надежная семья и дети
2	Мое место в обществе	
Я – отверженный	1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9 . 10	Я – уважаемый
3	Мое место в организации	
Я – рядовой сотрудник	1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9 . 10	Я – президент компании
4	Самореализация в профессии	
Я – никто	1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9 . 10	Я – профессионал
5	Материальное благополучие	
Я – бедный	1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9 . 10	Я – очень богат

При этом для каждого респондента появилась возможность оцифровать в порядке самооценки:

- уровень притязаний в каждой сфере (расстояние между 0 и X);
- уровень самооценки достигнутого (расстояние от 0 до V);
- степень достижения собственных притязаний (разница между величинами X и V).

Наибольший интерес в целях нашего исследования представляет степень близости к успеху, которая присуща пермякам различных категорий, поэтому в качестве основного показателя для анализа мы выбрали средневзвешенные значения X, V и X–V в зависимости от сферы жизнедеятельности пермяка. Результаты сведены в таблицу (см. табл. № 8).

Таблица 8.

Средневзвешенные значения X, V и X–V в зависимости от сферы жизнедеятельности пермяка

Сферы жизнедеятельности	Средневзвешенные значения		
1. Моя семья	9,2	6,8	2,7
2. Мое место в обществе	9,1	6,7	2,6
3. Мое место в организации	8,3	4,8	3,7
4. Самореализация в профессии	9,2	6,4	2,9
5. Материальное благополучие	8,7	4,8	3,9

Следует обратить внимание, что значение X–V в таблице получено как средневзвешенное значение X–V по каждому респонденту, а не разница средневзвешенных значений X и V.

Анализ показывает, что, с точки зрения притязаний на успех, наиболее высокий уровень пермяки демонстрируют в сферах семья, положение в обществе и самореализация в профессии, что совпадает в лидирующими позициями профессионализма (самореализация в профессии), «хороший, добрый человек» (мое место в обществе) и человек, имеющий хороших детей (моя семья) (см. табл. № 3). Относительно ниже притязания с точки зрения положения в организации и материального состояния, что близко по смыслу с относительно низкими позициями таких факторов успеха, как богатство, высокая должность или формальный статус. С точки зрения самооценки достигнутого положения, деление на две группы сохраняется, но значения отличаются на большую величину, т.е. разница между ними возрастает. Хочется верить, что это свидетельствует о том, что высокий уровень притязаний как мотивирующий фактор способствует достижению более высокого результата.

Проведенный экспресс-анализ показывает, что если ориентироваться на достаточно естественное предположение, что на пути к более значимой цели индивидуум достигает больших результатов, чем к иным целям, то

показатель X–V свидетельствует, что семья и положение в обществе, несмотря на высокие притязания, являются наиболее успешными сферами для пермяков и, следовательно, наиболее важными.

Реализация активной стратегии самодвижения жителя конкретного региона непосредственно связана с процессами мышления. Выбранные маркеры и факторы успешности пермяков отражают категории настоящего (каждый респондент судил по себе, в какой сфере деятельности он бы стал добиваться успеха) и будущего (респонденты, выбирая сферы успешности, делали своего рода прогнозы, выражали свою Я-концепцию будущего). Мы начали исследование региональной идентичности с ценностного определения факторов успешности и выявления стратегий успеха пермяков.

Дальнейшие исследования предполагают определение базовых ценностей (ценностных ориентиров) как элементов стратегии успеха и выявление тенденций, присущих пермскому городскому сообществу, с точки зрения важности каждой из базовых ценностей для достижения успеха. Фактически это должно означать определение факторов конкурентоспособности пермяков на рынке капиталов (трудового, социального и пр.). А далее – к формированию системы ценностей, обеспечивающей молодому поколению, обретающему собственную идентичность, высокую степень конкурентоспособности на тернистом пути достижения жизненного успеха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Андрюхина Л. М. Креативное образование как форма профессиональной самоидентификации менеджера// подготовка профессионала XXI века: интеграция науки и практики: Дни науки УрГИ. Материалы Российской научно-практической конференции (17–19 мая 2005 г.). Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2005. 73–88 с.
3. Анисимов О. С. Цели и ценности: существенные сопоставления / О. С. Анисимов // Мир психологии. 2008. № 4. 178–184 с.
4. Байденко, В. И. Мониторинговое исследование Болонского процесса: некоторые результаты и взгляд в будущее// Высшее образование в России. № 7. 2009. 147–156 с.
5. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция. <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
6. Бинкина Е. И., Зуева Е. Л. Новые тенденции взаимодействия рынка труда и рынка высшего экономического и менеджериального образования в Пермском крае. Всероссийская социологическая конференция «Образование и общество». Москва, 20–22 октября 2009 г. М.: ИС РАН; РОС, 2009. 31 с.

7. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. Том 6. № 3. 2005. 60–74 с.
8. Гойло В. С. Интеллектуальный капитал // МЭ и МО. 1998. № 11. 68–77 с.
9. Деркач А. А. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития / А. А. Деркач, Е. В. Селезнева. Издательство НПО «МОДЕК», 2006. 496 с. (Серия «Библиотека психолога»).
10. Деркач А. А. Самооценка как структурообразующая процесса акмеологического развития / А. А. Деркач // Мир психологии. 2005. № 3. 139–146 с.
11. Иванова Н. Л. Профессиональная идентичность как фактор конкурентоспособности личности в современном бизнесе / Модернизация экономики и глобализация [Текст]: в 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. Книга 2. 642 с. 383–390 с.
12. Ковбасюк О. В. Воспитание у студентов осознанного отношения к собственной жизненной стратегии: дисс. к.п.н. Хабаровск, 2003, 218 с.
13. Лебедева Н. М. Культура как фактор общественного прогресса / Н. М. Лебедева, А. Н. Тагарко. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. 408 с.
14. Психология человека от рождения до смерти. Под общ. ред. А. А. Реана. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 656 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»).
15. Реутов Е. В. Региональные бизнес-сообщества: легитимация властных притязаний / Е. В. Реутов // Социс. 2007. № 6 (278). 72–78 с.
16. Скутнева С. Стратегии жизненного самоопределения молодежи в трудовой сфере // Социологические исследования. 2006, № 10. 88–94 с.
17. Тульчинский Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. 2012. № 11. 76–88 с.
18. Федотова Н. Н. Внеэкономический капитал и его значение для экономики и общества / Н. Н. Федотова, Л. Н. Федотов // Философские науки. 2009. № 3. 39–56 с.
19. Фахретдинова Г. Р. Рефлексия как средство становления личности профессионала / Г. Р. Фахретдинова // Психология обучения. 2008. № 11. 4–17 с.
20. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. и послес. Л. А. Чернышевой. М.: Коллегиум, 1992. 253 с.
21. Шабанова М. А. Успешные экономические акторы: адаптационное и протестное поведение в противоправном поле // Социологические исследования. 2007. № 10. 39–51 с.

22. Шабанова М. А. Новое поколение российского бизнес-сообщества: особенности профессионализации и адаптации // Социологические исследования. 2006. № 12. 28–40 с.

23. Шкаратан О. И., Инясевский С. А. Профессионалы и менеджеры в сфере занятости – положение и реальное поведение // Социологические исследования. 2006. № 12. 41–53 с.

24. Шкаратан О. И., Инясевский С. А. Социально-экономическое положение профессионалов и менеджеров // Социологические исследования. 2006. № 10. 16–27 с.

25. Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 83 с.

ГЛАВА 11.

ОСОБЕННОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ТОПОНИМИКИ ГОРОДА ПЕРМИ

И. А. Подюков

Пермь – типичный промышленный город, активное заселение которого происходит в послевоенные годы XX в. (преимущественно выходцами из уральского села). К началу XXI века он стал не только экономическим, но и культурным центром, объединяющим север и юг Прикамья. Названия многих городских объектов – улиц, микрорайонов, предприятий, площадей, учебных заведений, библиотек, предприятий, магазинов, дворцов и пр. – хранят историю и города, и края. К сожалению, топонимическая система города неоднократно подвергалась искусственному воздействию, что проявилось в активном использовании в топонимике идеологических, пропагандистских принципов. Топоним, созданный на основе советизма (площадь *Октябрьская*, завод *Красный Октябрь*, кинотеатр *Октябрь*, улица *25 Октября*, ул. *Максима Горького*, библиотека, дворец культуры, университет *имени Горького*), содержит искусственный, неконкретный признак, никак не выражает местную культурную специфику и собственную историю края.

Живая городская речь по-своему противостояла малоинформативным официальным топонимам – в городе часто параллельно функционируют официальные и неофициальные названия¹, которые созданы на основе ушедших названий, связаны с народным словотворчеством и языковой игрой. Центральный городской парк, Горьковский сад, например, до сих пор многие горожане называют *Огородом*, что хорошо соотносится с его исторической ролью – еще в XVIII веке здесь были городские сады и огороды. Только в неофициальной речи сохраняются специфические формы топообразований, частые в Прикамье в целом: *Заива* – ул. Чехова в Мотовилихинском районе, *Закама* – правобережье Камы; диалектные слова в названиях *Взвоз* – ул. Мостовая в Мотовилихинском районе, *Елань* – микрорайон Висим в Мотовилихинском районе города. В городе неофициально сохраняются старые названия типа *Коноваловские Пашни*, образованные по типу частых в прошлом именовании полей, земельных владений по фамилии владельцев (в старых переписных книгах часты названия типа *Борисова Пашня*, *Ширинкинская Пашня*). Достались от прошлого название

---

¹ В статье использованы материалы, отражающие языковой быт Перми конца XX в.; современное городское неофициальное топонимическое творчество еще требует своего осмысления.

завода «Моторостроитель» *Сталинский*, а Комсомольский проспект – улица *Кунгурка* (отмечается в речи пожилых пермяков).

Неофициальные названия могут появляться для обозначения того, что официально никак не названо. Это могут быть местные достопримечательности, особо значимые объекты (для молодежи – дворцы и клубы с дискотеками типа *Гагры* – Дворец имени Гагарина; для водителей – дороги – *Трасса* – ул. Мира в пос. Балатово, отличающаяся прямизной, *Ранголовка*, *Ранголовская дорога*, *Ранголовский переулок* – переулок в районе шоссе Космонавтов, на въезде на так называемую *Пьяную дорогу* – в названии обыграна фамилия инспектора ГАИ Ранголова, особенно «коварного» по отношению к водителям).

Неофициальная топонимика выступает как ориентирующий и информативный код города. Так, если в официальной топонимике Перми слабо выражена так называемая «роза ветров», неофициальные названия воспроизводят ее более полно. В ряде городов России (в Москве, например) отчетливо выражена географическая привязка названий (особенно улиц) – в северной части города используются названия типа *Магаданская*, *Енисейская*, в южной – *Донбасская*, *Ялтинская*, т. е. по южным городам. В Перми отмечены официальные названия *Восточный переулок* (Орджоникидзевский район), ул. *Северная* (Мотовилихинский район), несколько *Южных* улиц в Дзержинском районе, в целом географически ориентированные. Закономерно поэтому заполнение «западной» лакуны – появление неофициального названия *Западный* для микрорайона Краснова в Свердловском районе, а также для микрорайона, смежного с ул. Гусарова Свердловского района (примечательно, что до 1945 года это было официальное название микрорайона).

Неофициальная топонимика в целом по городу избирательна и избыточна. Неофициальными названиями выделены примечательные городские объекты: «дорогие» магазины, крупные здания (здание областного управления УВД называют в городе *Шпиль*, *Башня смерти*, даже *Морковка* и *Рог*; последнее встречается в речи криминальных элементов, скорее всего в связи с тем, что в жаргоне воров *рогатый* – представитель закона, силовых структур). Наиболее распространенное название *Башня смерти* связывают с тем, что, по молве, в подвалах башни расстреливали в довоенные годы репрессированных (на месте Главного областного управления УВД когда-то действительно было кладбище на опушке леса; есть свидетельства, что здесь производились расстрелы красных белыми и белых красными в годы гражданской войны, когда город переходил из рук в руки).

Особенно повышенное внимание в неофициальной урбанонимике проявляется по отношению к тем объектам, с которыми связано проведение молодежных мероприятий, концертов, дискотек, просто мест гуляний

и встреч. Среди причин создания неофициальных топонимов можно отметить проведение топонимических аналогий в оценке объектов города со столичными названиями. Отсылки к «облагораживающим» (а фактически – к ироническим) названиям видны в использовании известных столичных названий: *Пермский Невский* – ул. Крупской в Мотовилихинском районе, *Пермский Арбат* – ул. Сибирская, *Красная площадь* – название трамвайного кольца в Мотовилихе. Многие произвольные названия объясняются стремлением обеспечить большую информативность – так, улица Полины Осипенко часто называется жителями *Детская*, вероятно, в связи с тем, что на ней размещены 3 детских сада и детская библиотека; ул. 9 Мая называют *Больничная*, так как на ней расположен большой больничный комплекс. Названия фиксируют рельефную географическую особенность: обилие возвышенностей мотивирует появление образований как официальных, так и неофициальных – *Горки* (слово называет либо участок в Мотовилихинском районе от Мичуринских садов до площади Дружбы, либо микрорайон Висим, либо центр Ленинского района города – д. *Горы* реально существовала в окрестностях города в конце XVIII в.).

Еще одна причина неприятия официальных наименований – осознание их как претенциозных уже вне сугубо идеологических установок. В живой повседневной речи неохотно принимаются модные одно время названия типа *Солнечный*, *Дружба*, внешне эффектные, но практически неинформативные. Некоторое время назад планировалось переименовать микрорайон города *Вышка II*, так как у жителей района возникали в связи со словом «вышка» «лагерные» ассоциации. Но это не было выполнено во многом потому, что альтернативным ему было предложено название *Солнечный*. В названиях новых улиц, впрочем, такого рода безвкусица и топонимическая лакировка действительности продолжается – за последние годы появилось много улиц с внешне эффектными, но вряд ли удобными названиями типа *Лазурная*, *Бирюзовая*, *Аметистовая*, *Золотистая* (Кировский район города).

Географические названия (в большом городе это особенно важно) должны помогать человеку ориентироваться и, следовательно, должны быть наделены значимой культурной информацией. Особенно удобными при этом оказываются экспрессивные и образные средства языка – они останавливают внимание на уникальных свойствах объекта, содержат его разнообразные эмоциональные оценки.

Большая часть неофициальных топонимических новообразований – это словообразовательные, звуковые, грамматические, каламбурные варианты официальных. Здесь отмечаются достаточно простые случаи, когда в целях речевой экономии в названиях опускаются слова «улица», «поселок» (живу в *Нагорном* – имеется в виду поселок; магазин на *Ленина*).

Возникают считающиеся просторечными формы – улица *Ленинская* вместо Ленина, *Хохряковская* вместо Хохрякова, *Плехановская* вместо Плеханова, *Белинская* – ул. Белинского в Свердловском районе, аналогично *Успенская* – ул. Глеба Успенского в Свердловском районе и пр. Отмечена и противоположная тенденция – в случаях, когда официальные названия типа улица *Стахановская*, *Верещагинская*, *Пугачевская* сворачиваются в *Стаханова*, *Пугачева*, *Верещагина*. Причина явления чисто лингвистическая – сходство топооснов (в их качестве использованы фамилии на *-ов*, *-ин*), дублетность топоформантов – суффиксов. Под давлением наиболее частотных топонимических моделей меняются составные, громоздкие наименования – например, составное название магазина «Товары для новобрачных» получает название *Брачный*, *Новобрачный*.

Создаются разнообразные словообразовательные варианты официальных названий типа *Крохалева* – пос. Крохалева, *Егошиха* – пос. Егошихинский. При этом особенно активны номинации, созданные по широко распространенным образцам. Одна из наиболее продуктивных моделей – стяжение сложносоставных наименований с помощью суффикса-топоформанта *-к-*: *Железка* – пос. Железнодорожный, *Паровозка* – ул. Паровозная, *Стаханка* – ул. Стаханова, *Калинка* – ул. Калинина (также *Калинка* – Дворец культуры им. Калинина), *Чайковка* – ул. Чайковского, *Пролетарка* – пос. Пролетарский, *Российка* – кинотеатр «Россия», *Театралка* – кафе «Театральное», *Молодежка* – магазин «Товары для молодежи» в Ленинском районе, *Горняшка* – кинотеатр «Горн», *Грачевка* – Грачевская больница, *Девятка* – ул. 9 Мая, *Одойка* – ул. Одоевского, *Липка* – микрорайон Липовая гора в Свердловском районе, *Моторка* – ул. Моторостроителей в Свердловском районе, *Пионерка* – улица Пионерская в Свердловском районе, *Уфимка* – Уфимская улица в Свердловском районе, *Леонка* – ул. Леонова. Могут быть использованы и экспрессивные суффиксы: *Молоток* – кинотеатр «Молот», *Восстаха* – площадь Восстания, *Судик* – судозавод «Кама» в Кировском районе, *Кисляры* – микрорайон Кислотные дачи, *Подаренки* – магазин «Подарки» на Комсомольской площади в Свердловском районе, *Крохаля* – микрорайон Крохалева в Свердловском районе, *Медуха* – медицинская академия. Активная часть урбанонимии – усечения и аббревиации типа *Компрос* – Комсомольский проспект (встречается даже в объявлениях водителей общественного транспорта). Усечения типа: *Орджо*, *Орджоник* – Орджоникидзевский район, *Сельхоз* – сельскохозяйственная академия, *Универ* – Пермский государственный университет, *Финан* – финансовый техникум, *Фарм* – фармацевтическая академия, крайне распространены в речи молодежи. Созданные за счет упрощения структуры названия типа *Липа* (микрорайон Липовая гора), *Пролет* (пос. Пролетарский) одновременно получают мотивацию со стороны своей внутренней формы (жаргон-

ное *пролет* означает неудачу). Обыгрывание топонимов может приводить к появлению целых вариативных рядов, как в случае с формами для названия п. Балатово: *Булатово, Болотово, Блатово, Балашиха*.

Легкий способ переназывания – создание усечений и сокращений: *Кулек, Большой кулек* – институт культуры, *Маленький кулек* – культпросветучилище, *Химдым* – химический завод им. С. Орджоникидзе, *Полутех* – политехнический университет. Модными оказываются и звукобуквенные аббревиатуры: *ДМЗ* – микрорайон Бумажник в Орджоникидзевском районе (исходно из старого названия предприятия «Древесно-масловый завод», современное шутивное расшифровывание – Деревня мерцающих звезд), *СПЛ (Соединенные Штаты Левшино)* – п. Левшино, *ФРГ (Федеративная Республика Гайва)* – п. Гайва. Эти переназвания также очень часто становятся каламбурными: *Дуда, Дудка* – ул. Дудинская, *Танк* – ул. Танкистов, *Паровоз* – ул. Паровозная, *Гром* – микрорайон Громовский в Свердловском районе, *Маяк* – клуб им. В. Маяковского, *Декабри* – проспект Декабристов. В них название объекта уподобляется названию города или человека: *Чердынь* – ул. Чердынская, *Сема* – ул. Семченко, *Паша* – ул. Пашийская, *Леня* – ул. Леонова, *Чехов* – Дворец культуры им. Чехова. Названия типа *Молотилыха, Мотошляиха* содержат шутивные отсылки к понятиям «молотить» (жаргонно-просторечное – бить), «шляться» (за районом закреплена слава хулиганского). При этом возникают неодобрительные оценки: *Полонник* – ресторан «Полонез» на проспекте Декабристов, магазин *Дурман* из «Гурман» в Кировском районе. Также каламбурный смысл имеют названия безэквивалентные, не имеющие официальных соответствий: *Скандаловка* – район «Красный Октябрь», *Нахаловка* – район Мотовилихи, название *Секретный* – авторемонтный завод в Свердловском районе (назван так, потому что скрыт за жилыми кварталами, а шутивный оттенок создается аналогией с большим количеством расположенных в Перми действительно секретных военных заводов). Чаще, конечно, так создается шутка: *Портер* – ул. Порт-Артуровская, *Железо, Железяка* – ресторан на железнодорожном вокзале Пермь II, I, *Кислые дачи* – микрорайон Кислотные дачи, *Белка* – ул. Белинского, *Борцовка* – ул. Борцов революции, *Челка* – ул. Челюскинцев, *Тачкистов* (ул. Танкистов, с отсылкой к *тачка* – такси), *Семечкина* (ул. Семченко), *Астра* остановка Астраханская (название распространенного сорта дешевых пермских сигарет), ул. *Лапшийская* вместо Пашийская. Такие переделки очень распространены в молодежной речи.

Часто путь создания неофициального названия заключается в использовании метонимического переноса: магазины *Стегляшка* (многие постройки из стекла и бетона), *Деревляшка*, ряд старых трехэтажных кирпичных домов *Каменки*. При этом указывается на материал, цвет, особенности внешнего вида сооружения, «содержимое» объекта – *Морковка* (частое

название в Перми овощного магазина); магазин *Белый*, магазин *Зеленый* (следует отметить, что название прочно сохраняется, хотя здание уже перекрашено). Часты номинации по смежности: *Смертельный* – гастроном в окрестностях Областного управления внутренних дел (т. наз. *Башни смерти*, иногда его называют *ГПУ*, расшифровывая как «гастроном против – т. е. напротив – управления»), *Дворцовый* – шутовое название небольшого продовольственного магазина недалеко от Дворца им. Я. Свердлова, *Завод ул. Моторостроителей* в Свердловском районе (живут в основном рабочие завода, расположенного в непосредственной близости), *Огороды* – дома частного сектора на горе в микрорайоне Висим. Оценочное название *Зоопарк* по смежности имело в свое время высшее военное училище (расположено недалеко от городского зоопарка). Также *Зоопарком* названы были еще в советское время «обкомовские дома» в Ленинском районе, что мотивировано внешней аналогией – дома отгорожены сетчатым забором. Удобны геометрические аналогии, которые воссоздают внешние очертания объекта: *Квадрат* – бар на ул. Карпинского, *Треугольник* – Дворец творчества юных (дом венчает треугольная башенка), *Колесо*, *Кружок* – Комсомольская площадь в Свердловском районе города, *Кольцо*, *Кольцевая* – площадь Дружбы, *Шайба* – кафе «Чудесница» на ул. Мира, *Ямка* – овощной магазин на ул. Чкалова. Отмечена любопытная тенденция называть объект по его рекламному оформлению: продовольственный магазин в пос. Крохалева получил неофициальное название *Спрайт*, т. к. на его окнах большими буквами написана реклама этого напитка.

Один из приемов переименования – буквенное «чтение» пространства города, в связи с чем создаются названия: *Буква П* – о застройке домов по ул. Звонарева в Свердловском районе, *Буква С* – так называемый Дом Чекистов (последнее название дано по форме – по бытующей в городе легенде о планах из нескольких зданий выстроить слово «СТАЛИН», что не было осуществлено, хотя соседнее здание действительно напоминает букву Т). Часты метафорические аналогии. В названиях мы видим сравнения с бытовыми предметами типа *Аквариум* – магазин, вообще сооружение с большими стеклянными окнами. Ярко выражена в неофициальной топонимике «корабельная» тема, которая задана ориентацией города на реку Каму, на берегах которой он раскинулся. Сооружение с круглыми окнами получает название *Иллюминатор* (магазин около Дома офицеров), часты также названия типа *Кораблик*, *Белый пароход* (гастроном в Свердловском районе), *Палуба* (пл. Восстания в Мотовилихинском районе, а также продовольственный магазин в Мотовилихинском районе).

Часто используются для названия городских объектов топонимы, обозначающие другие города: *Одесса* – микрорайон Заозерье в Орджоникидзевском районе, *Балашиха* – Балатово (иногда такие переносы становятся

официальными – пос. *Крым* в Кировском районе города назван так потому, что сюда во время войны из Крыма был эвакуирован завод). Активнее всего в последнее время обыгрывается американская тема: *Америка* – микрорайон Липовая Гора, *Пентагон* – жилой район с тесной застройкой домов в пос. Кислотные дачи, *Бродвей* – центральная улица (города, района), место гуляний в частности, Комсомольский проспект, ул. Советская (известно, что слово *Бродвей* появилось в указанном значении в речи «стиляг» еще в 50-е годы, в Москве это была улица Горького, в Петербурге – Невский проспект). Заимствования могут определять особые районы города: *Техас* – шутливо об отдаленном районе города, в частности пос. Балатово (таково, кстати, и екатеринбургское название), *Калифорния* – об удаленных, «спальных» городских районах), *Пикадилли* – проспект Мира (между ул. Моздокской и Танкистов, где охотно прогуливается молодежь). Ул. Ленина, плотно занятая магазинами, молодежью называется *5-я авеню* (в Нью-Йорке эта улица целиком коммерческая), *Бронкс* – ул. Камчатовская в Свердловском районе, *Мотор-стрит* – ул. Моторостроителей в Свердловском районе, *Нью-Мотовилиха* – район новых застроек в Мотовилихе, *СШЛ, Соединенные Штаты Левшино* – пос. Левшино, *ФРГ, Федеративная Республика Гайва* – название пос. Гайва. Есть также в урбанонимике «восточная» тема. Она представлена названиями типа *Шанхай, Гонконг, Сайгон*. Возникновение топонима *Сайгон* для кафе «Лето» в Ленинском районе мотивировано подражанием Петербургу. *Гонконгом* шутливо называют район ул. Ушинского. Сохранил свою жизненность топоним *Шанхай* – так называют в Перми сейчас не тесные кварталы с барачной застройкой, а микрорайоны с частой застройкой частных домов – ул. Томская в пос. Левшино, микрорайон в Дзержинском районе «Заимка», в Балатово район ул. Моздокской, район «хрущевок» на ул. Карла Маркса в Свердловском районе. Африканские названия использованы в урбанонимах *Новое Конго* (называют также просто *Конго*) – микрорайон Садовый в Мотовилихе, *Старое Конго* – микрорайон Городские Горки в Мотовилихинском районе. Обращение к *Конго* связано с тем, что застраиваемый в 70-х гг. район получал и официальные африканские топонимы типа ул. Патриса Лумумбы.

Частый случай в городской урбанонимике – свободные метафорические обыгрывания официальных названий: *Лужа* – бар «Океан» на Комсомольском проспекте, *Рюкзак* – название бара в гостинице «Турист», *Труба* – кинотеатр «Горн», *Водолазная* – ул. Подводников, *Сквознячок* – кафе «Ветерок» в Мотовилихинском районе, *Каторга* – ресторан «Сибирь». Активны и составные метафорические наименования типа парикмахерская *Дамские слезы*. Образные средства передают разнообразные субъективные оценки (преобладающими при этом являются шутливые и иронические). Тот же смысл имеют названия с использованием идеи числа: *Тридцать*

три поворота – извилистая дорога в сторону пос. Гари, *Сто ямок* – плохо уложенный участок ул. Мильчакова, *Сотый* – магазин № 72 (в прошлом действительно носил этот номер, название осталось, несмотря на изменение нумерации). Можно говорить даже о действующих моделях с идеей числа – с использованием числа 3 созданы названия *Три входа* (рынок Стахановский, по ул. Карпинского); пельменная на ул. Чкалова в Свердловском районе называется *Три поросенка*, три смежных продовольственных магазина на ул. Ладыгина именуют в народе *Три богатыря*, магазин на ул. Куйбышева – *Три ступеньки* (назван по крыльцу с тремя ступеньками – недавно это название стало официальным). Название *Три поросенка* и в Перми, и в Екатеринбурге используется как определение комплекса магазинов из трех смежных сходной постройки зданий (подобно домам сказочных поросят). В связи с этим название *Три поросенка* используется как характеристика трех близко расположенных магазинов (бакалея, молочный, рыбный в пос. Крохалева). Возникают и явно каламбурные названия типа *Три пельменя* – о пельменной на ул. Чкалова (в названии скрыто объяснение маленьких порций).

Как и в деревенской среде, где все имело свои имена, признанные и понятные каждому, так и в городе названия активно используются для образно-экспрессивного, шуточного комментирования среды бытования горожан, конечно, внешне не всегда выразительной и интересной. Названия привносят в городской быт дополнительные краски, и особенно активна в сфере городской микротопонимики речь молодежи.

ПЕРМСКИЙ СТИЛЬ: ОТВЕТЫ И ВОПРОСЫ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

О. В. Лысенко
А. В. Шишигин
О. В. Игнатьева

Современные города давно стали своеобразными локомотивами развития общества. В них сосредоточено большинство населения, в них стекаются информационные и денежные потоки, они диктуют людям особый образ жизни. Разумеется, это не может не сказаться и на самих горожанах. Образ Вавилона, смешавшего языки и культуры, давно стал распространенным в художественных текстах символом городского образа жизни, пугающего и манящего одновременно. Что ж, городское общество полистилистично, и это необходимо помнить всегда.

Но вместе с тем, в условиях глобализации, когда идея нации-государства все меньше отвечает запросам и потребностям людей, города становятся тем последним форпостом, который охраняет родную нам среду обитания. По этим дворам мы бегали школьниками. По этим улицам мы гуляли студентами. Здесь мы живем, работаем, дружим, любим. Пространство любого города обладает для своего жителя трудно уловимым и трудно выразимым обаянием, связанным, прежде всего, с памятью и переживаниями. Город, в котором мы живем, близок нам и в прямом, и в переносном смысле. А потому требует своего образа.

Есть и другой аспект этой проблемы. Многим пермякам, бывающим в других городах и странах, знакома ситуация: «Пермь? Это в Сибири?» Такое неузнавание города со стороны *других* всегда болезненно. Нам мало иметь собственный, глубоко личный образ города. Мы хотим, чтобы эта точка на географической карте была узнаваема и, желательнее, ассоциировалась с чем-то хорошим. На уровне политическом и экономическом это связано и с проблемами развития города. Город как *бренд* есть залог его благополучия, инвестиций, притока новых жителей. «Чего нет в Интернете, того нет и в жизни», – эта максима сегодня не пустой звук. Для успешного развития города необходимо его узнавание, присутствие его образов в медийном и культурном пространстве России и зарубежья. Следовательно, популяризация «пермского» стиля все же необходима. Другой вопрос, а что он есть такое, этот стиль, и что в этом стиле необходимо акцентировать.

В научной среде понятие стиля чаще всего ассоциируется с литературой, с формами языка. Но если учесть еще одно расхожее мнение о том, что все в нашем мире есть текст, есть сообщение, то применение понятия

стиля к социальным общностям не покажется надуманным. Любая общность, если она, конечно, не есть «класс на бумаге», вырабатывает у своих членов чувство общности, идентичность. А эта идентичность, в свою очередь, требует выражения, воплощения в системе узнаваемых символов, знаков, атрибутов, жестов. **Стиль есть форма презентации идентичности любого реального сообщества.** На этом определении и построено наше исследование.

Однако такое определение требует решения еще одной научной проблемы, а именно – определения идентичности. Современный уровень понимания этого явления далек от совершенства, прежде всего, в силу изменения самой идентичности. Если пятьдесят лет назад, когда дискуссии об идентичности вспыхнули в научном сообществе с новой силой, большинство исследователей трактовали ее как нечто устойчивое, раз и навсегда выработанное, сопровождающее человека всю жизнь, то сегодня так говорить уже трудно. Динамика социальных изменений, новые явления в культуре, развитие коммуникационных каналов приводят к необходимости постоянно корректировать собственные представления о себе и о «своих». Конструктивизм из научной парадигмы постепенно превращается в принцип жизни для некоторой части населения, наиболее адаптированной и чуткой к изменениям. Для них уже неприемлем один устойчивый образ себя и членов своего сообщества, они постоянно находятся в процессе выстраивания своей идентичности. «Люди третьего поколения» А. Тоффлера, «креативный класс» Р. Флориды, «социальные новаторы» Р. Н. Абрамова и А. А. Зудиной есть по сути одно и то же название этой новой категории людей, пусть и в разной интерпретации и с разной степенью удачи. Их трудно вычленишь с помощью формальных статистических процедур, но их присутствие в обществе несомненно.

Поэтому, с точки зрения способов выстраивания идентичности, правомерно будет трактовать современное городское сообщество как двухуровневое, состоящее из слоя новаторов, строящих свой стиль (и свою идентичность) из самых разнообразных символов и практик, и слоя жителей, настаивающих на некоем едином образе городского сообщества. И те, и другие черпают материал для самопрезентации из одних и тех же товаров, находящихся в условном городском «символическом супермаркете», но различен сам принцип выстраивания стиля и отношение к элементам стиля. Если для первых это игра, эксперимент, в котором любые символы и любые идентичности могут сочетаться самым причудливым образом, то для вторых – дело принципа, *causa omnium* самого социального существования. Если для первых характерна толерантность по отношению к иным стилям, то для вторых – «локальный фундаментализм», ревностное отстаивание своего образа от посягательств со стороны кого бы то ни было.

Что самое печальное – этот фундаментализм зачастую имеет наибольшее распространение в среде самых образованных пермяков. Что ж, нам всем предстоит долгая работа по примирению этих сторон, по выработке, как минимум, некоторой общей платформы готовности строить. В конце концов, как сказал один из пермских экспертов, неоднократно цитируемый в монографии, пермскому гражданскому сообществу свойственна «ассамблейность» и «договоропригодность».

Наше исследование, то есть социологические опросы и интервью, анализ текстов в СМИ и Интернете, изучение практик городских сообществ, приводит нас к выводу, что выстраивание пермской идентичности и пермского стиля не только возможно, но и необходимо. Пермский стиль существует, как существуют и его носители – жители Перми. Он пока еще во многом стихийен, складывается из самых разнообразных, зачастую противоречивых элементов, он вызывает неоднозначное отношение со стороны приезжих и самих жителей. Но самое главное – строительного материала как для брендинга территории, так и для формирования самобраза предостаточно. Это и пермский говор, и гражданские практики, и историческая память, и притязания на звание форпоста Европы, и особая трудовая культура (даже если существует на уровне дискурса). Поскольку, как говорит М. Н. Липовецкий, «выстраивание идентичности всегда двусторонний процесс», без учета этих особенностей всякий стиль окажется навязанным и «придуманным». Другое дело, что возможна «корректировка» этого стиля со стороны наиболее влиятельных и заметных игроков в социокультурном пространстве города.

Во-первых, необходимо добавление «позитива» в оценки столицы Прикамья и ее обитателей. В принципе, даже не самые замечательные стороны городской жизни могут выступить в качестве повода для некоторой игры, особенно с элементами самоиронии (вспомним известный телесериал «Реальные пацаны»). А уж что касается пермского говора, то его, на наш взгляд, вообще имеет смысл сделать культурным достоянием Пермского края, судя по результатам опросов и мнению экспертов. Создавать положительный имидж Перми в глазах самих пермяков – дело непростое, но в перспективе – благодарное. Не каждый специалист в области рекламы способен на это. Здесь не подойдут никакие лобовые атаки типа плакатов «пермяки – хорошие». Очевидно, эта задача для большого круга экспертов и поле для реализации многих взаимосвязанных проектов.

Во-вторых, «пермский» стиль не должен ассоциироваться с какой-то одной эпохой или одним символом («пермский звериный стиль», «пермский театр», «индустриализация» и т.д.). Он естественным образом должен вбирать в себя самые значимые символы и образы всех эпох (начиная с «пермского периода»), что позволит, с одной стороны лучше

выполнять функцию социальной интеграции (от интеграции в пермское сообщество приехавших мигрантов до социализации собственно коренных пермяков), а с другой – позволит расширить круг носителей стиля, превратить большинство из них в участников стилистической игры, как мы это наблюдаем, например, в туристических городах с уже сформированным узнаваемым образом¹. Для этого необходимы культурные проекты, способные не только презентовать «пермский» стиль стране и миру, но и постоянно его поддерживать. Это не может быть разовой акцией, но должно рассматриваться как важная часть культурной политики края и города.

В настоящий момент, например, остро стоит вопрос с наследством пермского культурного проекта. Как бы ни относились к нему жители Перми и представители общественных организаций, он все же состоялся: остались арт-объекты, институции, начали складываться новые привычки и модели поведения. Пока большинство из них остается «неосвоенными» многими пермяками. Чтобы новые символы вошли в «плоть и кровь» городской жизни, на наш взгляд, необходимы дополнительные усилия по «изобретению традиций», способных дать им новые, близкие Перми смыслы. Так, «Обгрызенное яблоко» напротив библиотеки им. А. М. Горького могло бы стать символом «гранита науки», особенно если включить его в ритуалы посвящения студентов. «Пермские ворота», сложенные из бревен около вокзала Пермь II, могли бы стать памятником политкаторжанам, и тогда, может быть, из «Табуретки» они превратились бы для многих в место памяти. Да и пресловутым «красным человечкам» вполне нашелся бы и достойный смысл, и достойное место. Будут ли эти арт-объекты приносить символическую и не только пользу городу или так и останутся курьезом времени правления О. Чиркунова – вопрос на данный момент открытый.

В-третьих, это выводит нас на вопрос о механизмах реализации широких проектов, связанных с культурой и брендингом городов. Работа по разработке и популяризации «пермского» стиля, по наполнению этого «символического супермаркета» не может выполняться только лишь «креативными» культуртрегерами, какими бы большими талантами они ни обладали. Деятельность в этой сфере А. Иванова, Н. Шостиной, Т. Санниковой, В. Абашева и многих других им подобных заслуживает отдельного рассмотрения и изучения (и это один из наших будущих проектов). Как и многое другое в российской политике, сегодня механизмы воплощения проектов в жизнь носят случайный, зачастую личностный характер. На наш взгляд, между властью и бизнесом с одной стороны, и

---

¹ Хороший пример дает, например, Суздаль, в котором даже большинство вывесок и заведений общепита носит ярко выраженный «локальный», игровой характер. Или Одесса, чей стиль широко эксплуатируется и в литературе, и в кино, и в городском фольклоре.

людьми, производящими «культурный продукт», – с другой, существует огромная пропасть. Это особенно становится заметным, если ознакомиться с практикой подобных проектов в других городах России. Между ними нередко не оказывается нужного звена – «человека дела», если воспользоваться терминологией Э. Хоффера; проще говоря – проектного менеджера, специалиста в области продвижения и реализации идей. В Перми этот слой уже начал формироваться, что есть несомненная заслуга «пермского культурного проекта». Во многих других городах России этот факт воспринимается как некое «чудо». Станет ли опыт проектов в области культуры «визитной карточкой» Перми или канет в лету – опять-таки покажет время.

Но одновременно надо понимать, что в данном процессе активно участвуют не только «креативные», но и обычные, «простые» пермяки. Именно в общении с жителями города мигранты из других городов, регионов, а порой и стран становятся «пермяками». От того, насколько сами пермяки (или какая-то их значительная, заметная часть) воспримут предлагаемый самообраз, насколько они будут готовы включиться в практики, его поддерживающие, зависит успех масштабного проекта по конструированию пермского стиля. Следовательно, необходима работа над поддержанием и конструированием пермской идентичности во всех слоях пермского сообщества с постоянной обратной связью.

Необходимо также понимать, что «пермская» идентичность имеет двойную природу. Пермь – это и житель города Перми, и житель Пермского края. Последнее особенно важно учитывать, поскольку основной приток новых жителей Перми идет все-таки из территорий Прикамья. Следовательно, поддерживать надо и региональную идентичность, которая сегодня проигрывает и идентичности локальной, и идентичности гражданской. Для этого необходимо, как минимум, дальнейшее изучение процессов конструирования территориальных идентичностей в Пермском крае.

Получается, найдя некоторые ответы, мы вышли на еще более широкий круг вопросов. Наверное, это логично, потому что любой научный труд – лишь побуждение к практической деятельности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лысенко Олег Владиславович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Область научных интересов: социология города, социология образования, социология культуры, повседневность. Автор многочисленных научных статей.

Организатор и участник ряда проектов в области культуры и образования.

Автор и ведущий программы «Социум» на радиостанции «Эхо Перми».

oleg-lysenko@yandex.ru

Игнатиева Оксана Валерьевна

Заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, доцент, кандидат исторических наук.

Сфера научных интересов: пермский звериный стиль, история коллекционирования археологических древностей, история культуры Пермского края, прикладная культурология.

Автор книг: «Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения», «Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа» (в соавторстве).

ignatieva2007@rambler.ru

Шишигин Андрей Владиславович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Сфера научных интересов: этносоциология, социология города, социология культуры.

shish02@yandex.ru

Янковская Галина Александровна

Доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель отдела научных исследований и работы с музейной аудиторией Музея современного искусства PERMM, автор более 70 статей по вопросам истории российского общества, искусства эпохи сталинизма и визуальной культуры России, опубликованных в интеллектуальных журналах «Отечественная история», «Новое литературное обозрение», Ab Imperio, Slavic Review, «Диалог со временем», автор монографии «Искусство, деньги и политика: советский художник в годы позднего сталинизма» (Пермь, 2007), редактор альбома «Живая Пермь» (Пермь, 2012).
yank64@yandex.ru

Дюкин Сергей Габдульсаматович

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии ПГАИК.
Сфера научных интересов: ментальные исследования, культура массовых коммуникаций, венгерская культура, российско-венгерские культурные связи.
dudas75@mail.ru

Кузнецов Андрей Геннадьевич

Кандидат технических наук, доцент кафедры экономики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Работал ведущим инженером, ведущим конструктором по оборонной тематике. Участвовал в реализации ряда научно-технических проектов гражданской тематики в связи с конверсией оборонных предприятий.

С 2000 г. начал работать в компании «Уралсвязьинформ». С 2005 года – заместитель генерального директора – директор Межрегионального филиала сотовой связи ОАО «Уралсвязьинформ» (торговая марка Utel).

В 2009–2011 гг. работал в должности заместителя генерального директора – коммерческого директора ОАО «Волгателеком» (г. Нижний Новгород).

Награжден медалью имени Л. Эйлера «За заслуги» механико-математического факультета ПГУ (2006). Член-корреспондент Академии телекоммуникаций и информатики.
papasha9914@mail.ru

Ковин Виталий Сергеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заместитель декана исторического факультета ПГГПУ.

Сфера научных интересов: выборы, политические партии, общественные движения, гражданское общество. Автор научных публикаций по темам электорального поведения, политической культуры и региональной идентичности. Координатор пермского представительства Ассоциации «ГОЛОС», член правления АНО «Гражданские ценности в образовании», член комиссии по общественному (гражданскому) контролю при Общественной палате Пермского края.

kovinvt@gmail.com

Оболонкова Марина Александровна

Кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Научные интересы: интеллектуальная история, проблемы исторической памяти, история Европы, история первой мировой войны: социально- психологические аспекты.

Руководитель автономной некоммерческой организации «Общественная лаборатория «Гражданские ценности в образовании».

obolonkova@pspu.ru

Подюков Иван Алексеевич

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, автор монографий и статей о фольклоре, народной культуре жителей Прикамья, изучает современный пермский говор.

podjukov@yandex.ru

Селезнева Светлана Михайловна

Старший преподаватель кафедры экономики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пишет диссертацию на тему «Формирование акмеологического потенциала будущего менеджера в вузе». Автор статей по проблемам идентичности, менеджмента, социологических методов.

seleznevasm@mail.ru

Научное издание

ПЕРМЬ КАК СТИЛЬ

Презентации пермской городской идентичности

АВТОР ПРОЕКТА

Трегубова Елена Григорьевна

Коллектив авторов:

Игнатьева Оксана Валерьевна

Лысенко Олег Владиславович

Янковская Галина Александровна

Шишигин Андрей Владиславович

Ковин Виталий Сергеевич

Оболонкова Марина Александровна

Дюкин Сергей Габдульсаматович

Кузнецов Андрей Геннадьевич

Селезнева Светлана Михайловна

Подюков Иван Алексеевич

Научные редакторы: **Лысенко** Олег Владиславович,

Трегубова Елена Григорьевна

Издается в авторской редакции

Верстка и дизайн: Е. Михайлович

Автор фотографий Перми: М. Кимерлинг

ИБ № 558

Свидетельство о государственной аккредитации вуза

№ 1806 от 11.03.2009 г.

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001 г.

Подписано в печать 03.05.13. Формат 84x108/32

Гарнитура Петербург. Печать офсетная.

Усл. печ. л. ... Уч.-изд. л. ...

Тираж 500 экз. Заказ № ...

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,

тел. (342) 238-63-12

Отпечатано ...

Адрес, телефон